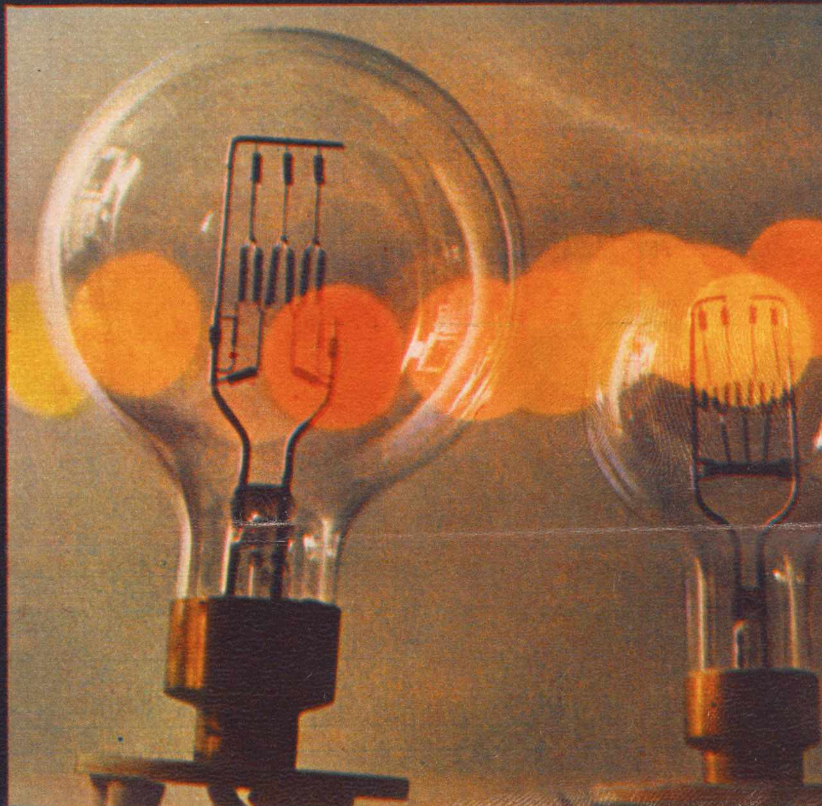

ОГОНЁК

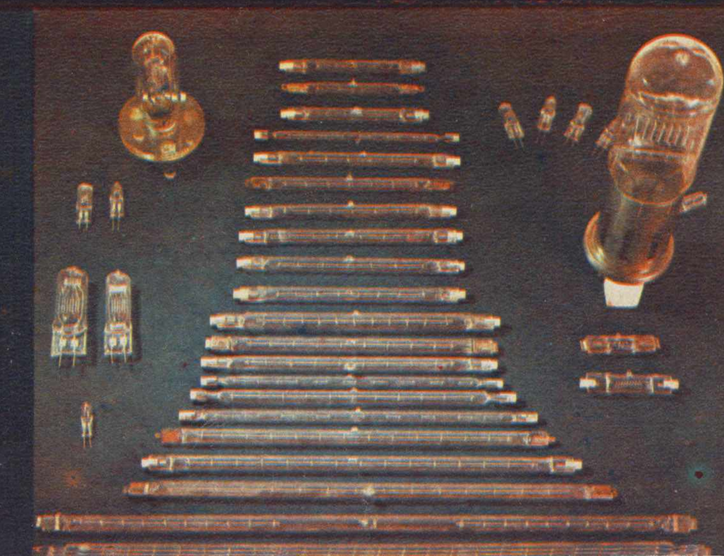
№ 42 ОКТЯБРЬ 1972

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ ЛАМПЕ ЛОДЫГИНА—100 ЛЕТ

КАЖДАЯ ЧЕТВЕРТАЯ ЛАМПА СДЕЛАНА В САРАНСКЕ

ЧИТАЙТЕ РЕПОРТАЖ ИЗ ЛАБОРАТОРИИ СВЕТА

ОГОНЁК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 42 (2363)

Основан 1 апреля 1923 года

14 октября 1972

Последний бросок комбайнов.

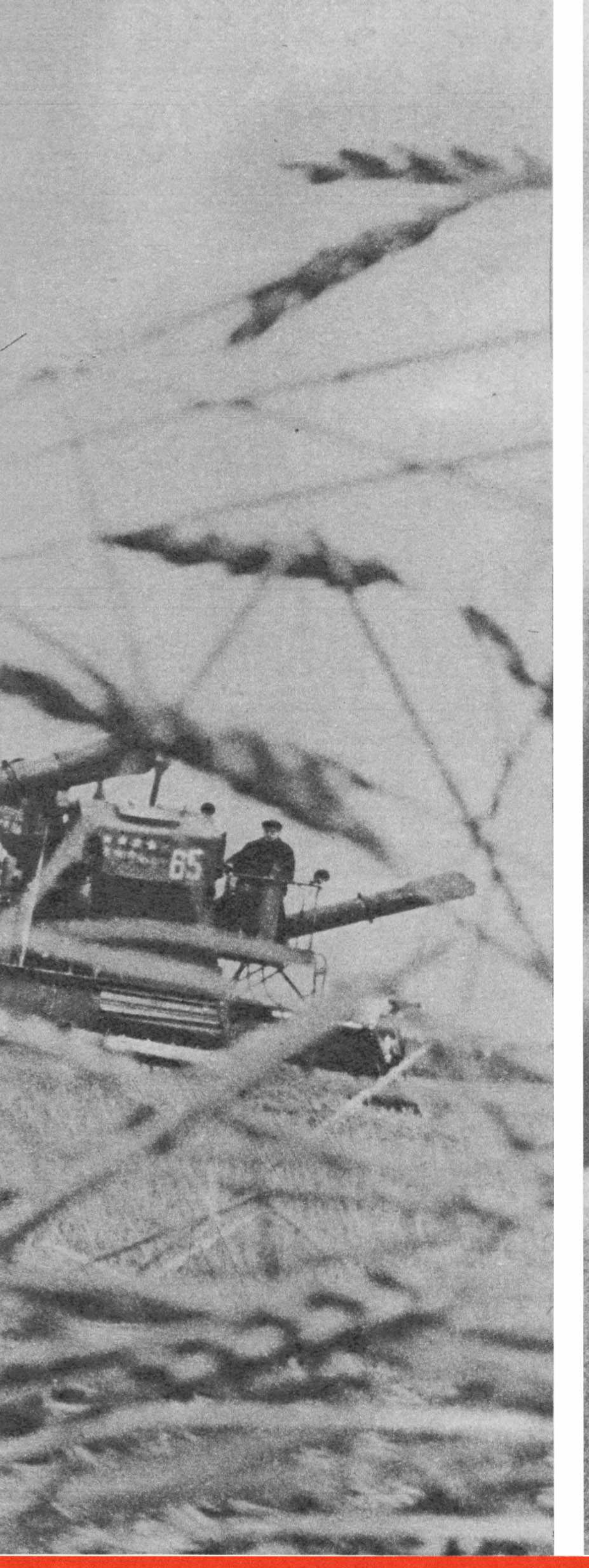
В ТОТ САМ

Главный агроном совхоза А. И. Кузнецов: «Перебросим комбайны на пятое поле...»

Еще одна звезда на комбайне Григория Сапсая.

Хлебороб Григорий Тихонов.

Ы Й ЧАС

Ю. ЛУШИН

Фото автора.

Еще хмуро ходили над полем тучи, еще сыпался кое-где с неба противный мелкий дождь, еще не успело продуть и просушить скошенные в валки колосья, как уже захлопотали у комбайнов люди. Дул резкий, холодный ветер, и стебли пшеницы с тяжелыми шапками колосьев гнулись книзу.

«Вот и этот тоже против нас,— невесело подумал комбайнер Григорий Сапсай. — Но ничего, косить осталось совсем немного, а подобрать подберем, «Сибиряки» выручат»...

Природа этой осенью словно решила испытать людей на прочность. Какие только каверзы не строила! Комбайнеры ловили буквально каждый погожий час, сутками не уходили с полей. Ведь урожай-то, несмотря на все невзгоды, обещал быть отменным — по 26 центнеров с гектара в среднем. Но эти самые 26 центнеров никак не давались в руки. Они лежали пока в валках или качались под свирепым ветром, как бы подтверждая народную мудрость: не тот хлеб, что на полях, а тот, что в закромах.

И люди постоянно дежурили у комбайнов, постоянно были в полной готовности. Ведь такой хлеб в этом году! Совхоз «Чикский» нынче обязался продать государству 200 тысяч центнеров хлеба вместо 75 тысяч по плану.

...Вот уже сыпень иссяк, и на горизонте небо посветлело. Светлая полоска постепенно ширилась, рождая в душе хлебороба надежду. Григорий Сапсай поднял с ближайшего валка охапку колосьев — еще влажноваты, но подбирать можно. В который раз за эти дни он с благодарностью подумал о «Сибиряке» — надежном, выносливом друге-комбайне, специально созданном для сибирской жатвы...

В тот же час к краю другого поля, на третьем участке совхоза, подошел другой комбайнер — Григорий Тихонов. Свой видавший виды «СК-4» с десятком желтых звезд на корпусе — заслуги прошлогодней жатвы (каждая звезда — за тысячу центнеров намолоченного зерна) — в начале уборочной он сдал молодому парню, а сам пересел на новый комбайн «Сибиряк». Такого прекрасного комбайна он еще не видел. Он твердо знает: на новом комбайне при любой погоде сможет намолотить тысяч двенадцать центнеров.

В тот же самый час у центральной диспетчерской совхоза уточнялась стратегия уборки. Уже точно было известно, чего именно и от какого поля можно ожидать. Тут неоценимую помощь оказала диспетчерская установка «Элита», впервые в Новосибирской области примененная здесь, в Чикском совхозе. На карте полей в соответствии с полученными данными перемещались фишки с условными обозначениями, и, следуя этим перемещениям, шли в наступление звенья «Сибиряков».

А час спустя к чикскому хлебоприемному пункту снова пошел поток машин с зерном нового урожая, так что лаборант-визировщик Вера Скосырская едва успевала брать пробы зерна. Шоферы шутили:

— Торопись, Верочка, «Сибиряки» пошли в наступление...

Георгий **ПОГОСОВ**

Фото А. ГОСТЕВА и И. ТУНКЕЛЯ.

Дни литературы и искусства РСФСР в Азербайджане. Первый секретарь Центрального Комитета Компартии Азербайджана Г. А. Алиев, заместитель Председателя Совета Министров РСФСР В. И. Кочемасов, выступает писатель, главный редактор журнала «Москва» Михаил Алексеев.

ЦВЕТЫ, ТЕПЛО СЕРДЕЦ

Много торжеств повидал на своем веку Азербайджан, но такого праздника муз, каким стали Дни литературы и искусства Российской Федерации, здесь, пожалуй, еще не было.

Лучшие концертные залы и сценические площадки Баку, тридцати городов и районов республики содрогались от аплодисментов, которые принимали Государственный академический русский народный хор имени Пятницкого и симфонический оркестр Московской государственной филармонии, солисты балета Ленинградского академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова и Государственная академическая русская хоровая капелла, Государственный Красноярский ансамбль танца Сибири и ансамбль русских народных инструментов «Боян», Государственный башкирский ансамбль народного танца и ансамбль скрипачей Государственного академического Большого театра Союза ССР. Бакинцы на каждом шагу узнавали выдающихся деятелей советской культуры — лауреатов Ленинской премии композитора Дмитрия Шостаковича и поэта Расула Гамзатова, певцов — лауреата Ленинской премии Людмилу Зыкину и народного артиста СССР Александра Огнивцева, народных артистов Советского Союза балерину Ирину Колпакову и дирижера Кирилла Кондрашина, народного художника СССР Михаила Аникушина и заслуженного деятеля искусств РСФСР Гелия Коржева — известных ученых и писателей, деятелей музыки и театра, мастеров кино и изобразительного искусства, дарили им цветы, улыбки, тепло своих сердец.

Обращаясь к дорогим друзьям на торжественном вечере по случаю открытия Дней литературы и искусства РСФСР в Азербайджане, первый секретарь Центрального Комитета Компартии Азербайджана Г. А. Алиев сказал, что приезд российских гостей — драгоценный подарок для азербайджанского народа, всех трудящихся республики, что в нем зримо проявились душевная щедрость, которая всегда отличала русский народ, все народы Российской Федерации, их братские чувства к трудящимся Советского Азербайджана.

Десять дней под голубым шатром республики звучал величественный гимн братству и дружбе народов. Мастера культуры Советской России и Советского Азербайджана сплетали бесценные музыкальные, художественные и поэтические венки, демонстрируя свою непоколебимую верность великому братству советских людей, безграничную преданность торжеству мудрой ленинской национальной политики, великому делу партии. И, радуясь приезду дорогих гостей, еще ударнее трудился весь Азербайджан, еще щедрее грело солнце, еще теплее было на душе от незабываемых встреч. Советский Азербайджан показал друзьям все, чем он славен и богат. И хлопок, этот цветок человеческий, поведал посланцам народов России о том, что земледельцы республики в сложных погодных условиях вырастили богатый урожай «белого золота» и первыми в стране выполнили годовой план его продажи государству. И нефть, это поистине неисчерпаемое богатство подземных кладовых Азербайджана, рассказала о том, что море и суша сполна отдают человеку черную кровь земли. И химия, эта чародейка нашего времени, показала, что становится добрым помощником человека в труде и быту.

Говоря о значении встречи двух братских культур, руководитель делегации Советской России, заместитель Председателя Совета Министров РСФСР В. И. Кочемасов подчеркнул, что широкий обмен духовными ценностями, проходивший в дни фестиваля братства и дружбы, дальнейшее взаимовлияние и взаимообогащение социалистических национальных культур в канун славного 50-летия образования СССР являются самыми радостными итогами этой встречи.

Советская Россия и Советский Азербайджан в канун золотого юбилея образования СССР скрепили свою вечную, как сама жизнь, дружбу братским сердечным рукопожатием. Трудящиеся многонационального Азербайджана, сделавшие все, чтобы этот незабываемый праздник — Дни литературы и искусства РСФСР — прошел на самом высоком уровне, долго еще будут помнить своих братьев и сестер из Советской России.

Баку.

Цветы искусства России — нефтяникам Азербайджана.

Добро пожаловать, дорогие гости.

На гостеприимной земле: Николай Доризо, Анатолий Иванов, Олег Шестинский, Назар Наджми и Юрий Рытхэу.

Расул Гамзатов и Наби Хазри.

Мемориал Сергея Есенина в селении Мардакяны.

О музыке и братстве.

Азербайджанская песня. Поет Флора Керимова.

Русский танец «Валенки».

ВЫСОКИЕ ГОСТИ В МОСКВЕ

Гостеприимно встретила Москва 10 октября шахиншаха Ирана Мохаммеда Реза Пехлеви и шахиню Фарах Пехлеви, прибывших в Советский Союз с официальным визитом по приглашению Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства.

На Внуковском аэродроме, украшенном государственными флагами Ирана и Советского Союза, шахиншаха Ирана встречали Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Д. С. Полянский и другие официальные лица, представители трудящихся Москвы.

Среди встречавших были посол Ирана в Советском Союзе А. Теймур, дипломатические сотрудники иранского посольства.

Вместе с шахиншахом Ирана в Москву прибыли министр иностранных дел Ирана Аббас Али Халатбари, другие официальные лица.

10 октября в Кремле начались переговоры Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного и Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина с шахиншахом Ирана Мохаммедом Реза Пехлеви.

От имени Президиума Верховного Совета СССР и правительства СССР в Большом Кремлевском дворце в тот же день был дан обед в честь шахиншаха Ирана Мохаммеда Реза Пехлеви и шахини Фарах Пехлеви.

На обеде были Л. И. Брежнев, Н. В. Подгорный, А. Н. Косыгин, Д. С. Полянский и другие официальные лица. Обед прошел в теплой, дружественной обстановке.

На снимке: советско-иранские переговоры.
Фото А. ПАХОМОВА.

---

15 ОКТЯБРЯ — ДЕНЬ РАБОТНИКОВ ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

СЛАДКИХ ДЕЛ МАСТЕРИЦА

Все здесь белым-бело: накрахмаленные до хруста халаты и косынки работниц, сияющий кафель стен. Даже пол выложен плиткой цвета топленого молока. А цех все-таки кажется многокрасочным. Наверное, из-за тортов, которыми уставлены длинные столы. Каких только тут нет! Одни украшены шоколадными зайцами, другие — розовыми гвоздиками и желтыми цыплятами из крема, третьи — яркими марципановыми фруктами.

Этот цех московской бисквитной фабрики «Большевик» давно уже стал чем-то вроде института по повышению квалификации для кондитеров всей страны. Ведь именно здесь были созданы торты, которые нравятся большим и маленьким и завоевывают первые места на конкурсах: «Ярославна» и «Снегурочка», «Гвоздичка» и «Березка», «Московский», «День и ночь», «Кольцо». Уже тридцать семь лет работает на фабрике автор всех этих прекрасных произведений кондитерского искусства, Герой Социалистического Труда Евдокия Андреевна Ожина.

Девочка из многодетной рабочей семьи хотела стать врачом. А сосед по квартире, увидев, как здорово лепит Дуся фигурки животных, цветы, посоветовал ей: «Иди-ка ты к нам, на «Большевик». Хороший кондитер непременно должен быть скульптором в душе».

— Оказалось, не только скульптором,— улыбается Евдокия Андреевна.— Широкий у нас профиль знаний — от возделывания злаков до художественной отделки торта. Мы же для праздников работаем, не для будней. А в праздники еда, скажем, те же сласти, должна радовать людей не только вкусом, но и красотой. Наше поколение, правда, свою профессию больше на практике постигало. В 1935 году, когда я кончала училище при фабрике, там было все по старинке. Приведут тебя утром в цех и скажут: «Сегодня становись рядом с тетей Машей, подмечай, как она работает».

А теперь в училище очень хорошо кондитеров готовят — и теоретически и практически. Секретов своих мы от молодежи не таим. Многие практиканты потом приходят к нам в цех.

Кстати говоря, Евдокия Андреевна передает свое мастерство не только девушкам из училища и коллегам с других фабрик, но и зарубежным кондитерам. В Японии она обучала работников фирмы «Парнас». Японцы остались очень довольны своей русской учительницей и до сих пор переписываются с ней.

— А первый раз я побывала за границей в 1958 году,— продолжала свой рассказ Ожина.— Ездила с советской делегацией в Брюссель, на Всемирную выставку. Изделия нашей фабрики были отмечены там главным призом. Ох, и радовались мы!

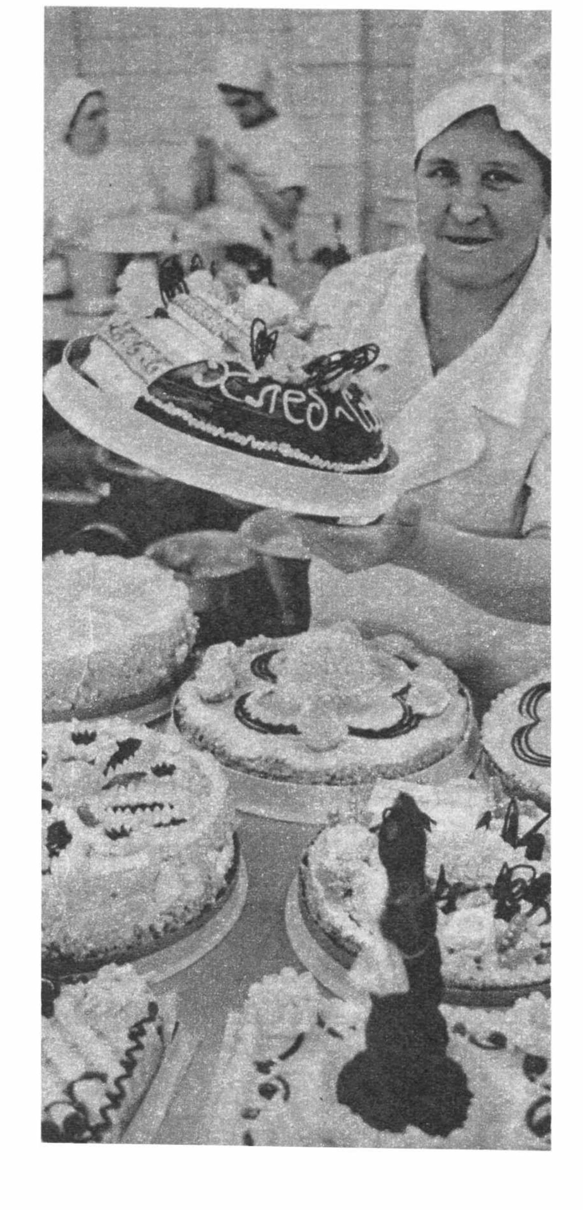
Беседовать с Евдокией Андреевной не так-то просто. То и дело подходят к ней работницы за советом и помощью. Да и сама она от дела не отрывается. Руки ее проворно порхают над большим шоколадным тортом. Он предназначен в подарок товарищам из Германской Демократической Республики, приехавшим в СССР. Заказных тортов для всяких торжественных случаев в цехе делают великое множество. Запала в память кондитеров работа над подарком для первого космонавта. Когда Юрий Алексеевич Гагарин вернулся из своего полета, ему преподнесли красивейший торт в виде шоколадной ракеты. Запомнился и торт, созданный к юбилею народного артиста СССР С. В. Образцова. Торт этот был так велик, что пришлось нести его на носилках...

Подарочные торты — дело нелегкое. Здесь очень многое зависит от фантазии, умения, искусства кондитера. А создание нового сорта — для массового производства — пожалуй, еще потруднее будет. Нужно угодить на все вкусы. Выработать совершенно новый технологический режим. Сделать торт и рентабельным и недорогим. К тому же приходится учитывать и современные требования. Сейчас в тортах ценится не сладость, а пикантность. Жирные, тяжелые кремы уже отжили свое, и надо изобретать прослойки легкие, воздушные, с кислинкой.

— В народе недаром говорят: одна голова хорошо, а две лучше,— замечает Евдокия Андреевна.— Мне очень славно работается, потому что уже много лет я придумываю новые сорта в содружестве с замечательным мастером Тамарой Сергеевной Ивановой. Мы с ней друг друга без слов понимаем. Стоит мне только провести первую линию, а уж Тамара Сергеевна точно знает, что дальше делать. Нас на фабрике Кукрыниксами в шутку зовут...

Дорогой читатель, если в торжественный час попадет к вам на стол подарочный торт с фабрики «Большевик», вспомните о кондитерах, которые доставили вам радость своим искусством.

Н. ВЕРИНА

Евдокия Андреевна Ожина и ее произведения.
Фото Л. Шерстенникова.

ЭСТАФЕТА ДРУЗЕЙ

«Мой друг» — так назывался конкурс читателей, совместно проведенный нашим журналом и журналом из ГДР «Фрайе Вельт». «Огонек» уже рассказал о победителях этого конкурса среди советских читателей (№ 29). Трое лауреатов — З. С. Давыдова из Калининской области, С. Н. Павлючков из Калуги и М. Гафаров из Фрунзе уже побывали в гостях у своих немецких друзей.

В ГДР также названы имена победителей: Инге Деппе — учительница из Фюрстенвальде, ветеран труда Эрих Хаазе из Лейпцига и унтер-офицер Национальной народной армии ГДР Герман-Йозеф Ханзен.

В советском посольстве в Берлине состоялась встреча участников конкурса с Чрезвычайным и Полномочным послом Советского Союза в ГДР М. Т. Ефремовым. Об этой встрече рассказывает «Фрайе Вельт».

Это не государственные деятели, не политики и не министры, и все же советский посол пригласил их, людей из наших будней: учительницу русского языка из Фюрстенвальде Ингу Деппе, 15-летнего берлинского школьника Бернда-Михаэля Юрка, моряка Йорга Коттербу, унтер-офицера из части имени Фрица Шменкеля Германа-Йозефа Ханзена, ветерана труда, бывшего заключенного концлагеря Бухенвальд Эриха Хаазе, генерал-майора Германа Рентча и журналиста Ганса-Йоахима Фрица. Что же они сделали, что совершили, чтобы удостоиться такой чести? Они написали о своей дружбе с советскими людьми, рассказали о том, как они познакомились и что значит эта дружба в их жизни. В числе трехсот пятидесяти читателей они приняли участие в конкурсе «Мой друг», организованном журналами «Фрайе Вельт» и «Огонек». И вот, представляя всех, кто принял участие в конкурсе, эти люди пришли в гости к послу М. Т. Ефремову.

Жужжат телевизионные камеры, щелкают затворы фотоаппаратов. На два часа семь граждан ГДР становятся центром внимания.

М. Т. Ефремов берет слово. И то, что он говорит, и то, как он говорит, показывает: эта встреча не просто чествование победителей.

— От всего сердца я благодарю вас за то, что вы пришли к нам в посольство,— обращается к гостям товарищ Ефремов.— Истории дружбы, рассказанные вами на страницах «Фрайе Вельт», события, пережитые лично вами, еще раз свидетельствуют о том, что стало истиной: велика и крепка дружба между нашими народами.

Во время завязавшейся беседы каждый рассказывает о своих друзьях. Эрих Хаазе, который 11 лет провел в фашистских тюрьмах и в концлагере Бухенвальд, рассказал о Вале, своем давнем соратнике по борьбе. Ныне врач Валентин Юльевич Заке живет в городе Цесис Латвийской ССР. Школьник Бернд-Михаэль Юрк говорит о Тамаре Михайловне Гребенщиковой, которую он называет «моей далекой учительницей». «Сегодня я решила рассказать тебе кое-что о твоем отце» — так начиналось одно из писем Тамары Михайловны к Бернду-Михаэлю, и журнал «Фрайе Вельт» рассказал, сколько пришлось пережить этой женщине, прежде чем она впервые пожала руку немецкому активисту из Национального комитета «Свободная Германия», с которым познакомилась в лагере военнопленных в Елабуге. Это был отец Бернда-Михаэля. Все эти истории написаны самой жизнью, и каждая из них заставляет вспомнить, какой дорогой ценой оплачено то, что сейчас стало кровным делом миллионов,— германо-советская дружба. Сколько людей, столько судеб! И они особенно интересны потому, что никто не может так тепло рассказать о человеке, как его друг. Герман-Йозеф Ханзен уже давно переписывается с Таней, девушкой из Иванова. Однажды Таня приехала в ГДР. Герман-Йозеф, тогда еще школьник, встретился с нею. А ныне он уже унтер-офицер ВВС. В письме на конкурс «Мой друг» он написал: «В случае, если я окажусь среди победителей, прошу вас, пожалуйста, помочь мне поехать в Иваново». И, как видим, Герману-Йозефу повезло: он вместе с Ингой Деппе и Эрихом Хаазе стал победителем конкурса дружбы.

Чрезвычайный и полномочный посол СССР в Германской Демократической Республике М. Т. Ефремов вручает Инге Деппе памятный подарок.

Ветеран труда Эрих Хаазе.

Унтер-офицер ВВС Герман-Йозеф Ханзен.

Фото журнала «Фрайе Вельт».

НАДЕЖДЫ ЕВРОПЫ

Анатолий ПОТАПОВ

Залы здания «Диполи», ставшего для финской столицы местом многих международных встреч и конференций, готовятся сейчас к приему полномочных представителей европейских государств, США и Канады. Именно здесь, по сообщениям из Хельсинки, должны начаться многосторонние консультации по подготовке общеевропейского совещания по вопросам безопасности и сотрудничества.

22 ноября. Эту дату предложило правительство Финляндии для начала встреч по подготовке общеевропейского форума. И вот на днях после консультаций, проведенных с представителями ряда заинтересованных государств, финский министр иностранных дел Ахти Карьялайнен заявил, что многосторонняя подготовка совещания, видимо, сможет наконец начаться в предложенные сроки.

Итак, суждено ли 22 ноября стать знаменательной датой в европейской истории? Многие события последних дней позволяют на это надеяться.

Процесс разрядки в Европе продолжается. В частности, ширятся и становятся многообразнее отношения между Востоком и Западом Европы. И это создает благоприятные предпосылки для будущей атмосферы общеевропейских переговоров, для подготовительных встреч. В этом отношении характерны прошедшие на прошлой неделе польско-французские переговоры во время визита в Париж Первого секретаря ЦК ПОРП Э. Герека. Они лишний раз показали, как социалистические страны осуществляют конкретные действия по расширению сотрудничества с капиталистическими государствами на основе принципа мирного сосуществования.

Будущая конференция в Хельсинки призвана создать прочную базу для общеевропейского сотрудничества. Ранее скептики на Западе ехидно замечали: «Сотрудничество, да еще общеевропейское? Что это такое? Абстрактное понятие». Теперь и на Западе все чаще говорят: хотите знать, что означает на практике сотрудничество в масштабах всей Европы? Приглядитесь внимательно к советско-французским отношениям. Недавно на своей пресс-конференции в Елисейском дворце президент Франции Жорж Помпиду вновь оценил как имеющую первостепенное значение Советско-французскую декларацию, подписанную год назад во время визита в Париж Л. И. Брежнева. Президент Франции подчеркнул, что эта декларация и советско-французское сотрудничество в целом «как нельзя лучше могут вдохновлять отношения между всеми европейскими странами и между всеми странами мира...».

Для этих дней весьма характерно и то, что предстоящее общеевропейское совещание оказалось в центре всей европейской политики. Значение предстоящего совещания отмечалось в большинстве речей, прозвучавших с трибуны 27-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в ходе общей политической дискуссии. Причем показателен именно тот факт, что сейчас подчеркивается значение совещания как для социалистических, так и для западноевропейских стран, то есть для всех заинтересованных государств, совещание рассматривается как средство важных соглашений по общеевропейскому сотрудничеству.

На страницах зарубежной прессы сейчас идет широкая дискуссия уже не о самой идее совещания, а о конкретных деталях его работы, о будущей повестке дня. В ходе этой дискуссии высказываются мнения о том, что само совещание могло бы состояться в июне. Судя по сообщениям, многие государства, как, например, Франция, видят три этапа работы совещания: сначала встречаются министры иностранных дел, затем работают комиссии и, наконец, принимаются решения. Таким образом, вопрос об общеевропейском совещании обсуждается сейчас уже как чисто практический.

Все это обнадеживающие факторы. Конечно, на пути созыва общеевропейского совещания еще встретятся трудности, и их будет, вероятно, немало. Те круги, которые заинтересованы в сохранении напряженности в Европе, продолжают активно действовать на европейской политической арене. Сейчас к лагерю сторонников сохранения напряженности и «холодной войны» в Европе тесно примкнули пекинские лидеры. Последнее выступление в ООН делегата Пекина, пытавшегося вновь дискредитировать идею общеевропейского совещания и грубо клеветать на Советский Союз, вызвало возмущение большинства представителей на Генеральной Ассамблее.

Но противникам разрядки не удастся повернуть вспять ход событий в Европе. Слишком глубинны и серьезны те процессы, которые происходят сейчас в политическом климате на континенте. Эти процессы свидетельствуют о глубокой жизненности и действенности согласованной политики социалистических стран, выдвинувших идею общеевропейских переговоров.

22 ноября — уже близкая дата. Европа подходит к новому рубежу в своей истории. И если в этот день полномочные представители более 30 государств впервые сядут за стол переговоров, то я уверен, что одним из первых слов, которые отстучат телетайпы из пресс-центра в «Диполи», будет слово «надежда». Ибо общеевропейское совещание, которого так ждут народы Европы, связано с их сокровенными надеждами — на континент без конфликтов, на взаимовыгодное сотрудничество всех стран, на коллективную безопасность, на прочный мир для многих поколений европейцев.

Надежды эти нельзя обмануть.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ПОСВЯЩАЕТСЯ ЮБИЛЕЮ

50-летию образования Советского Союза была посвящена Международная встреча представителей зарубежных обществ дружбы с СССР и советской общественности, проходившая с 3 по 5 октября. Из семидесяти стран мира прибыли в Москву друзья нашей Родины.

С докладом «Всемирно-историческое значение образования СССР и его роль в борьбе за мир, дружбу и социальный прогресс народов» выступила председатель президиума Союза советских обществ дружбы, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Н. В. Попова.

Участники встречи в Колонном зале говорили о том, что привлекает сердца людей во всем мире к Советскому Союзу, стране Ленина и Октября, об огромном значении успехов первого в мире социалистического многонационального государства, о его роли в защите и укреплении дружбы между народами.

«Образование СССР открыло новую эру в истории человечества, эру, когда трудящиеся и угнетенные народы становятся хозяевами своей судьбы»,— сказал товарищ Во Тхук Донг, посол ДРВ в Советском Союзе, глава делегации Общества вьетнамо-советской дружбы. Он отметил, что с момента зарождения революционного движения во Вьетнаме Советский Союз постоянно оказывает ему горячую поддержку и помощь.

Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. Ю. Шумаускас вручает орден Ленина Валерию Борзову.

ВЫСОКИЕ НАГРА

В пятницу 6 октября в Кремле состоялось вручение орденов и медалей СССР спортсменам, тренерам, работникам физической культуры и спорта в связи с итогами XX летних Олимпийских игр.

За успехи в развитии массового физкультурного движения в стране и высокие достижения на XX летних Олимпийских играх награды получили сильнейшие спортсмены, чемпионы и призеры XX Олимпиады и их воспитатели.

Шесть олимпийских чемпионов — штангист Василий

Значению идей Октября для народов Азии, Африки и Латинской Америки посвятил свое выступление президент общества дружбы «Алжир — СССР», член Революционного совета, государственный министр Шериф Белькасем.

Генеральный секретарь общества «Италия — СССР» сенатор Джелазио Адамоли рассказал, как итальянские друзья отмечают 50-летие образования нашего многонационального государства.

Участники встречи в Москве приняли обращение к обществам дружбы с Советским Союзом, к общественности всех стран, в котором содержится призыв всемерно укреплять дружбу и сотрудничество с народами многонационального Советского государства. Были приняты также заявление в связи с агрессией США в Индокитае и заявление «За справедливый и прочный мир на Ближнем Востоке».

В письме, направленном участниками встречи Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР, советскому народу, говорится, что эта встреча явилась «новым вдохновляющим стимулом к развитию и укреплению дружеских и культурных связей с многонациональным советским народом».

На снимке: Колонный зал Дома союзов 3 октября.

Фото Б. КУЗЬМИНА.

Василий Алексеев и Людмила Пинаева после награждения.

Фотохроника ТАСС.

ДЫ ОЛИМПИЙЦАМ

Алексеев, спринтер Валерий Борзов, борцы Александр Медведь и Анатолий Рощин, гребец Людмила Пинаева и прыгун Виктор Санеев — награждены орденами Ленина. Большой группе олимпийцев были вручены ордена Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», медали «За трудовую доблесть» и «За трудовое отличие».

В тот же день правительство Союза Советских Социалистических Республик устроило прием в честь советских спортсменов — победителей XX Олимпийских игр.

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И. ИЛЬФА

ОДИН ИЗ ДВУХ

Кажется совершенно невозможным отделить Илью Ильфа от Евгения Петрова — так слитны эти два имени. Совместно написанные ими «Двенадцать стульев», «Золотой теленок», «Одноэтажная Америка», сотни фельетонов и рассказов, опубликованных в журналах и газетах, вышедших в отдельных книжках, принесли авторам широкое признание, громкую известность, неувядаемую литературную славу. Более десяти лет Ильф и Петров работали рука об руку совместно, создав единый литературный стиль, одну общую манеру, выработав общее видение жизни. Это было не содружество, а скорее единый сплав, в котором полностью исчезли индивидуальные черты каждого из авторов. Читатель решительно забывал, что перед ним два автора.

А между тем это были совершенно различные люди. Рядом с подвижным, пышущим энергией и здоровьем Евгением Петровым Ильф казался вялым, меланхоличным, стеснительным. Сам о себе он говорил, что принадлежит к числу тех, кто последним входит в дверь. Он был очень близорук и носил пенсне с такими толстыми стеклами, что разглядеть глаза было трудно. Когда он снимал пенсне, чтобы протереть стекла, то становился вдвойне беспомощным и робким. В редакциях они всегда появлялись вместе — сперва Петров, потом Ильф. Их отделяло, может быть, полшага, но эта короткая дистанция была характеристикой их натур. Беседу начинал Петров. Ильф большей частью помалкивал, ограничиваясь короткими репликами. Но если возникал спор, то гораздо легче было уговорить Петрова, нежели Ильфа. Они были друзьями, что называется, водой не разольешь, но обращались друг к другу на «вы». Известно, что они спорили и даже ссорились друг с другом, но никто не был свидетелем их ссор, впрочем, всегда кратковременных. Оба они были остроумны и любили пошутить, но Ильф при этом сохранял мрачноватую серьезность, и только изредка легкая, еле приметная улыбка освещала его лицо.

По образованию Ильф был техником. Петров окончил гимназию. Ильф родился в семье банковского служащего, Петров — в семье учителя. Ильфу приходилось служить бухгалтером, а Петрову — инспектором уголовного розыска. Петров был моложе Ильфа более чем на пять лет, и Ильф в начале знакомства давал это чувствовать. Евгений Петров был красив собой, строен, крепко и ладно сшит. Ильф был болезнен, сутуловат, броской внешностью не обладал.

Оба они родились в Одессе, но познакомились только в Москве в начале 20-х годов, где журналистика соединила их жизненные пути.

На первых порах Евгений Петров относился к Ильфу как к метру, которого надо беспрекословно слушаться, но впоследствии укрепившаяся дружба уравняла их творческие взаимоотношения. Оба они работали в «Гудке» — делали четвертую полосу, состоявшую из рабкоровских заметок, которые под их рукой превращались в маленькие фельетоны — колючие и острые, смешные или злые. Массовая и в ту пору очень популярная рабочая газета явилась для них и школой профессионального мастерства и школой жизни. Работая в «Гудке», Илья Ильф и Евгений Петров приступили к своей знаменитой сатирической повести «Двенадцать стульев», занявшей заслуженное место не только в антологии русской советской, но и мировой литературы. Ее называли самой смешной книгой XX столетия. Имена ее героев стали нарицательными. Она была переведена едва ли не на все языки мира. Читатели всех континентов потешались над приключениями великого комбинатора Остапа Бендера и его компаньонов.

Приключенческий сюжет о спрятанных бриллиантах вырос в обличительную повесть о воинствующем мещанстве, противопоставившем себя утвердившейся и идущей вперед новой жизни.

Как же все-таки они писали вместе, такие внешне несхожие, различные по характеру своих натур? В дневнике Ильфа есть об этом такая усмешливая запись: «Как мы пишем вдвоем? Вот как мы пишем вдвоем: «Был летний (зимний) день (вечер), когда молодой (уже немолодой) человек (-ая девушка) в светлой (темной) фетровой шляпе (шляпке) проходил (проезжала) по шумной (тихой) Мясницкой улице (Большой Ордынке)». Все-таки договориться можно». Евгений Петров в статье «Из воспоминаний об Ильфе» рассказывал: «Сочинять вдвоем было не вдвое легче, как это могло бы показаться в результате простого арифметического сложения, а в десять раз труднее». Это была «непрерывная борьба двух сил, борьба изнурительная и в то же время плодотворная... Мы беспрерывно подвергали друг друга жесточайшей критике, тем более обидной, что преподносилась она в юмористической форме. За письменным столом мы забывали о жалости».

Так вырабатывались единый стиль, единая творческая манера двух авторов.

Илья Ильф умер 13 апреля 1937 года — туберкулез издавна подтачивал его. И сорока лет жизни не отпустила ему жестокая судьба. Ильф не умер и никогда не умрет: он навсегда остался в литературе яркой звездой.

Ник. КРУЖКОВ

ЛАБОРАТОРИЯ СВЕТА

Людмила ГАЕВА

Накануне столетия изобретения электрической лампочки и одновременно стодвадцатипятилетия со дня рождения ее создателя Александра Николаевича Лодыгина Всесоюзному научно-исследовательскому институту источников света — ВНИИИСу—в городе Саранске присвоено имя прославленного русского электротехника.

* * *

Странен и необычен путь, который привел Лодыгина к изобретению электрической лампы. Юный кадет увлекался авиацией. «Чтобы вести борьбу с воздухом, нужно создать машины более тяжелые, чем воздух... Винт, святой винт... поднимет нас в воздух». Эти слова из знаменитого «Манифеста воздушного самодвижения», опубликованного в Париже в 1863 году, Лодыгин воспринял как руководство к действию. Позднее судьба связала его с одним из создателей манифеста Надаром — экспансивным парижским фотографом, послужившим прототипом для одного из героев жюльверновского романа «Из пушки на Луну». В 1870 году Лодыгину удалось через Надара заинтересовать французское правительство проектом электрического вертолета с осветительным устройством для ночной аэрофотосъемки.

«Я явился во Францию с предложением летательной машины тяжелее воздуха,— вспоминал много лет спустя Александр Николаевич.— В Шалоне меня арестовали по подозрению в том, что я немецкий шпион. Курьезно заметить, что́ меня тогда спасло от долгого ареста, а может быть, и от повешения: на мне была русская красная рубаха, штаны запущены в сапоги, мерлушковая шапка и русский кафтан; такой патриот я был в эти дни и так я путешествовал из одного конца покрытой французскими и немецкими войсками Франции в другой... Меня продержали под арестом три дня. Толпа хотела меня вешать на фонаре; но в конце концов меня выпустили, признав, что до такого костюма даже немецкий шпион не додумается...»

Но чудо, которое спасло от участи быть повешенным на газовом фонаре человека, через несколько десятилетий погасившего газовые фонари во всем мире, не спасло от разгрома Францию. «Пришлось заключить перемирие, затем мир и платить миллиард. Французское правительство объявило мне, что сейчас летательная машина им не нужна, а зато деньги очень нужны».

Так канул в небытие электрический вертолет, а внимание Лодыгина сосредоточилось на конструкции электрического осветительного устройства. Ровно сто лет назад, в октябре 1872 года, Лодыгин подал в Департамент торговли и мануфактур заявку «на способ и аппаратуру дешевого электрического освещения». А в следующем году петербургские жители впервые увидели свет.

В 1870-х годах идея лампы накаливания, как и идея дуговой лампы, витала в воздухе. И у Лодыгина, как и у Яблочкова, было много предшественников. Но Лодыгину, как и Яблочкову, выпала самая трудная из работ — вынести изобретение из лаборатории на улицу, сделать его практичным, создать на него спрос. Еще в 1873 году Александр Николаевич демонстрировал сигнальные фонари для железных дорог, уличные фонари, подводные, взрывобезопасные для шахт и пороховых заводов.

Подводные лампы тогда же прошли испытание на Неве, освещая водолазные работы при установке кессонов Литейного моста, а сигнальные заплясали светляками по железной дороге Петербург — Москва. Восхищенная этим богатством возможностей, научная общественность присудила Лодыгину Ломоносовскую премию Академии наук за открытие, «обещающее произвести переворот в важном вопросе об освещении».

Но едва ли ученые той поры могли предположить, какими могут стать практические применения этого открытия.

* * *

Глядя на первую лампу накаливания, изготовленную Лодыгиным, не перестаешь дивиться, какое богатство возможностей таилось в этом незатейливом с виду устройстве. Казалось бы, ничего особенного: стеклянный сферический баллон, из которого откачан воздух, и внутри — раскаленный угольный стерженек, закрепленный между двумя электродами. Но между этой лампой и лампой, которую мы зажигаем каждый вечер,— «дистанция огромного размера». Во времена Лодыгина уголь был, по сути дела, единственным доступным тугоплавким материалом. Но, быстро испаряясь, уголь оседал на стенках колбы и делал ее непрозрачной. Понадобились колоссальные успехи металлургии, чтобы появились первые лампы с нитями из тугоплавких металлов — осмия, циркония, тантала. И здесь Лодыгин делает второе фундаментальное изобретение — он предлагает вольфрамовую нить, которая применяется и в наши дни.

Тщательные исследования последующих лет показали, что для уменьшения испарения нити ее выгодно сворачивать в спираль, а эту спираль сворачивать еще раз в спираль. Наконец, испарение можно еще уменьшить, заполняя колбу каким-нибудь инертным газом — аргоном, ксеноном или криптоном.

Но самый интересный метод повышения долговечности применен в кварцевых йодных лампах. Оказывается, йод, впрыснутый в колбу, может «собирать» металл со стенок и возвращать его обратно на раскаленную нить. Это позволило ученым ВНИИИСа создать необычайно мощные и долговечные лампы накаливания. Саранские телеоператоры считают, что им очень повезло: они первыми в стране получают прекрасные лампы для освещения. Поэтому, собираясь делать передачу из ВНИИИСа, они оставляют на студии осветительную аппаратуру, зная, что на месте им предложат что-нибудь поинтереснее!

ВНИИИС разрабатывает так много новых ламп, что дает работу не только мощному саранскому объединению «Светотехника», но и другим заводам страны.

Какую только службу не несут саранские лампы! Одни из них поднимаются в небеса на борту воздушных лайнеров, другие встречают их уютными огнями на бетонной полосе аэродрома. Одни уходят на кораблях в дальние плавания, другие на маяках заботливо подсказывают им путь.

Скоростные тепловозы освещают себе дорогу яркими прожекторами. В штреки шахт приносят теплый свет дня рудничные лампы, на стометровых морских глубинах рыбаки ловят рыбу на манящий свет зеркальных светильников. Вместо обычных ламп в фарах автомобиля «Жигули» будут установлены крохотные светильники с пучком света строгой направленности.

Последние разработки института — сверхминиатюрные лампы накаливания. Размером с рисовое зерно, они станут основой прибора, с помощью которого хирурги смогут осветить внутренность оперируемого сердца. Они пригодятся математикам и кибернетикам.

Каждая четвертая лампочка в стране сделана в Саранске. С конвейера только одного Саранского электролампового завода каждый час сходит 3 600 различных ламп.

* * *

Мне пришлось побывать в Саранске в неудачное время — время летних отпусков. И многих из тех, с кем хотелось бы встретиться, побеседовать, не оказалось на месте.

О лаборатории заслуженного изобретателя РСФСР И. Явно рассказал ведущий конструктор В. Волков:

— Какие наши последние разработки? Миниатюрные кварцевые лампы, которые помогают найти мельчайшие дефекты. Затем — серия аэродромных огней с высокой светоотдачей. Нам удалось увеличить срок их службы.

— Вам часто приходится работать «на кино»? — спрашиваю я.

— Конечно, кино без света немыслимо. Но если раньше к лампам относились только как к осветительной и кинопроекционной аппаратуре, то теперь часто ищут в них помощников при самой съемке. Например, известно, что горящая спичка на экране незаметна. А если вмонтировать в нее нашу лампу-крошку, получится искусная имитация вспышки.

Для кино и телевидения много приходится работать и лаборатории Н. Ивенина, автора семи изобретений.

— Мы разрабатываем лампы больших мощностей для общего промышленного освещения — в карьерах, в цехах. Новые наши светильники, кварцевые галогенные, на 5—10—20 киловатт будут работать на Севере, в тех условиях, в которых отказываются работать все другие виды ламп.

— Какова будущность ламп накаливания?— с этим вопросом я обратилась к заместителю директора ВНИИИСа, старейшему работнику института А. Эрасмусу.

— Светотехники задумываются сейчас над тем, чтобы отыскать новый материал для нити накала. И на смену вольфраму, предложенному еще Лодыгиным, скоро, возможно, придут другие вещества. Может быть, будущее светотехники за полупроводниками. Интересные возможности заключены в идее своеобразного гибрида лампы накаливания и лампы люминесцентной. Люминофор на внутренних стенках трубки будет светиться от инфракрасного излучения нити накала, переводя этим все невидимые излучения, теряющиеся в сегодняшних лампах, в свет.

Электроламповый завод в Саранске. Контролер Татьяна Синтюрина у стенда испытаний люминесцентных ламп.

Фото А. Награльяна.

ПРАЗДНИК БОЛЬШОЙ ВОДЫ

Сергей НИКИТИН,
специальный корреспондент
«Огонька»

Безграничны казахские степи. Их средоточие — Сары-Арка. Лучшая в мире степь, как поют казахские акыны. Сары-Арка значит Желтая Спина. Зелень здесь сверкает лишь по весне. Уже к июню все выгорает. Остается опаленная солнцем горькая полынь — душа Сары-Арки.

И «спиной» зовется степь не случайно — это хребет плоской возвышенности. По обе стороны водораздела стекают речки с названиями примечательными: Горькая, Соленая, Плохая, Сухая... Безводье. Даже чабаны остерегаются загонять отары в глубину Сары-Арки.

От Иртышской равнины до Тургая и гор Улутау распласталась Сары-Арка. Сарыаркинцы издревле мечтали о воде, слагали сказки о золоторогой сайге и отважном охотнике Карамергене, чудесным образом заставившем волшебные силы проложить через звенящую, словно подкова, землю глубокую реку.

И такая рукотворная река наконец пролегла от Иртыша до Караганды. Иртышский плодоносный вал докатился до Самаркандского водохранилища у Темиртау.

Десятилетний труд строителей управления «Иртышканалстроя» завершен. Опустела трасса пятисоткилометрового канала, стальным клинком разрубившего трудную землю.

Тут и там серебристыми маяками посверкивают на макушках увалов многогранные башни насосных станций. На канале Иртыш — Караганда их двадцать две. Метр за метром поднимают они иртышскую воду на почти полукилометровую высоту. Таких каналов планета еще не знала.

Об этом подробно рассказывает мне директор канала Иртыш — Караганда Наум Маркович Каролинский. Он здесь работает с первых дней строительства и знает в лицо каждый кустик Караганды и даже, как шутят остряки, каждого «прибрежного байбака».

Проект канала Иртыш — Караганда оказался настолько оригинальным и удачным, что им заинтересовались многие зарубежные специалисты.

Канал уже сейчас преобразил степь. С полным правом она теперь называется Золотой. Десять лет назад земля юга Павлодарской области была больна, казалось бы, неизлечимо. Ветровая эрозия, пыльные бури. Зимой — черный снег, летом — бурые волны. Помню, заместитель председателя Баянаульского райисполкома Тилебек Елюбаев водил меня по полю, и каждый наш шаг сопровождался белыми взрывчиками пыли. Я даже не поверил, что поле засеяно пшеницей, чахлые ростки едва проклевывались из потрескавшейся земли...

Управляющий Первомайским отделением совхоза «40 лет Октября» Хазел Джумагинов вздохнул:

— Беда! Еще дня три-четыре такой жары без дождя — погибнет все. На всякий случай приготовил агрегаты с просом для сева: хоть зеленая масса на корм скоту будет. Эх, воды бы. До Иртыша ведь рукой подать!

Перед поездкой в Баянаул в Павлодарском сельхозуправлении дали мне цифры: за последние десять лет (1950—1960 гг.) средняя урожайность зерновых по Баянаульскому району составила 4,5 центнера с гектара. Впрочем, в соседнем районе — Майском — урожай и того ниже.

Прошло двенадцать лет с того времени. Теперь уже не верится другому: поля исцелены от эрозии! О пыльных бурях забыто, зимой на полях лежит кипенно белый снег, оздоровленная земля дает полновесный колос и фураж.

Основа успеха—в освоении почвозащитной технологии. Сказал свое слово и канал. Земля познала вкус иртышской воды и отозвалась шумом трав, звоном колосьев.

Он еще покажет себя, красавец, поилец и кормилец — канал Иртыш — Караганда! Вдоль него проложено первоклассное шоссе, идут посадки лесных полос, строятся новые совхозы. Пока что их запланировано десять. Самый первый из них, «Казахстанец» под Карагандой, начал свою деятельность с... водоводных труб от канала. Уже нанесены на карту первые сотни гектаров орошаемых степных площадей. Но это только начало. Их будут сотни тысяч!..

А какой державный зеленый шум поднимется в некогда голой Сары-Арке от богатырской рощи длиною в полтысячи километров!..

Сары-Арка — медный купол Казахстана. Это образное название принадлежит академику Канышу Сатпаеву, многое сделавшему для открытия и освоения подземных богатств республики. Уголь Экибастуза и Караганды, медь Джезказгана—это только начало освоения несметных богатств недр Сары-Арки. Конечная цель канала — вода для шахт и заводов Экибастуза и Караганды, новых мощных цехов Казахстанской Магнитки в Темир-Тау, карьеров и рудников гиганта цветной металлургии — Джезказганского ордена Ленина горно-металлургического комбината имени К. И. Сатпаева.

Да, и для Джезказгана, отстоящего от Караганды к югу на шестьсот километров.

Едва иртышская вода подошла к Караганде, как институт Гидропроект приступил к проектированию второй очереди, верней, продолжению канала Сары-Арки. Началом продолжения стало Самаркандское водохранилище у Темир-Тау. То руслом реки Нуры, впадающей в Кургальджинские озера, то открытыми водоводами, то подземными трубопроводами воды Иртыша достигнут русла древнего Кара-Кенгира, зажурчат в кранах квартир и предприятий Большого Джезказгана.

Джезказган растет не по дням, а по часам. Запасы меди здесь огромные. Расширяются карьеры. Строятся шахты-гиганты. Закладываются новые обогатительные фабрики. На Джейремском полиметаллическом месторождении проектируется новый горно-обогатительный комбинат.

Совсем недавно сложившийся Атасуйский промышленный район вблизи Джезказгана уже нацеливается на «звание» основной железорудной базы Казахстанской Магнитки.

Но воды здесь мало. Ее даст далекий, могучий и щедрый Иртыш. Строители управления «Иртышканалстроя» уже приступили к перекочевке на новые места работ и сооружению поселков для себя и тех, кто приедет сюда преображать край.

Давно уже древние казахские мавзолеи Алаша-хан, Домбаул, Аяк-Хамыр слышат рокот космических ракет Байконура, рабочий гул шахт и карьеров Джезказгана, гудки тепловозов, полные мощи и отваги песни поэтов разбуженной Сары-Арки. Скоро они услышат и плеск иртышской волны.

Почти повсюду в Сары-Арке вода в колодцах и озерах горьковата и солоновата: «железная» и «мыльная» вода. Поэтому, когда я спросил водителя машины Канапью Баймаканова, местного уроженца, какова на вкус иртышская вода, он вполне серьезно, с наслаждением ответил:

— Пресная!

На одном из водохранилищ у насосной станции я с интересом присмотрелся к связке вяленых рыбин, вывешенной на солнце. Такой я не видывал в Сары-Арке. Спросил у Наума Марковича Каролинского:

— Что за рыба?

— Нельма.

— Нельма?!

— Да, засасываем из Иртыша. Трубы у нас широкие, даже осетров, бывает, вылавливаем в канале.

А что если и в Каракенгирском водохранилище со временем вместо раков и чебаков местные рыболовы начнут ловить нельму?

И снова слышу в ответ спокойнейшее, деловитое:

— И что в этом особенного? Все может быть в наше время больших переделок.

Сказал это мне машинист экскаватора, заядлый рыболов-любитель Андрей Христианович Ротермель. Он один из лучших экскаваторщиков Джезказганского комбината, человек, у которого слово не расходится с делом, и к нему стоит прислушаться: время великих переделок!

Первую воду местные жители-казахи вели по руслу канала на конях с песнями. Каждый совхоз встречал иртышскую воду тоем — праздником. За стол садились чабаны, табунщики, строители, энергетики, водители, дорожники. Братья! И строился канал братьями, съехавшимися сюда со всех республик огромного и дружного Союза ССР.

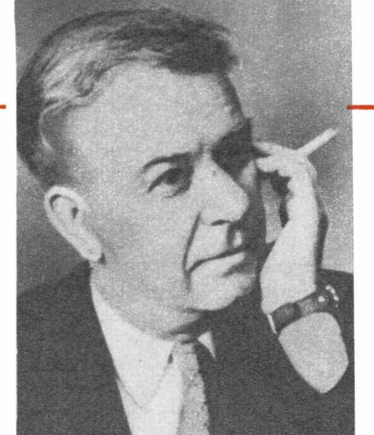
Караганда — Экибастуз — Джезказган.

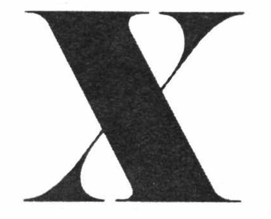
— Тонна стали «выпивает» более сотни кубометров воды. Канал Иртыш — Караганда вдосталь напоит Казахстанскую Магнитку,— говорит старший конверторщик Карагандинского металлургического комбината Герой Социалистического Труда Алтынбек Дарибаев.

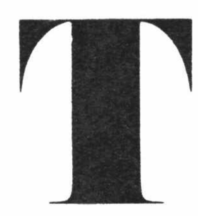
Каждая насосная станция, а таких на канале больше двадцати, поднимает иртышскую воду на десяти — двенадцатиметровую ступеньку.

Фото Л. Шерстенникова.

Микола НАГНИБЕДА

Поэма

I

Веселый дождь,
Весенний дождь,
Неся земле обновы,
Струится в зелень майских рощ,
Шумит в траве ковровой.
От вспышек молний там и тут
Он сеет жемчугами,
Ручьи — гонцы его — бегут
Полями и лугами.

Он поливает все подряд
В игривом беспорядке...
Но вижу — ясени стоят
Печально в плащ-палатках.
И скорбно их листва шумит
Над миром,
Надо мною...
Струятся капли на гранит
И вниз текут слезою,
Текут по скорбным письменам
И по резьбе колонны,
По высеченным именам,
По именам районов.
И плачут буквы,
Вставши в ряд,
О селах многолюдных,
Что здесь, на мраморе, горят:
Хатынь,
Ляоры,
Рудни.
Они сгорели в злой ночи
От рук фашиста-гада,
Гранит рыдает и кричит:
Загорье,
Свидно,
Ляды.
Они сквозь годы
И сквозь дым
Сошлись на месте весей,
Чтоб в пепле
видились живым
Бобруйск,
Логойск,
Полесье.

И уж не дождь —
Вся Беларусь
Здесь слезы проливает...
И я у этих плит
Клянусь,
Всем сердцем присягаю,
Детьми,
Судьбой своей клянусь,
Своим родимым краем —
Пусть сам я
В пепел превращусь,
Коль все позабываю!

Хатынь,
Барышки...—
Не простят
Их палачам проклятым,
Здесь тыщи Нивок и Бесяд
Взывают о расплате.

Ты, гнев мой,
В скорби не слабей,
Ярись и крепни, воля!
Струись, весенний ливень,
Лей
На вспаханное поле,
Где тянет сеялку тягач,
Где зреют урожаи
И где детей хатынских плач
Земля не забывает,
И терпкий привкус бытия
В наш хлеб
Привносит с поля,
Чтоб не забыл
Ни ты, ни я
Ее земные боли.

Сквозь шум дождя
Чуть слышен звон
Такой глубинно-дальний:
Бомм-бомм —
Вызванивает он
И вновь:
Бомм-бомм —
Печально.
Не оседает тишина
За чуткими полями,
Как одинокая струна
Звенит над очагами:
Бомм-бомм,
Бомм-боммм...
Примолкнет звон
У бывшей хаты крайней,
Но над другой плитою он
Откликнется печально.
И вдруг
Призывом этот звук
Проймет до дрожи в теле:
«Не забывайте наших мук,
Мы жить, мы жить хотели!»
Так день и ночь
Печаль и гнев
Блуждают по долине,
Над скорбным звоном в вышине
Лишь отзвук журавлиный:
— Кру-ур, кру-кру,
Кру-ур, кру-кру... —
Летит под облаками.
Бомм-бомм —
прольется на ветру
Вослед за журавлями.
Бомм-бомм,
Бомм-бомм...
— Кру-ур, кру-ур...—
И дальше полетели,
Быть может, вслед им Орадур
И Лидице смотрели.
И птицам снились в вышине,
Над лоном Украины,
Мои Картелисы в огне
И сел других руины.
А может, за морем о них
Узнали птицы ныне?
— Кру-кру,—
Под тучами звенит.
Бомм-бомм,
Бомм-бомм —
В долине.
И плачет камень,
Плачет камень,
И вся Вселенная скорбит,
И мир дрожащими руками
Кладет фиалки на гранит.
И воин, подойдя к святыне,
Молчит, на миг окаменев,
Я вижу — он у плит Хатыни
Острей оттачивает гнев,—
Чтоб не забыл,
Чтоб не простил,
Чтоб не смягчил удара
По тем, кто зверем здесь бродил
И разжигал пожары.

II

Двадцать шесть домов,
Двадцать шесть дворов
Были. Жили.
Двадцать шесть печей,
Двадцать шесть звонарей
На могиле.

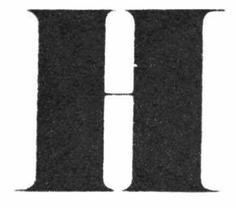
И от белых плит
Много троп бежит,
Как потоки.
Через все дворы,
Через все боры,
В мир широкий.

В голубой простор,
За хребтины гор
Мчатся в дали
Через океан,
До заморских стран
Магистрали.
Люди
По ним
Идут
И идут —
Белые,
Желтые,
Черные.
Их к себе
Плиты
Хатыни
Влекут,
Горестные
И скорбные.
Люди
Идут,
Чтоб
Погибших
Почтить
И поклониться
Могиле,
Чтобы
Сердца свои
Здесь
Опалить,
В этом
Священном
Горниле.
У очажной плиты
Встали тесным кружком
Люди, видно, из местности дальней.
Здесь кузнец жил...
И сразу пахнуло дымком,
И послышался звон наковальни.

Жил
Умелец-кузнец тут
Яскевич Антон,
В хате жили с ним
Внуки
И дети.
Из железа здесь
Дива выковывал он,
Чтобы
краше жилось
Всем на свете.

Мог подкову он выковать,
Плуг и косу,
Льнокосилки подладить к уборке...

Даже слышится ныне
В Хатынском лесу
Кузнеца и железа гуторки.
Даже, кажется, тропка
За синей сосной,
Близ дубков, убегая в рябины,
Помнит,
Как он с веселой ходил детворой
В темный бор по грибы и малину.

О, к мечте его
Эта тропинка вела.
Он за шумной беседой с мальцами
Думал: будут подростки родного села
Непременно, как он, кузнецами.

На подворье здесь —
Яблоня
В майском тепле
Молодые побеги пустила...
Видно, буйствует жизнью,
Покоясь в земле,
Кузнеца неуемная сила.

Вновь плита.
К ней шаги тяжелее свинца:
Имена всей семьи Рудяков...
Боль ее,
бой ее
Через наши сердца
Долетят до грядущих веков:
— Я, Ядвига,
Учительница села,
Хлебороба хатынского дочь,
Здесь подпольно
С детьми я уроки вела
Каждый раз, как спускалась ночь,
Чтоб предатель
И враг-чужеземец не знал,
Не глумился кроваво над нами;
Первоклассник и тот
В моей школе читал:
«Никогда мы не будем рабами...»
Мне, Ядвиге Каминской,
Неведом был страх,
Я боролась за правое дело,
Чтоб у всех белорусских детей на устах
Белорусская мова звенела.
Из криничных ключей,
Из шумящих лесов,
Чтоб звенела, как наши цимбалы,
И несла чистоту свою
В хор голосов
Песней Якуба,
Песней Купалы.

...А вот здесь
Жил пастух,
Цимбалист и певец,
Заиграет —
Примолкнут долины.
И по дереву мог он
Пустить свой резец,
Выжигал и посуду из глины.
Да все с выдумкой —
В радостный солнечный блик
Птиц посадит
На миски и кринки,
Наведет и на чашки огонь земляник
И кувшины украсит барвинком.

Жил,
Трудился
Крестьянин Добрыня Мирон,
Сбереглась о нем слава
И ныне,
Хоть картины свои
Не носил он в салон,
Выставлял их
В светлицах Хатыни.

Трубачей,
Цимбалистов
В оркестр собирал
И на радостях как-то признался,
Что он в юности
Песенку сам написал,
Посвятив ее девушке Ясе:
«Ой, как жаль мне, моя зорька,
Что пришел не в пору,
Когда вышла из-за тучки
Звездочка над бором.
Ой, как жаль мне, дивчиночка,
Что ниточка рвется
И что другой вокруг тебя
Буйным хмелем вьется.
Ой, как жаль мне, что жалею,
А мог смотреть в гору,
Если б встретился с тобою
В ту самую пору.
Опоздал я — так мне складно
Дудочки играли,
Торопился, да цимбалы
Меня не пускали».

Ой, громами те цимбалы
По лесам играли,
От села к селу блуждали,
К партизанам звали.
Шли и шли в боры густые
К мстителям в бригады
Боевые, огневые
Группы и отряды.

Но за песнею по следу
И враги ходили.

На цимбалах руки деду
Жгутами скрутили.

Привезли в село Мирона,
И людей согнали,
И фашиста фон-барона
Приказ прочитали.
Вместо казни обещали
Волю цимбалисту,
Если станет на цимбалах
Прославлять фашистов.

Развязали ему руки
И цимбалы дали.
— Послушайте ж, дети-внуки,
Как деды певали:
«Поховайте та вставайте,
Кайдани порвіте,
І вражою злою кров'ю
Волю окропіте...»
У той хаты, где жил
Цимбалист и солдат,
Есть сосна,
Что все муки видала,
Как фашисты
повесили их
в один ряд —
Цимбалиста-певца и цимбалы.

Только ночь одна знала,
Как, прячась во мгле,
Партизаны в село приходили,
Как Мирона с цимбалами
В отчей земле
Под высокой сосной схоронили.

Говорят, до сих пор еще
Слышится звон
В партизанских лесах полуночных,
Будто там ударяет в цимбалы Мирон,
И в ответ из Хатыни летит перезвон...
Двадцать шесть семей,
Двадцать шесть звонарей
Неумолчных.

III

Вечереет...
Закат уже краски смешал,
А в душе
Все пожар да пожар,
Будто матери снова
В сарае горят,
Прикрывая собою ребят,
Будто те же
Рыдают над горем земли
Журавли,
Журавли.

И как будто не каменный, нет,
А живой,
С мертвым сыном
На скорбных руках,
Ян Каминский стоит
Над селом,
Над судьбой,
Только пламя в глазах.

Я прощаюсь
И вижу —
Сбираются в путь,
Словно призраки в мареве бед,
Вслед за мною:
Ядвига Каминская,
Рудь
И казненный с цимбалами дед.

И еще
Обостренный от горечи взгляд
За хатынскими видит детьми
Вереницы арабских,
Ангольских ребят
И вьетнамских детей из Сонгми.

Укрываясь
Вечерним багряным плащом,
Вслед за мною
Идут они в гай,
И я слышу,
Как листья шумят под дождем:
Не прощай,
Не прощай,
Не прощай.

Я иду,
Из Хатыни доносится звон,
Весь я в скорбные мысли свои
Погружен,
Вместе с гневом они
В мою душу вошли...
А под тучами вновь журавли
Над детьми:
Сонг-ми,
Сонг-ми,
Сонг-ми...

...Нет, Хатыни звон — не прощальный звон,
Не смиренный звон, а набатный звон.

Перевел с украинского
Юрий САЕНКО.

СЛАВНАЯ ТРОЙ

— Такими нас видели в «Огоньке» пять лет назад.

А. БОЧИНИН, Ю. КРИВОНОСОВ

Фото авторов.

Великое дело — привычка. Прямо не по себе было первоклассникам в день первого сентября—все в одинаковой форме, больно похоже выглядят. Только Юре, Андрюше и Саше это нипочем: они же всю жизнь одеваются одинаково и похожи до того, что их всегда путают, на то они и близнецы

«Огонек» пять лет назад в № 27 за 1967 год поместил фоторепортаж об этих братьях и не избежал общей участи: под портретом Андрея подписал «Саша», и наоборот. Только никто, кроме родителей и старшего брата, Вити, ничего не заметил, даже соседи!

И вот теперь Витя сам идет в последний, десятый класс и ведет в школу трех своих братишек. После торжественной линейки он сопровождает их в 1-й «Г» класс, рассаживает по партам и, пожелав прилежного учения, присоединяется к старшеклассникам.

Для средней школы № 22 города Воскресенска три близнеца, конечно, событие. Хотя, кроме них, есть еще несколько пар близнецов, но перевес «в одно очко» делает разрыв весьма заметным. Правда, чисто арифметически братья в масштабе школы существенной величины не представляют: здесь за парты сели 2 350 учеников. А вот в своем классе они весьма весомы: 8,5 процента его численности! Привычка к постоянной общности и всему одинаковому уже в первый день сказывается. При построении парами близнецы норовят втиснуться в строй втроем, на переменках все время ищут друг друга, сбиваемые с толку самой школьной формой — вроде все тут близнецы.

Их учительница, Фаина Васильевна Зотова, начинающая свой девятнадцатый учебный год, тщательно сверяет по списку свою «паству» — бдительность сегодня особенно необходима: в 1-м «Г» не хватает трех законных учеников, но зато обнаружены два приблудившихся.

— А теперь мы совсем другие!

КА РОСТОВСКИХ

— Знакомимся со школой.

— Ростовский! — выкликает Фаина Васильевна. Вскакивают все трое, и тогда она помечает на полях списка: Юрий — 1-я парта, Андрей — 2-я, Александр — 3-я...

И начинается урок. Учительница раздает ребятам по листку бумаги. Задание несложное: каждый может нарисовать или написать, что ему хочется. Листочки эти будут храниться у Фаины Васильевны три года — до завершения начальных классов, а на последнем уроке ребята их увидят вновь и могут сравнить, что умели и чему научились. Девочки рисуют цветы, деревья, человечков. Мальчишки — танки, трактора, автомобили, корабли...

Юра и Андрей, не сговариваясь, нарисовали дома, Саша — самолет с надписью «СССР». Только «С» у него почему-то оказалось одно, а «Р» — три.

После уроков, опять же под командой Вити, отправились домой. А там уже ждали папа и мама.

— Ну вот пришли мои гаврóши, — сказала мама и вручила каждому по шоколадке.

А папа спросил:

— Все нормально!

— Нормально! — хором закричали гавроши.

— То-то! — резюмировал папа. — Так и должно быть, мы же бойцы и к школе готовились по всей форме.

— По всей! — закричали гавроши.

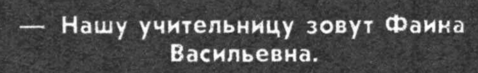
Ребята переоделись в пестрые ковбойки, голубые шортики и тут же зашелестели шоколадками. Покончив с этим делом, чинно уселись за стол и принялись за выполнение первого домашнего задания — вырезать по десять кружков для урока математики. А после обеда взяли коньки, вооружились клюшками и зашагали в спортзал, принадлежащий прославленной хоккейной команде «Химик», на тренировку. Не в ее составе, конечно, а пока под руководством папы — администратора этой команды.

Так что не будет ничего удивительного, если «Огонек» через несколько лет вдруг расскажет о новой атакующей тройке воскресенцев — тройке братьев Ростовских...

— Садитесь друг за дружкой, — сказал нам Витя. Он уже большой, он все знает.

— Почему-то все приходили на нас смотреть.

— Дом у нас теперь — тоже целая школа.

— Нашу учительницу зовут Фаина Васильевна.

— Звонок был громкий-громкий, и начался первый урок.

ВЕРЕЩАГИН

А. К. ЛЕБЕДЕВ,
доктор искусствоведения

Имя Василия Васильевича Верещагина — выдающегося русского живописца-реалиста, художника-гражданина — находится в ряду имен крупнейших деятелей русской национальной культуры. Он вошел в историю искусства «не потому только, что обладал великим художественным талантом, а потому, что обладал великою душою»,— справедливо отмечал В. В. Стасов.

Василий Васильевич Верещагин родился 14 (26) октября 1842 года в городе Череповце, Новгородской области, в семье помещика. Рано пробудилось у мальчика влечение к искусству. С огромным интересом рассматривал он у заезжего торговца лубочные картинки, портреты Суворова, Кутузова и Багратиона, любил разглядывать гравюры и литографии. Но родители и думать не желали, чтобы сын их сделался художником, готовили для Васи и его братьев другую и, как им казалось, более счастливую будущность. Еще 28 января 1848 года отец подал на «высочайшее имя» прошение, в котором ходатайствовал об определении его сыновей Василия и Николая в ученики Морского корпуса. Уже с начала пребывания Верещагина в Морском корпусе учитель рисования В. К. Каменев отметил его интерес к искусству и выдающиеся способности. С 1858 года Верещагин стал посещать занятия для вольноприходящих в рисовальной школе петербургского Общества поощрения художников. Занятия в школе настолько увлекали Верещагина, что ради них он отказался даже от кругосветного плавания, право на которое являлось большой честью для кадета. 3 апреля 1860 года Верещагин был выпущен из Морского корпуса и произведен в гардемарины флота. Тотчас же юноша принял все меры к увольнению с морской службы. Родители решительно возражали против «дикого» намерения сына сменить блестяще открывавшуюся карьеру морского офицера на необеспеченную жизнь начинающего художника. Отец, чтобы не «потакать» отставке сына, отказался помогать ему материально и предупредил о грозящей ему нищете, голоде и холоде. Мать назвала его «безумным». Морское ведомство не хотело расстаться с лучшим выпускником корпуса. Но все это не поколебало твердого решения юноши.

В 1860 году семнадцатилетний Верещагин был принят в Академию художеств. Сбылась его заветная мечта. Конференц-секретарь академии Ф. Ф. Львов выхлопотал талантливому юноше на два года небольшую стипендию петербургского Общества поощрения художников. Получив материальную поддержку, Верещагин с увлечением, с юношеским пылом отдался изучению искусства, занимался успешно, не раз отмечали в академии его работы. Но постепенно в юноше зрел протест против рутинности академического обучения. И после совершенного в 1863 году путешествия на Кавказ Верещагин уходит из академии, но, не желая прекращать художественное образование, решает поступить в Парижскую школу изящных искусств (Академию художеств), в мастерскую живописца и скульптора Жана-Леона Жерома. Это было делом трудным. Но привезенные Верещагиным с Кавказа рисунки настолько понравились, что юноша был без промедления принят в высшую художественную школу Франции.

Продолжая занятия искусством, Верещагин вновь и вновь будет отправляться в путешествия, чтобы наблюдать жизнь. И уже анализируя первые работы молодого художника, Стасов писал: «Масса народная, ее страдания, ее темнота и непонимание самой же себя — тут программа всего будущего Верещагина».

Летом 1867 года, будучи в Петербурге, Верещагин узнал, что генерал К. П. Кауфман, назначаемый туркестанским генерал-губернатором, желал бы пригласить в Среднюю Азию молодого русского художника. Верещагин предложил свою кандидатуру, и 22 августа состоялось зачисление его на службу.

Поселившись в Ташкенте, Верещагин отдался изучению народной жизни и быта. По целым дням он с подлинной страстью исследователя, не зная усталости, бродил с карандашом по городу, по его богатым и бедным кварталам, посещал оживленные базары, кустарные мастерские, караван-сараи, школы, бани, заглядывал в мечети и частные дома. Он завязывал знакомства с местными жителями разных общественных положений и разных национальностей. Его интересовала экономика края и положение различных социальных групп населения, обычаи, поверья, история народов и их семейный быт. Он много работал — писал, рисовал. При этом художник участвовал в боевых операциях и вынес из своих военных впечатлений горячую ненависть к захватническим войнам. И его творчество начиная с этого времени и до конца жизни выражает гневный протест против милитаризма.

В начале 1871 года Верещагин поселился в Мюнхене. Здесь он намеревался в ряде картин обобщить свои впечатления от двух путешествий в Среднюю Азию. Стремясь к жизненной правде, Василий Васильевич устроил себе в Мюнхене мастерскую, где работал каждый солнечный день. Она представляла собой высокую деревянную ограду с навесами. Пользуясь то одним, то другим навесом в зависимости от времени дня, художник писал модель, стоявшую в середине ограды под лучами солнца.

То, что создал Верещагин за три года в Мюнхене, поистине грандиозно. В предыдущие годы и в Мюнхене были исполнены на основе туркестанских этюдов сложные композиционные полотна: «Опиумоеды», «Нищие в Самарканде», «Богатый киргизский охотник с соколом», «Двери Тамерлана», «У дверей мечети», «Продажа ребенка-невольника» и другие.

«Двери Тамерлана». Здесь нет какого-либо действия, но картина производит сильное, неотразимое впечатление мастерством воссоздания сцены из быта древней эпохи, жизненной убедительностью. С замечательным умением художник лепит затейливый, чеканный рельеф дверей, сообщает пластическую объемную выразительность осанистым, массивным фигурам стражей.

«Эти два древних среднеазиата из среды полчищ Тамерлановых, сторожащие в полном, живописном своем вооружении дверь своего страшного владыки,— писал В. В. Стасов,— были написаны... до такой степени совершенно, что никогда не могли с ними равняться все лучшие подобного рода картины Жерома и других талантливейших его товарищей. Чудесно-художественная скульптура двери, солнце, упавшие тени, рельефы человеческих фигур, правда живых, по-восточному пестрящих красок — все это было несравненно». И. Н. Крамской отмечал, что, несмотря на отсутствие в этой картине развернутого исторического сюжета, она является все же исторической.

Заключительным звеном среднеазиатской серии является картина «Апофеоз войны» — одно из самых выдающихся произведений мастера. Первоначально художник задумал назвать картину «Апофеоз Тамерлана», что вполне соответствовало ее роли как завершающей серию полотен о варварстве феодального среднеазиатского Востока. Но после он изменил решение, придав картине более широкое антимилитаристское звучание.

Туркестанские картины были показаны на ряде выставок.

Совет Петербургской Академии художеств присвоил Верещагину «за известность и особые труды на художественном поприще» звание профессора, но художник публично отказался от этого почетного звания. Отказ художника был продиктован стремлением сохранить независимость от консервативной Академии художеств и самодержавия. И это стремление Верещагин пронес через всю свою жизнь. Передовая Россия приняла творчество Верещагина восторженно и благодарно. И. Е. Репин писал: «Верещагин — колосс, гениальный художник».

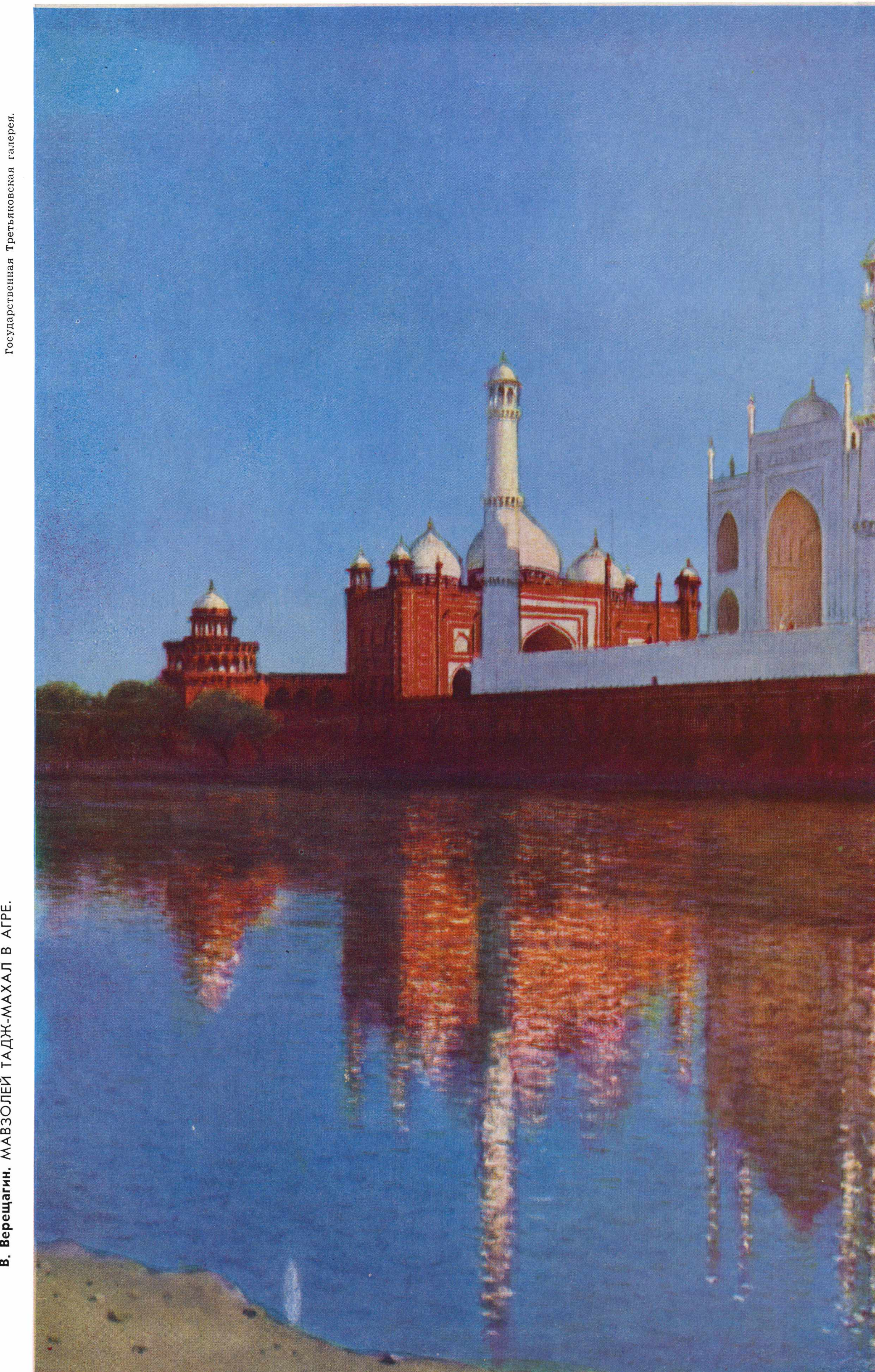
...Верещагин совершает путешествие по Индии. Художник с негодованием отзывался о проявлениях жестокого произвола английских властей. В Индии художник создал не менее ста — ста пятидесяти этюдов, дающих яркое представление о великой восточной стране... Здесь утонченному великолепию дворцов и мечетей Агры противостоят первобытные пещерные жилища в скалах. Богатство, сосуществующее с бедностью, поразительные достижения культуры рядом с крайней отсталостью.

Характерным примером работ этого цикла может служить «Мавзолей Тадж-Махал в Агре» — один из лучших этюдов, представляющих поэтическую картину и передающий восхищение художника чудным созданием архитектуры. Верещагинское изображение мавзолея позволяет наиболее полно обозреть весь ансамбль, выявляет гармонию пропорций, легкость и стройность форм, игру на беломраморной поверхности здания золотых солнечных лучей и рефлексов голубого простора небес. Чтобы еще больше подчеркнуть чарующее великолепие памятника, его замечательную воздушность и красоту, связь с пейзажем, художник изображает раскинувшийся у его стены водоем. Этот композиционный прием, выбор такой точки зрения позволяют передать отражение мавзолея на поверхности воды. И мерцающее, искрящееся повторение форм памятника в воде еще больше оттеняет его объемно-

В. Верещагин (1842—1904). В штыки! Ура, ура! (Атака)

Государственный Исторический музей.

В. Верещагин. МАВЗОЛЕЙ ТАДЖ-МАХАЛ В АГРЕ.

Государственная Третьяковская галерея.

пластическую прелесть, а вместе с тем передает цветовую гармонию всего ансамбля, представляющую собой настоящий аккорд насыщенных красок.

В конце марта 1876 года Верещагин покинул Индию и через Мюнхен, где он прожил несколько дней, отправился в Париж. Сюда он просил Стасова переслать ему из Петербурга и индийские этюды. Исполняя эту просьбу, Стасов писал художнику 8 (20) апреля 1876 года: «Вчера утром, во время укладки... я снова пересмотрел все этюды, один за другим, на прощанье и, кажется, поцеловал бы их каждый: столько тут положено таланта, правды, мастерства».

...В апреле 1877 года Россия объявила войну Турции. Главным результатом этой войны было освобождение балканских народов от турецкой кабалы. Русская армия, став армией-освободительницей, повела кровопролитную борьбу с турецкой армией. Русские солдаты и офицеры проявили на войне беспримерное геройство, мужество и самопожертвование.

Еще осенью 1876 года была удовлетворена просьба Верещагина о причислении его к штабу русских войск, а 16 (28) апреля 1877 года он выехал из Парижа в действующую армию, в которой и пробыл до конца кампании. Проявляя героизм, он был тяжело ранен.

Художник впоследствии вспоминал: «Мне приходилось выслушивать множество выговоров за ту легкость, с которою я вошел в опасное дело. Они, военные, идут по обязанности, а я — зачем? Не хотели люди понять того, что моя обязанность, будучи только нравственною, не менее, однако, сильна, чем их: что выполнить цель, которою я задался, а именно: дать обществу картины настоящей, неподдельной войны,— нельзя, глядя на сражение в бинокль из прекрасного далека, а нужно самому все прочувствовать и проделать, участвовать в атаках, штурмах, победах, поражениях, испытать голод, холод, болезни, раны... Нужно не бояться жертвовать своею кровью, своим мясом, иначе картины мои будут «не то».

Работал над новым циклом художник, по его собственному признанию, крайне напряженно: «Не менее 12 часов работы в сутки, никогда никаких приемов или визитов буквально... «Непокладание кисти» — при таких условиях два года стоили, наверное, четырех лет обыкновенных да и то еще сильных занятий. Воображаемая «быстрота» моя сводится на из ряда вон выходящую трудолюбивость, чистую боязнь терять время в праздности. Уставал я так, что не знал, буду ли в состоянии продолжить на другой день, и конечно, опять принимался. И во время еды и во время отдыха или поездок — думал о картинах и об недостатках исполнения...»

В своих произведениях на тему русско-турецкой войны Верещагин не только отразил героизм русских солдат в их благородной освободительной борьбе, но и поднялся до критики русского генералитета и царизма.

...По свидетельству Н. К. Крупской, В. И. Ленин знал и ценил творчество Верещагина. Надежда Константиновна рассказывает, что однажды в годы гражданской войны в ее присутствии Владимиру Ильичу докладывали о недоверчивом отношении красноармейцев к военным специалистам. «После того, как ушел докладывавший товарищ, Ильич говорил со мной о том,— вспоминает Н. К. Крупская,— что сила Красной Армии — в близости командного состава к красноармейской массе. Мы вспоминали с ним картины Верещагина, отражавшие войну с Турцией 1877—1878 гг. Замечательные это были картины. У него есть одна картина: идет бой, а командный состав в отдалении с горки смотрит на бой». Ряд полотен художника-демократа обличает деспотизм английских колонизаторов, террор царского самодержавия, тиранию и насилие — «Подавление индийского восстания англичанами», «Казнь заговорщиков в России»...

«Странно слышать,— говорил Верещагин в 1900 году,— что современные живописцы пустоту содержания своих картин объясняют своим стремлением к простоте, искренности, непосредственности... Художники жалуются, сетуют на публику за то, что их выставки не имеют успеха. Но зрителю нужно дать и впечатление, которое производило бы какое-нибудь движение в его душе. Техника — это азбука. Конечно, у кого нет техники, тот не художник.., но техника — средство, которым художник должен пользоваться для серьезных целей».

Когда в Париже готовилась выставка Верещагина, Тургенев писал: «Особенностью этого таланта является упорное искание правды, физиономии, типического в природе и в человеке, которое он передает с большой верностью и силой, порой несколько суровой, но всегда искренней и величественной. Это стремление к правде, к характерному, наложившее со времени нашего великого писателя Гоголя свой отпечаток на все произведения русской литературы, проявляется также под кистью Верещагина и в русском искусстве... Мне посчастливилось видеть в мастерской моего соотечественника несколько вещей, недавно им написанных, сюжет которых относится к последней войне. Это военные сцены, лишенные, однако, всякого шовинистического духа, Верещагин не думает поэтизировать русскую армию, рассказывать о ее славе, а стремится показать все стороны войны: патетическую, уродливую, страшную, равно как и другие, в особенности же психологическую сторону, предмет его постоянного внимания. Добавьте к этому энергичный колорит, рисунок, одновременно простой и точный... Верещагин несомненно самый своеобразный художник из всех, которых произвела Россия».

Несколько другим было отношение к художнику царствующего дома. Для них Верещагин был бунтовщик, революционер, сумасшедший, «тронутый», невменяемый человек. Началась травля, в дело вмешалась сыскная полиция. Но происки реакции сметал тот успех, с которым проходили выставки балканских картин Верещагина в Париже, Вене, Брюсселе, Будапеште, многих городах Германии.

Классик чешской литературы, выдающийся писатель-реалист Ян Неруда, посвятивший Верещагину специальную статью, писал о его работах: «Мы должны признать, что не видели еще столь хватающих за душу произведений; что русский художник — это свидетельство поистине гигантской силы, пробудившейся в русском народе». Ференц Лист сказал: «Верещагин больше, чем талант: это гений, он всегда поражает нас неожиданностью».

...31 марта 1904 года, когда уже были в разгаре военные действия русско-японской войны, подорвался на японских минах флагманский броненосец русского флота «Петропавловск», на борту которого находился В. В. Верещагин. Один из немногих спасшихся чинов экипажа — минный офицер «Петропавловска» Иениш — рассказывал о последних секундах жизни Верещагина, последовавших за первым минным взрывом: «Смотрю, на самом свесе стоит группа матросов и среди них в расстегнутом пальто Верещагин. Часть из них бросается в воду. За кормой зловеще шумит в воздухе винт. Несколько секунд — и взорвались котлы. Всю середину корабля вынесло со страшным шумом вверх. Правая 6-дюймовая башня отлетела в море. Громадная стальная стрела на спардеке для подъема шлюпок, на которой только что остановился взгляд, исчезает из глаз,— я слышу над головой лишь басистый вой... Взрывом ее метнуло на корму, и место, где стояли еще люди и Верещагин, было пусто — их раздробило и смело...» Командир «Петропавловска» капитан Н. М. Яковлев, случайно спасшийся во время катастрофы, вспоминал, что за несколько минут до взрыва он в последний раз видел Верещагина, спешно рисующего открывшуюся взору панораму. Так погиб на боевом посту талантливый русский художник-гуманист, посвятивший свою жизнь и свое творчество без остатка самоотверженной борьбе за народные интересы, рыцарь правды и справедливости, чей жизненный путь являл собой небывалый в истории мирового искусства пример самоотверженного служения кистью высоким человеческим идеалам.

* * *

Творчество Верещагина обличало феодально-капиталистические порядки царской России, которые душили, калечили, жестоко угнетали человека труда. Оно дышало ненавистью к остаткам и пережиткам крепостничества, к дикости русской жизни. Батальное искусство Верещагина было не просто правдивым, а открыто тенденциозным в лучшем смысле этого слова, то есть не в смысле преднамеренного искажения фактов, но смелого и глубоко правдивого обличения отвратительных сторон действительности с демократических, гуманистических позиций. Цели своего творчества Верещагин однажды сформулировал в следующих словах: «Одни распространяют идею мира своим увлекательным, могучим словом, другие поборники выставляют в защиту ее разные аргументы, религиозные, экономические и другие, а я проповедую то же посредством красок... Искусство в данном отношении имеет такое же облагораживающее воспитательное значение, как изящная литература и ораторское красноречие».

Было бы ошибочным на основании этих слов причислить Верещагина попросту к буржуазным пацифистам. Всякий, кто видел картины Верещагина, посвященные Отечественной войне 1812 года, не может сказать, чтобы в них содержалась хоть тень осуждения героической освободительной борьбы русских крестьян и русской армии против вторгшихся захватчиков. Наоборот, в этих произведениях заключена безмерная гордость художника за свой свободолюбивый народ, разгромивший врага и вышвырнувший его за рубежи родной земли. «Цель у меня была одна,— говорил Верещагин,— показать в картинах двенадцатого года великий национальный дух русского народа, его самоотверженность и героизм в борьбе с врагом. Было желание еще свести образ Наполеона с того пьедестала героя, на который он внесен. Но это второстепенно — для меня самое важное было лишь первое». Верещагин выступал противником не всякой войны, врагом не всякого оружия.

Серия картин о 1812 годе — это поистине величественная, монументальная, полная патриотического пафоса эпопея о русском народе, его мужестве, национальной гордости, беззаветной преданности родине и свободолюбии. Она вся пропитана идеями ненависти к захватчикам, посягнувшим на наше отечество.

Картина «В штыки! Ура, ура!» (Атака) изображает отряд русских гренадер, устремляющийся на противника по глубокому снегу. Твердые, решительные лица, стройность шеренг, ровный ритм ощетинившихся ружей говорят о силе, слаженности и решительности войска.

Патриотизм Верещагина противостоял патриотизму господствующих классов и был связан с идеей общественного прогресса, с борьбой демократических сил за лучшее общественное устройство, со стремлением к миру и свободе. Его страстное искусство будило силы социального протеста, вливалось мощной и яркой струей в общую демократическую культуру России, участвовало в борьбе демократических сил страны за прогрессивный путь развития родины и человечества. Перефразируя слова А. И. Герцена о Т. Н. Грановском, можно сказать, что хотя Верещагин и не был революционным демократом, но его место в общественной жизни эпохи определялось постоянным глубоким протестом против порядка, существовавшего в России. В. И. Ленин писал, что «исторические заслуги судятся не по тому, чего *не дали* исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они *дали нового* сравнительно с своими предшественниками». И, конечно, Верещагин внес огромный новый вклад в русскую и мировую художественную культуру.

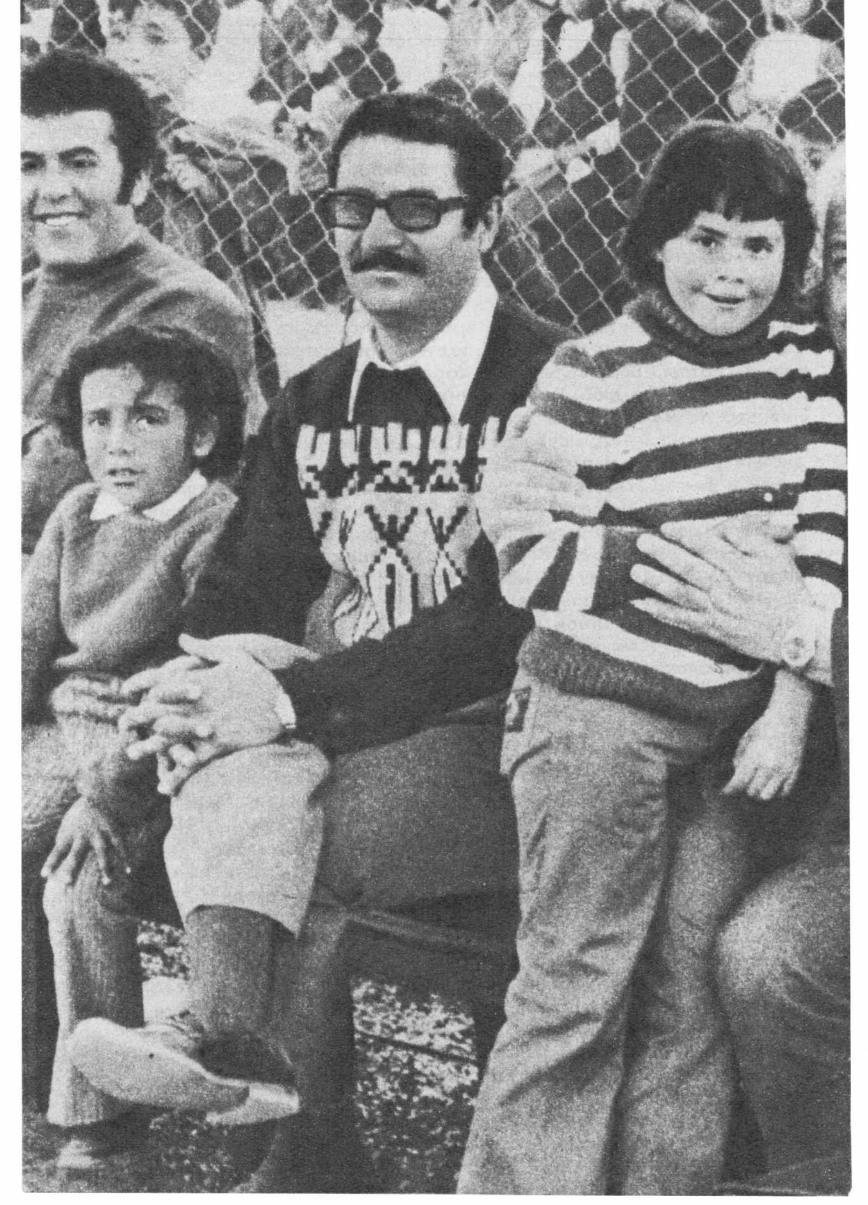
Отношение передовых советских художников к творчеству и традициям В. В. Верещагина ярко характеризуют слова С. Т. Коненкова:

«Я хочу сослаться на Верещагина потому, что вся его жизнь глубоко поучительна. Она показывает, какие огромные результаты дает стремление художника окунуться в гущу жизни, быть там, где происходят события мирового значения. Как важно пережить и прочувствовать то, что хочешь изобразить! Верещагин не знал покоя. Он участвовал в военных походах, его трясли тропические лихорадки, бессчетное число раз переносил он солнечные удары, на левой ноге у него болела рана, полученная в сражении на Дунае... Реакционеры и поклонники «чистого» искусства всячески пытались опорочить могучий талант Верещагина. Но он, не считаясь с окриками, работал не покладая рук...

Все свое дарование он отдал на службу человечности, и поэтому пусть и сегодня... громко звучит его славное имя! В своих военных картинах он был провозвестником мира».

В. Верещагин. ДВЕРИ ТИМУРА (ТАМЕРЛАНА).

Государственная Третьяковская галерея.

Эдмундо Чекуро.

Анатолий СОФРОНОВ,
фото Дмитрия БАЛЬТЕРМАНЦА,
специальные
корреспонденты
«Огонька»

ОГНЕННА

ДЕНЬ НАЦИОНАЛЬНОГО ДОСТОИНСТВА

Инженер Сепеди сел за руль, и мы помчались на стадион города Калама — административного центра, в ведении которого находится и Чукикамата. Городок этот одноэтажный, расположенный на широкой горной равнине. Через толпу людей, забивших все уголки стадиона, нас провели в пределы футбольного поля, отгороженного от трибун высокой проволочной сеткой, рассчитанной здесь, как и всюду в Латинской Америке, на то, чтобы темперамент местных болельщиков не выплескивался на игровое поле. Наши места оказались рядом с симпатичным человеком в пестром свитере.

На поле шла острая борьба между лучшей чилийской командой «Колоколо» и командой спортивного клуба Каламы. Успех вначале клонился в сторону каламских футболистов. Гол, забитый в ворота «Колоколо», вызвал рев зрителей.

— Все равно наши не выиграют,— сказал сосед в свитере и представился: — Губернатор Каламы Эдмундо Чекуро.

С другой стороны сидела группа девушек. На голове одной из них, счастливой и улыбающейся, возвышалась ажурная полукорона. Эдмундо Чекуро подозвал ее к себе:

— Беатрис, познакомься с нашими гостями из Советского Союза.

Беатрис церемонно подала маленькую ручку и отошла к подругам.

— Это дочь мастера по выплавке меди, четырнадцатилетняя школьница, на нашем празднике избранная королевой меди. Обратите внимание, как радуются люди. У них сегодня отличное настроение. Правда, хорошо назван праздник — День национального достоинства? Ой! — воскликнул Чекуро. В ворота местной команды влетели один за другим два мяча.

— Я же говорил, что наши проиграют,— сказал Чекуро, справившись с разочарованием.— Так у нас идет жизнь... Только три месяца назад правительство национализировало расположенный здесь же, в горах, завод взрывчатки, принадлежавший американцам. Когда Сальвадор Альенде был кандидатом в президенты и пожелал встретиться с рабочими, американская администрация не допустила его на завод. Тогда Альенде сказал: «Ничего, я еще вернусь». Сейчас мы сделали символический ключ, и я отправил его в Сантьяго президенту, чтобы он мог быть на этом заводе в любое время.

— Что вы делали до того, как стали губернатором Каламы?

— Был директором школы, преподавал музыку... Был председателем местного профсоюза учителей. В ту пору бывший губернатор, который и сейчас является членом муниципалитета Каламы, дважды арестовывал меня. Так что нам нельзя успокаиваться. Наши враги живут среди нас.

Футбольный матч закончился. Игроки по-братски обнимались на поле. Раздался голос радиодиктора, сообщавший о том, что начинается концерт художественной самодеятельности, подготовленный силами жителей, проживающих в глубинах Кордильер.

На эстраду вышли школьники. На плечах у них висело настоящее оперение кондоров.

К нам подошел Сепеди.

— Вас ожидает в Чукикамате Мирандо,— сказал он.

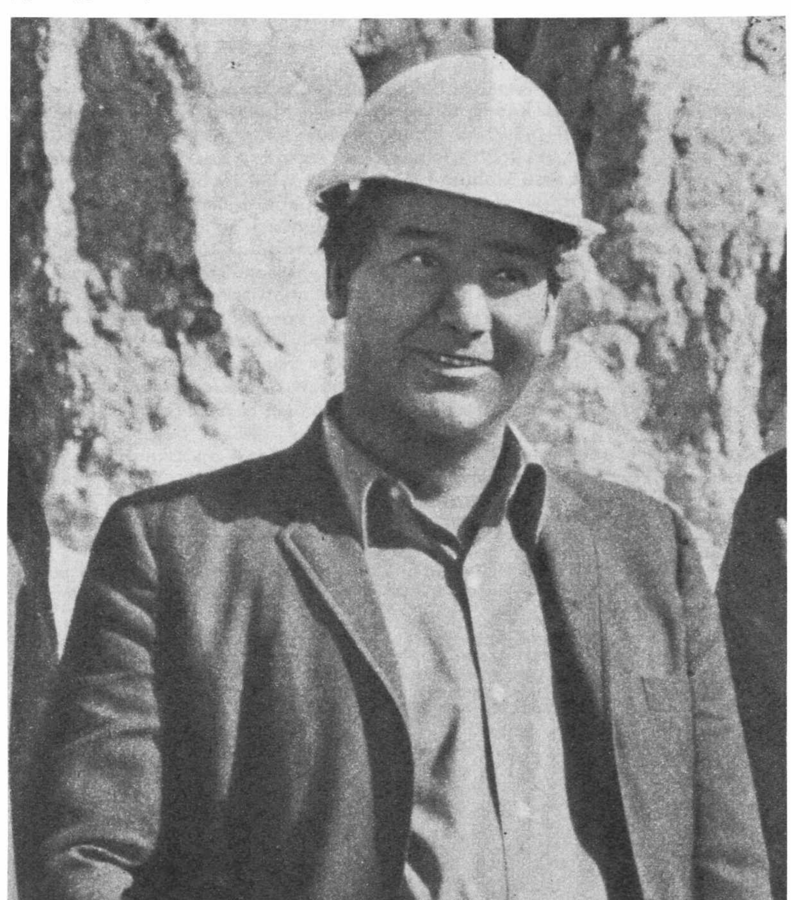
В домике для приезжих Сепеди сдал нас Давиду Мирандо. Мы присели у широкого окна.

— Расскажите о том, что происходит в настоящее время в Чукикамате.

— Что происходит? — сказал Мирандо.— Происходит очень многое. Одна из главных социальных проблем для нас — жилищная. Десять процентов работающих на комбинате вынуждены жить где попало. Вы видели еще недостроенные дома в поселке? В этом месяце мы вселим в них более трехсот холостяков. Для каждого комната и ванная. В Каламе более тысячи рабочих также получили квартиры. Это уже после национализации. Но приходится новые строить, а старые, непригодные к жилью, разрушать. В прошлый приезд вы видели, что это были за жилища?

— Видел.

Давид Мирандо.

— Еще нам предстоит построить более восьмидесяти столовых.

— Неужели раньше их не было?

— Были, но абсолютно непригодные. В прошлые времена рабочие боролись только за повышение зарплаты. Сейчас рабочие живут здесь без особых проблем, получают хорошую зарплату. Но мы не можем успокаиваться только на этом факторе. Еще не так давно правящие партии обрабатывали рабочих как могли, прилагали максимальные усилия, чтобы обратить их в свою веру. Надо помнить, что в 1948 году весь актив коммунистической партии в Чукикамате был уничтожен. Только сейчас возрождается наше влияние. Но мы сами не питаем никаких иллюзий, что все произойдет мгновенно. Мы не всегда получаем поддержку от местных профсоюзов. А они испытывают на себе сильное влияние христианско-демократической партии. В других местах руководителей профсоюзов избирают на один год, а здесь, согласно ранее принятому уставу, их избирают на три года. Вот и появляются эдакие профсоюзные каудильо. В этих условиях мы ведем борьбу за сознание рабочих, приобщаем их к интересам, к нуждам комбината. В частности, представители рабочих участвуют в административных советах. Расширяем различные социальные учреждения, детские сады, поликлиники... И многое другое. Постепенно рабочие в большинстве отдают себе отчет и в своей ответственности за работу комбината, который приносит государству 33 процента иностранной валюты. Но и бывшие хозяева, выброшенные отсюда, не теряют времени. Пока они лучше нас знают производство. Они ежедневно бомбардируют нас потоками клеветы и всяческих инсинуаций по радио и телевидению, призывая к свержению правительства Сальвадора Альенде. В последние годы они не вложили ни одного песо в ремонт оборудования, но все, что можно, выжимали из комбината. Мы бы и сейчас могли быть на более высоком уровне производства, но мы обязаны думать о плановом ремонте оборудования, о профилактике его. Должны поступать осторожно, как подлинные хозяева предприятия. Мы, конечно, сами знаем, что пойдем дальше и не только сохраним производство, но и поднимем его. Но наша задача состоит еще в том, чтобы и рабочие знали все и, главное, верили в нашу победу.

— Нам говорили в Сантьяго, что у вас не хватает инженерно-технических работников?

— Это не совсем точно. Просто изменилась внутренняя ситуация на самом комбинате. Раньше любой проект, любое изменение технологии делались в США и привозились сюда в готовом виде. Сейчас все делается здесь, на комбинате, своими руками, своей творческой мыслью... Мы, конечно, не сидим сложа руки, обучаем рабочих, готовим техников.— Мирандо замолчал и посмотрел в окно на поселок, залитый электрическим светом.

— А вы сами раньше бывали в Чукикамате?

— О, конечно. Я здесь жил, был одним из руководителей горняков. Здесь же был арестован и отсюда отправлен в тюрьму. Здесь прошли многие годы моей жизни, я знаю здесь все, поэтому работа в Чукикамате является для меня большим наслаждением.

— А это зачем?

— Для безопасности... Могут положить взрывчатку. Вы же знаете, наши враги не останавливаются ни перед чем.

Через полчаса мы оказались в Антофагасте и вышли из самолета. Виктор Прохоров сказал:

— Вон, в стороне, стоит второй секретарь Центрального Комитета Компартии Чили, товарищ Диас.

Мы подошли к Диасу. Он ожидал делегацию социалистической партии, чтобы вместе с ней отправиться в один из ближайших районов. Узнав, что мы побывали на шахте «Мария-Елена» и в Чукикамате, Диас сказал:

— Очень хорошо. О Чили надо рассказывать, чтобы люди во всем мире знали, что здесь происходит, как народ Чили сражается за свою новую жизнь.

ГОРОД НА БЕРЕГУ ОКЕАНА

Еще от прошлой поездки в Чили у меня остались самые добрые воспоминания о Вальпараисо, удивительно красивом городе, расположенном у Тихого океана. Мы собирались обязательно побывать в Вальпараисо в конце нашего пребывания в Чили, но попали в него значительно раньше, на другой день после возвращения из Чукикаматы.

Утром мы приехали в посольство и встретились с нашим послом Александром Васильевичем Басовым.

— Очень хорошо, что вы здесь,— сказал он.— Сейчас у меня будет мэр Вальпараисо Сергей Вускович, вместе с членами делегации, которая отправляется в Советский Союз, в Новороссийск, город, породненный с Вальпараисо. Приглашаю вас принять участие в беседе.

В уютной гостиной посольства, где на стенах развешены русские пейзажи, а в неглубоких нишах на полках расставлены изделия нашей кустарной промышленности, состоялась беседа.

Посол сказал о том, что это очень приятное событие — поездка делегации Вальпараисо в русский город, где во время Великой Отечественной войны мужественно сражались советские солдаты, офицеры и политработники. Он вспомнил и о подвигах героев Малой земли.

— Мы знаем все об этом городе,— сказал Вускович,— наши товарищи уже бывали в Новороссийске. Мы были также очень тронуты тем, что в Вальпараисо побывала делегация Центрального Комитета КПСС, которую возглавлял член Политбюро ЦК КПСС Андрей Кириленко. Жители нашего города тепло встретили эту делегацию. Мы особенно благодарны правительству Советского Союза, что оно сделало Вальпараисо такой замечательный подарок, как домостроительный комбинат. После землетрясения, какое произошло в районе Вальпараисо в прошлом году, этот комбинат реально поможет нам в преодолении жилищного кризиса. Четыре тысячи квартир в год — это большая помощь. Мы также очень рады, что так успешно прошла поездка делегации социалистической партии во главе с генеральным секретарем ЦК Альтамирано в Москву и что товарищ Брежнев сердечно принял эту делегацию.

Я ЗЕМЛЯ

— Бывали ли вы в Советском Союзе?

— Был... В Донбассе. У меня сейчас там много друзей.

Утром Мирандо заехал за нами, чтобы перед отлетом еще раз проехать по комбинату. Мы побывали в медеплавильном цехе, в этом особенно трудном месте, где люди из-за большой загазованности работают у клокочущих печей в респираторах. Посмотрели разливку и маркировку брусков меди.

— «Анаконда» ежедневно получала с Чукикаматы один миллион долларов прибыли. Можно понять их ярость,— сказал Мирандо.— Поедемте к диспетчеру, оттуда виден весь рудник.

Мы зашли в будку диспетчера, прилепившуюся, как ласточкино гнездо.

Диспетчер Хосе Оливарес Окаранья непрерывно снимал телефонную трубку и хриплым голосом отдавал распоряжения. Временами он брал со стойки бинокль, всматривался и снова снимал телефонную трубку.

— Он руководит движением электропоездов,— сказал Мирандо.

Маленькими, игрушечными казались внизу электродумпкары, как спичечные коробки — вагончики поездов, отправляющие руду в дробилки.

— Взрывают породу часто? — спросили мы диспетчера.

— Четыре-пять раз в неделю.

— Работа идет без перебоев?

— Все нормально.

— Вы давно работаете на комбинате?

— Четверть века.

В аэропорту Каламы все было совсем иначе, чем четырнадцать лет назад. Чистое небольшое здание. Неторопливые пассажиры, спокойно открывающие перед служащим аэропорта свои чемоданы.

— Мы много делаем для того, чтобы рассказывать жителям нашего города о Советской стране,— продолжил член делегации Нейман.— Я веду семинар, в котором рассказываю о великой роли Ленина как организатора и создателя первого на земле многонационального государства, каким является Советский Союз.

— Сейчас идут большие работы по открытию парка в районе Аламеда. Муниципалитет единогласно проголосовал за то, чтобы этому месту отдыха присвоить имя Владимира Ленина. В парке будет установлен бюст Ленина.— Вускович обратился к нам: — Мы приглашаем вас посмотреть и парк и площадку домостроительного комбината.

— Когда?

— Сегодня, если не возражаете.

От Сантьяго до Вальпараисо часа два пути, хорошей дорогой, среди пейзажей, резко отличающихся от тех, которые сопровождали нас по дороге в Чукикамату. Плодородные долины и сады встречали нас. Только совсем уже недалеко от Вальпараисо мы увидели большой участок выжженного леса. В прошлом году здесь было и землетрясение и огромный лесной пожар.

Миновав два туннеля, мы по крутому взгорью вынеслись на возвышенность, открывшую взору чуть прихмуренную легким туманом ширь океана.

Вальпараисо как бы ступенями спускается к океану. Именно здесь была видна не то чтобы изнанка города, а приметы нелегкой жизни его обитателей. То, что снизу, с берега, кажется почти воздушными постройками, здесь, в своей обнаженности, виделось, как едва прикрытая бедность. На этих труднодоступных местах богачи и люди обеспеченные не селились.

К муниципалитету мы подъехали одновременно с Вусковичем. Вместе с ним был муниципальный архитектор Рейнальдо Менесес. Архитектор раскрыл план парка имени Ленина.

— Я предлагаю сразу отправиться на место, там этот план будет более понятен,— сказал Вускович.

Вскоре мы оказались в тихом месте, сплошь заросшем высокими деревьями.

— Бассейн будет трехъярусный,— сказал архитектор, развернув план строительства.— Для взрослых глубина — от полутора до трех метров, для детей — отдельный бассейн в полтора метра глубины.

— Неужели эту красавицу будете убирать? — спросил я, обратив внимание на высокую пальму, одиноко стоящую посредине строящегося бассейна.

— Нет, пальма останется... Она не будет чувствовать себя одиноко среди ребятишек. А здесь те, кто приедет сюда отдохнуть, смогут приготовить наше любимое блюдо асадо.— Архитектор указал на место, где уже были вкопаны в землю столы и угадывались места будущих очагов.

— Начало положено,— сказал Вускович.— Здесь мы принимали делегацию, которую возглавлял товарищ Кириленко. Мы их угощали нашим асадо.

На одной из аллей на кустах цвели ярко-красные цветы, напоминающие колокольчики.

— Это наш национальный цветок, называют его копигуе,— заметил Вускович.

Мы остановились на зеленой полянке.

— А здесь будет поставлен бюст Владимира Ильича Ленина... Территория большая, сорок гектаров. Сюда будут регулярно ходить автобусы, кроме того, мы строим стоянку для легковых автомашин. Нравится вам это место? — спросил Вускович.

— Нравится.

— Только такое место мы могли назвать именем Ленина.

— Советских кораблей в порту сейчас нет? — спросил я Вусковича.

— По-моему, есть...

Полюбовавшись вдоволь гаванью, жившей своей неторопливой жизнью, маленькими киосками с сувенирами, вечно беспокойными чайками, мы зашагали туда, где высились мачты кораблей.

Чилийский корабль «Кордильеры»... Аргентинский... Панамский... И вдруг перед нами возник борт корабля, на котором протянулась надпись: «Анатолий Луначарский». Шла погрузка.

К нам вышел первый помощник капитана Ефим Васильевич Васильев. Он пригласил нас в каюту. Через несколько минут в каюте появился капитан корабля Вячеслав Иванович Федоров.

— Это первый рейс сюда?

— Нет, второй,— ответил Федоров.— Первым рейсом мы везли оборудование для домостроительного комбината. Но не только это... Выполняем промежуточные перевозки. Предстоит еще зайти в Перу и Коста-Рику, взять груз кофе... В Коста-Рике еще 850 тонн полиэтиленовой пленки...

— Как вас здесь встречают?

— Отлично.

— Позавчера состоялась встреча экипажа корабля с генеральным секретарем чилийской Компартии Луисом Корваланом,— сказал Васильев.— Товарищ Корвалан рассказал экипажу о том, как живет сейчас Чили, и ответил на многие вопросы моряков. А вечером того же дня мы были приглашены в Институт чилийско-советской культуры. Это была очень душевная встреча. Наши моряки дали целый концерт... Но, конечно, и чилийцы тоже.

— А они у вас бывают в гостях?

— Еще бы... Моряки показывают упражнения с двухпудовыми гирями. Гости удивляются, как они легко обходятся с гирями.

— К какому порту приписан корабль?

— К родному Ленинграду,— сказал Федоров.

Время властно напоминало, что пора прощаться с кораблем.

Местечко Бельпато, где воздвигался домостроительный комбинат отстояло от Вальпараисо довольно далеко. Не меньше часа ехали мы от порта до Бельпато. Солнце уже закатилось. Еще издали мы увидели темные остовы стройки и вспыхивающие в полумгле огни электросварки

Возле конторы нас встретил инженер Хорхе Эрцберг. Здесь же было и несколько рабочих. Они ожидали нас.

— Мы надеемся завершить строительство в этом году,— сказал Эрцберг.— Сейчас работают триста человек. Комбинат будет постепенно входить в строй. При сорокапроцентной готовности мы начнем сдавать 1 700 квартир в год, двух- и трехкомнатных, со всеми удобствами. Квартиры от 50 до 60 квадратных метров. Когда же строительство комбината полностью завершится, город будет получать четыре тысячи квартир в год.

Плотник Хорхе Монтенегро сказал:

— Мы прекрасно понимаем, что Советский Союз — самый лучший друг, которого мы когда-либо имели в мире. Когда комбинат будет построен и люди начнут жить в этих квартирах,— это будет настоящий праздник для каждого из нас.

— Прошу передать самый сердечный привет и благодарность советским людям. Я секретарь парткома организации компартии в местной коммуне, а по профессии каменщик,— сказал Виктор Мартинес.

— Я социалист,— сказал Карлос Кариньо,— профессия у меня простая — плотник. Мы по-настоящему ценим все, что принес для всех людей планеты Ленин. И это не мое личное мнение, это — мнение двух чилийских партий — коммунистической и социалистической. Я уверен, что, если мы и дальше будем работать, обе партии, в полном единодушии, мы построим в Чили социализм.

— Послушайте мнение молодых,— обратился к нам парнишка небольшого роста.— Я работаю в столовой, по профессии портной, но пошел сюда, чтобы участвовать в этом хорошем деле. Мы читали речь товарища Брежнева на Двадцать четвертом съезде вашей партии. Он сказал прекрасные слова о сплоченности мирового коммунистического движения и всех антиимпериалистических сил. Эти слова запали мне и многим моим друзьям в самую душу. Передавайте привет Советскому Союзу!

...Уже было совсем темно, а мы все стояли возле конторы, так и не войдя в нее. Десятки рукопожатий, и мы снова мчимся по длинным прибрежным улицам в Вальпараисо, для того чтобы встретиться в морском ресторане с новыми друзьями. Сергей Вускович пришел с женой и детьми. Долго продолжался этот сердечный и по-чилийски шумный вечер. Поздно ночью вернулись мы в Сантьяго.

А в памяти все звучали слова, сказанные мне на этой встрече Хуаном Ланга Оссу, работником муниципалитета Вальпараисо, однажды побывавшим с делегацией в Новороссийске: «Вускович — замечательный человек и коммунист. И вся семья его такая же. Недавно на его дочь напали на улице Вальпараисо фашисты. За нее вступилась мать. Фашисты ее избили. Она только недавно вышла из больницы».

А за дружеским столом это было совсем незаметно, и сам Вускович в течение долгого дня не обмолвился об этом ни словом.

В ПОМЕСТЬЕ САНТА-ИЗАБЕЛЛА

Июнь в Чили — зимний месяц. Зимний, но не очень холодный, напоминающий нашу раннюю южную весну. Свежо. Ветрено. Дожди.

Таким пестрым утром мы выехали из Сантьяго по направлению к городу Ранкагуа, в предместьях которого мы были когда-то в гостях у писателя, в ту пору сенатора Бальтазаро Кастро, побывавшего в те годы и в Советском Союзе.

Сопровождала нас молодая женщина, работник КОРа — Корпорации аграрной реформы — Неда Ривас. Неда была серьезна, бескомпромиссна и отлично знала, что происходит в деревне. Когда я сказал, что именно здесь, в пределах Ранкагуа, мы встречались с Бальтазаром Кастро, Неда с некоторым удивлением посмотрела на меня.

— Вы?! С этим реакционером?!

— Тогда он не был реакционером. Тогда он многое делал для того, чтобы установить дружеские отношения между Чили и Советским Союзом.

— А сейчас он благодаря тому, что в судебных органах еще сидят

реакционеры, отсудил в свою пользу решение КОРа о конфискации его поместья и земельных угодий.

Черт его знает! Жизнь — суровая штука. Все возможно в этой жизни. Я вспомнил винные подвалы в поместье Бальтазаро Кастро, в которых он на правах друга нашей страны принимал тогда советских журналистов и говорил о том, что настала пора, когда Чили должно пойти по новому пути, и одновременно жаловался на то, что плохо продается чилийское вино, отчего они, и он в частности, страдают материально, так как на литературный заработок в Чили прожить невозможно.

...Пока мы мчались среди красивой долины, по краям которой возвышались голубые горы со сверкающими белыми вершинами, Неда Ривас рассказывала о борьбе, которая происходила и в этих местах и в других районах Чили, борьбе, принимавшей порой кровавый характер: помещики, бешено ненавидя победившего на выборах Сальвадора Альенде, пытались с оружием в руках удержать свои земли. Теперь эти события в основном закончились, перейдя в область юридической, правовой борьбы.

— Дело в том,— говорила Неда,— что оппозиция ведет отчаянную пропаганду против правительства. И, надо сказать, не всегда безрезультатно. Но все же крестьяне, получив землю в свои руки, уже не хотят отдавать свои права.

— Каковы организационные формы строения кооператива?

— Их несколько... Форму определяют, как правило, сами крестьяне... Но административным ядром любого кооператива являются председатель, два его заместителя и секретарь кооператива. Высший орган — общее собрание членов кооператива. Помимо административного ядра, создаются комитеты по производству, планированию, решающие, какие культуры сеять, по орошению, по различным специальностям... Есть комитет по финансовым вопросам. Все они подчиняются общему собранию... Все они непостоянны, состав их может периодически меняться.

...Так мы оказались в большом дворе, где тарахтел трактор, за рулем которого сидел уже немолодой мужчина. Неда подошла к нему.

— Председателя сейчас нет. Он уехал на юг закупать картофель. Идемте в контору, там есть работники, они смогут ответить на ваши вопросы.

В небольшой комнате, за письменным столом, возле настежь открытого несгораемого шкафа сидел кассир. Он был молод, чубат, в его карих глазах посверкивали веселые искорки.

— У нас сейчас все в разъезде или на полях,— сказал кассир.— Была плохая погода... Многое повымерзло. Кооператив молодой, приходится изворачиваться... Я могу ответить на ваши вопросы. Между прочим, меня зовут Освальдо Асуада Пиночет. Я окончил лицей в Ранкагуа и знаю все, что происходит в кооперативе.

— Все знаете?

— Конечно. Я родился здесь... Мне двадцать лет. Из них шесть лет я уже работаю. Отец у меня садовод.

— Вы отвечаете за финансовые дела кооператива?

— Моя работа — выдавать деньги. Меня контролирует бухгалтер, но я все знаю.— Энергия переполняла Освальдо.— Вас, наверно, интересуют финансовые дела кооператива.

— Нет.

— Я могу сказать. Вам это полезно знать. Постоянный оборот кооператива примерно восемьсот тысяч эскудо. В начале года банк дает нам ссуду, в конце года мы ее возвращаем.— Освальдо заглянул в толстую бухгалтерскую книгу.— В прошлом году наш доход составил от земельных участков один миллион шестьсот тысяч эскудо плюс два миллиона эскудо от продажи фруктов.

В это время Неда, раньше вышедшая из комнаты, вернулась с человеком средних лет.

— Это член комитета по сельскому хозяйству Элиас Пино,— сказала она.

— На деньги, которые являются доходом кооператива, мы покупаем оборудование,— продолжал Освальдо.— Впрочем, теперь на ваши вопросы вам может ответить Пино... Да, еще я хотел сказать,— спохватился Освальдо,— именно Санта-Изабелла принадлежало латифундисту Августину Эдвардсу, который после конфискации его земель в июне прошлого года сбежал в Соединенные Штаты. Сбежал, понимаете? — Освальдо удовлетворенно улыбнулся и снова воскликнул: — Как жалко, что мы не получаем никаких книг на испанском языке о жизни народов Советского Союза! Нас, в частности, интересует, как у вас осваивали целинные земли. Прошу,— обратился он к Пино, тем самым давая понять, что свою миссию он выполнил.

— А что интересует наших гостей?

— Их все интересует,— не утерпел Освальдо.— Как вы раньше жили, как сейчас живете...

— Ну, что же,— сказал Пино,— могу сказать, что своей земли мы никогда не имели. Ни один крестьянин не имел своей земли.

— А сейчас?

— Начинаем понимать, что получили землю в свое пользование. Поэтому и работаем лучше.

— Раньше он получал не больше восемнадцати эскудо в день, а сейчас тридцать пять,— снова вмешался в разговор Освальдо.

Пино улыбнулся.

— Да... этих денег нам уже хватает для жизни. У меня семья состоит из одиннадцати человек... Девять детей. Раньше мне разрешали работать только одному... Сейчас в хозяйстве работает старший сын... Да и помоложе... Практически из семьи работают четыре человека.

— Он бригадир... В его бригаде пятнадцать человек,— снова не удержался Освальдо.

— Да, пятнадцать,— подтвердил Пино.— Сажаем картофель, чеснок... кормовую свеклу, сеем кукурузу... В этом году холодно и дожди... Только сейчас сеем пшеницу, готовим землю для фасоли...

— Какой урожай пшеницы?

— Сорок пять — пятьдесят центнеров с гектара.

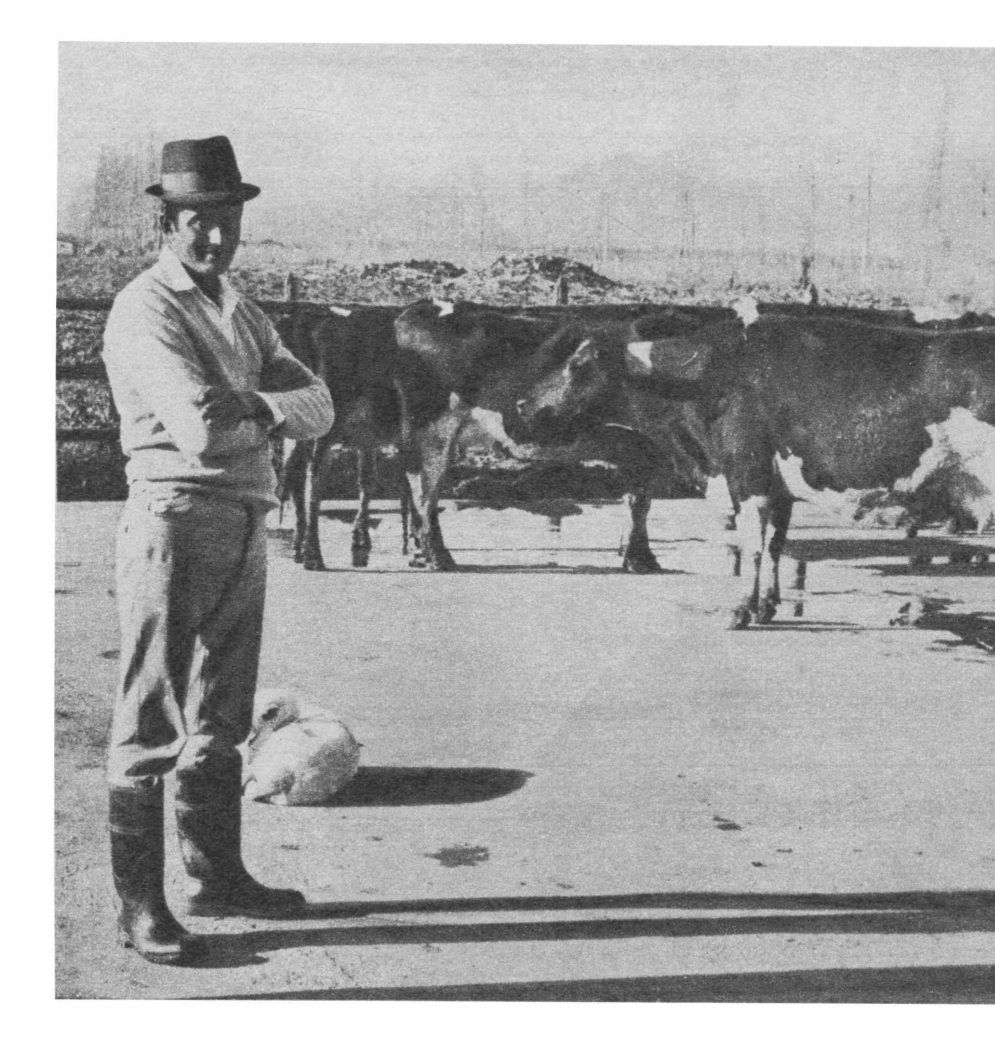
— Удобрениями пользуетесь?

— Как же иначе? У нас очень плодородные земли, но все равно по рекомендации агронома вносим в среднем двести килограммов удобрений на один гектар. Селитровые удобрения «Марии-Елены»... Кроме этого, у нас виноград, груши, персики... Свиноводство будет. В кооперативе тринадцать тракторов. Покупаем в кредит навесные орудия, грабли, бороны, сеялки.— Пино говорил уже свободно.— Хозяина раньше мы не видели... Он изредка появлялся и уезжал. Был здесь его управляющий. Мы работали, а у нас все забирали. Раньше мы слышали только чужие приказания. Сейчас сами принимаем решения и сами их выполняем. Вот все, что я могу сказать... Посмотрите наше хозяйство.

— Поезжайте на животноводческую ферму... Она сейчас в периоде организации,— сказал Освальдо.— Я правильно говорю? — обратился он к Пино.

— Правильно...— усмехнулся Пино, явно получая удовольствие от активности Освальдо.

Разбитой дорогой, минуя небольшие домики, возле которых вились стаи весело кричащих ребятишек, мы подъехали к дощатым строениям. На огороженной бетонированной площадке сгрудилось несколько десятков черно-белых пятнистых коров. Возле коров стояли мужчины. Один из них, в светлом свитере и маленькой фетровой шляпе, и был заведующий фермой Луис Катанау Ортега.

— К животноводству я раньше не имел никакого отношения,— сказал он.— Я тракторист. Но надо было восстанавливать хозяйство. Мне предложили возглавить ферму. Я отказался. Тогда мне предложили поучиться на курсах. Я согласился. Конечно, за один месяц многому не научишься, но что делать? Семь месяцев теперь вот нахожусь здесь... Конечно, скот у нас не очень важный, в среднем от каждой коровы получаем по десять литров молока в день... Но пытаемся исправить это положение, лучшие корма даем, концентраты... Принял я это хозяйство в отчаянном положении. Кое-как привели все в порядок, почистили все. Вы, наверное, заметили, что в Чили мяса почти нет?

— Говядины.

— Да... мясом у нас считают говядину... Свинина и баранина еще есть... Дело в том, что латифундисты, выброшенные со своих земель, оставили Чили без мяса, чтобы вызвать недовольство населения. Чили и раньше покупало мясо в Аргентине и Уругвае, своего не хватало... А теперь нам не продают не только мясо, но и молодняк, чтобы мы не имели возможности восстановить животноводство. Многие помещики сами порезали скот или угнали его в Аргентину. Целыми стадами перегоняли ночами через границу. Идет борьба не на жизнь, а на смерть,— сказал Луис и посмотрел на пустые желтые поля.— Но наша главная задача сейчас — удержать то, что осталось, и сделать все, чтобы увеличить поголовье скота. Духом мы не падаем, в силах своих

уверены... Уверены еще и потому, что у нас есть друзья, которые помогают нашей борьбе.

— В какой партии вы состоите?

— В социалистической... В нашем кооперативе много людей состоят в социалистической партии.

Выбравшись на широкое асфальтовое шоссе, идущее на Сантьяго, мы остановились на обочине, чтобы полюбоваться широкой долиной и все больше покрывающимися голубоватой дымкой снежными вершинами гор. К дороге примыкала проволочная изгородь, возле которой стоял, опершись на столб, плотный человек в широкой шляпе. Лицо у него было угрюмым.

— Это помещик, после реформы оставшийся здесь,— сказала Неда.— Я знаю его. Это злой человек. Он еще на что-то рассчитывает.

РЕВОЛЮЦИЯ И КУЛЬТУРА

Еще в прошлый приезд Пабло Неруда познакомил нас со своим другом Володей Тейтельбоймом, одним из руководящих деятелей Коммунистической партии Чили. В настоящее время Тейтельбойм является сенатором, на которого в сенате возложены обязанности по руководству вопросами культуры и народного образования. Мы попросили сенатора принять нас и получили его согласие.

Вместе с послом СССР в Чили А. В. Басовым мы направились в сенат. Тейтельбойм встретил нас в просторном кабинете.

— Рад видеть вас,— сказал он.— Уже много лет назад я был гостем на Втором съезде Союза советских писателей. У меня остались добрые впечатления от встреч с вашими писателями... Мне говорили о том, что вас интересуют вопросы культурной революции в Чили. Что ж, это чрезвычайно важный вопрос, особенно в условиях острой классовой борьбы, идущей в Чили в самых разных направлениях. Сейчас мы находимся на поворотном этапе. Мы не можем сказать, что все уже радикально изменилось. Мы делаем только первые шаги. Но революция происходит и в области культуры. Наша задача — совершенствовать культурную революцию, исходя из ленинской концепции. Это одна из самых главных наших задач. К сожалению, я не могу сказать, что мы полностью сформировали свою точку зрения по всем вопросам. Сейчас многое проясняется и вскоре должно отразиться на всей структуре нашей идеологической работы. Пролетарская коммунистическая идеология должна полностью восторжествовать. Для нас сейчас характерна острая борьба между революционной и реакционной идеологией. Идет напряженная борьба в экономике и политике как концентрированное выражение общей борьбы против империализма, который так или иначе еще существует и у нас как идеология почти во всех областях нашей жизни. Чем дальше, тем все более зримым он становится, и борьба с ним проявляется все более очевидно. В классовом выражении мы победили — власть находится в наших руках. Чилийский революционный процесс вписывается в русло, начатое русской революцией. Конечно, наша революция имеет свои особенности. Народ достиг победы — взял политическую власть. Но это только один из аппаратов власти. Враги еще контролируют законодательную и юридическую власть, имея пока большинство в парламенте. Наши враги еще действуют в экономическом аппарате государства, в печати и радио. Коротко говоря, борьба идет в рамках существовавшей и ныне еще существующей системы. Но то, что уже сделано, является глубокими социальными преобразованиями и носит определенный антиимпериалистический и антиолигархический характер. Мы установили контроль над главными богатствами нашей страны. Медь, селитра, железо, электричество находятся отныне в руках государства. Внешняя торговля, банки — тоже в наших руках. Скоро будут нашими органы связи — телефон и телеграф. Филиалы капиталистических фирм Форда, «Дженерал моторс», Дюпона национализированы. Это конец владычества капитала, длившегося около восьмидесяти лет. Таким образом, империалистическое господство закончилось. Капитализм, властвовавший в нашей стране 150 лет, также закончился. Власть аграрной олигархии, длившаяся с 1541 года, с момента завоевания страны испанцами, будет закончена в 1972 году. Это еще с той поры, когда испанские завоеватели раздавали земли своим солдатам, свято сохраняя режим колониального господства. Вы, наверно, знаете, что здесь земля после смерти ее хозяина не дробилась, а целиком попадала в руки старшего наследника. Пять лет назад президент Фрей пытался провести, как в России в прошлом веке, своеобразное освобождение рабов. Но закон, принятый при Фрее, был проведен в жизнь не более чем на одну десятую. Только Народное единство сейчас передало землю крестьянам. Текстильной промышленностью владело четыре семьи, огромные капиталы находились в их руках. Сейчас эта промышленность в руках государства. Практически произошли колоссальные качественные изменения в социальной структуре общества. Это еще не социализм, но уже начало пути к социализму.

Наша программа предполагает сосуществование трех форм производства. Первая — народная (государственная), в которую входят предприятия, имеющие стратегическое значение в области промышленности (медь, нефть, цемент и так далее), все, что недавно было собственностью частных владельцев и составляло около 70 процентов природных богатств Чили. Вторая — смешанная частно-государственная. И третья — частная, куда входят мелкая и средняя промышленность, торговля, сельское хозяйство и сфера обслуживания. Это все, чего мы достигли, хотя и с огромными трудностями. Продвижение вперед невозможно без кровавых боев. Враги не уступают нам ни сантиметра без борьбы. Они не могут примириться с тем, что народ придет к власти даже в рамках буржуазной демократии. Если начинают выполняться законы, их же законы, они выступают против законов. Весь республиканский период олигархия отдавала свои голоса за неограниченные права республики и президента, сейчас, когда президентом стал представитель народа и революционер, они возглавляют движение за сокращение прав президента, оказывают бешеное сопротивление. Идут на все — на убийства, террор, прибегают к прямым фашистским методам. В этой связи наша главная задача — завоевание большинства, расчет на поддержку всего народа, следуя учению Ленина, добиться победы революционной идеологии.— Тейтельбойм произносил эти слова спокойно, как нечто глубоко продуманное и выверенное.— Это некоторое вступление к тому вопросу, который вас интересует. Вы согласны со мной?

— Конечно.

— Революционная, пролетарская идеология должна быть во всех сферах культуры. На всех уровнях образования. В литературе и искусстве. Они также должны быть нашим оружием в воспитании нового человека. К сожалению, у нас еще нет полного единства во взглядах на культуру. Некоторые считают, что экономика и политика — это главное, а культурная революция может ожидать более спокойных времен. Но мы считаем, что без решения этих вопросов не будут решены и общие задачи. К счастью, мы имеем уже первые проблески успехов. На наш призыв откликаются рабочие, крестьяне, писатели. Особенно горячий отклик мы имеем среди молодежи. Она за народную культуру, против культуры элиты. У нас получили широкое распространение бригады имени Рамоны Парра. Она была комсомолка, одна из руководителей молодежи. В 1946 году Рамона была расстреляна на площади, напротив президентского дворца. Сейчас активно работают пропагандистские бригады ее имени. Раньше они писали только лозунги на стенах. Сейчас они обогатили формы своей работы. Без особой художественной претензии они создали целое направление настенной живописи. Сейчас действуют сотни, тысячи таких бригад. Особенно подростки. В простых комбинезонах, они работают по ночам. Многие из них стали жертвами реакции и погибли. Сейчас этой деятельностью заинтересовались художники-профессионалы. Они ушли от салонной живописи. Например, большой художник Роберто Себастьян Матте приезжает к нам из Европы на два-три месяца и помогает нам своими произведениями. Такой работой воодушевлены многие художники. Мы придаем большое значение этому искусству как искусству массовому, революционному.

На фабриках и заводах создаются театральные коллективы. Они сами пишут пьесы, используя темы, возникающие из своего опыта. Писатель Анателло Гилермо Атисс написал книгу о попытках хозяев предприятий вернуть власть. Это современная история на материале текстильной фабрики, где хозяева пытаются расколоть рабочий класс. Это

то, что происходит у нас в жизни. Книга полностью разошлась. Чтение художественной литературы — это тоже классовое понятие. Раньше романы выходили тиражом в две-три тысячи. Сейчас наше государственное издательство выпускает книги тиражом и в сорок — пятьдесят тысяч. За короткий срок продано около миллиона полезных для общества книг. Для Чили это революция. Новый революционный класс превращается в читающий класс. Конечно, эти процессы имеют свои противоречия, так как, кроме борьбы против основного врага, нам приходится вести борьбу и против «левых» экстремистов и троцкистов. Численно они незначительны, но приносят большой вред в университетах, в профсоюзах. Своеобразной акустикой для них является правая, реакционная печать, она фактически усиливает их. Эти группы пытаются расколоть революционные силы, выдавая себя за марксистов, они выступают с нападками на марксизм. Практически все они антикоммунисты, антисоветчики...

Но вернемся к искусству. Мы являемся сейчас свидетелями расцвета революционной народной песни. Это — наше богатство. Песни эти своим истоком имеют борьбу коммунистической партии за национальные корни народной культуры. Еще не так давно у нас существовала официальная буржуазная доктрина, что в Чили не было ни народной культуры, ни базы для ее возникновения. Ссылались только на индейский фольклор, но он был все же беден. Индейцы были хорошими воинами. Испанцы так и не смогли их покорить. Фактически война длилась три века. Только появившаяся артиллерия могла победить в военном отношении индейцев. До 1970 года индейцы вели борьбу против чилийских властей. Многие наши деятели были свидетелями этой борьбы. Пабло Неруда родился в военном поселении. В шестилетнем возрасте его отвезли в Тимуко, где основным населением были индейцы. Некоторые теоретики утверждали, что Чили не имело своей культуры, что все импортировалось с Запада. Еще во времена Народного фронта, в 1937 году, Чилийская компартия ставила вопрос о высвобождении народной культуры, определяя как задачу возвращение для народа богатств прошлого. У нас происходило то, что происходило с национальной культурой отдельных народов России. Снова начинали возникать народные песни и танцы. Большую роль в этом сыграли две певицы — Маргот Лайота и Виолетта Парра. Они отличаются друг от друга, но основа одна — народная. Сейчас у нас много ансамблей, следующих по этому пути. Это движение отражает смысл нового времени, к ним приобщаются политические мотивы. Ансамбль «Каляпаи» был в Советском Союзе. Это большой политический и художественный коллектив. Он исполняет советские, испанские и чилийские песни.

Кроме этого, у нас возникли коллективы, выступающие как своеобразная живая газета. Они ведут борьбу против спекуляции, саботажа. Создана песня рабочих национализированных предприятий «Нас не сдвинут». В этой песне — ответ тем, кто пытается вернуть себе навсегда утерянные заводы и фабрики. Это настоящее движение масс охватывает многие области нашей жизни и является своеобразным самовыражением народа. К сожалению, мы пока еще не можем создать такие Дворцы культуры, как в Советском Союзе, но как идея все уже существует. Это не может быть движением каких-то отдельных групп. Президент высказал мысль о создании народных университетов культуры. Они должны быть доступны для широких масс.

Конечно, вас интересуют вопросы народного образования? Я бы сейчас охарактеризовал все это одним словом — взрыв. В прошлом дети не имели возможности учиться. Средний чилиец имел два класса образования. Полностью неграмотных было около 30 процентов. При этом все же в Латинской Америке Чили считалось страной, читающей более других. По опросу 1970 года выяснилось, что 80 тысяч человек читали по одной книге в год. Можете представить, какое событие представляет рост тиражей книг! Миллион книг в год! Тиражи за год увеличились в десять раз.

Наш народ имеет право не только на двух-трехлетнее образование, но и на то, чтобы все имели возможность получить среднее образование. Нельзя создавать положение бутылки, когда все стремятся в университет. Мы должны пользоваться опытом постановки народного образования в СССР, прививая учащимся навыки труда. Мы ставим себе задачу создать школу-восьмилетку. Пока этого практически нет. И все же необходимо создать такое положение, когда каждый ребенок готовит себя к той или иной области труда, получая еще в детском возрасте соответствующие знания. Раньше у нас было в науке почти только гуманитарное направление. Точным наукам не придавалось значения. Мы знаем ваш опыт рабфаков. Он привлекает наше внимание так же, как и опыт кубинцев, которые дали возможность взрослым рабочим, не бросая работу, завершать свое образование.

Наша задача — изменить состав учащихся в университетах, которые раньше всегда принадлежали к так называемой элите. В университетах было не больше одного-двух процентов выходцев из рабочих. Сейчас мы меняем все коренным образом, одновременно связывая высшие учебные заведения с заводами, фабриками и шахтами. Мы создаем по всей территории страны филиалы учебных заведений, направляя в них рабочих с производства, чтобы они глубже изучали вопросы, связанные с производством меди. То же самое и с текстильной промышленностью. У нас есть университеты, где еще немало реакционных элементов, использующих закон об автономии университетов. Короче говоря, мы ставим своей основной задачей покончить с таким высшим образованием, которое было бы привилегией определенного класса.— Тейтельбойм, словно подытоживая все сказанное, сделал широкий жест рукой и откинулся на спинку кресла.— Пожалуйста, если у вас еще есть вопросы...

— Какова роль Пабло Неруды в культурном развитии страны?

— На такой вопрос приятно отвечать,— сказал Тейтельбойм.— Пабло Неруда — самый большой писатель в испанской современной литературе. Я бы сказал, исключительный случай в поэзии. Сейчас, естественно, мы начинаем изучать все периоды его жизни, включая и тот, когда он еще не начал издавать свои книги. Я был свидетелем многих открытий в этой области. Как-то я был у него дома в Сан-Антонио. Было воскресенье. Мы пообедали, как и всегда у Неруды, с вечным присутствием радости. Обычно после обеда Пабло любит поспать. Я остался в холле. Лаура, его сестра, которая очень любит Пабло, но считает, что его брат Рудольф приносит людям больше пользы, поскольку она не очень верит в реальное действие слов, достала какую-то тетрадь. Я заинтересовался. Что в этой тетради? Они оказались школьными тетрадями Пабло, когда он учился в 4-м и 5-м классах. Ему было тогда 12—13 лет. В этой тетради были стихи Неруды, а на обратной стороне — задачи, которые решал ее брат. Я начал читать.— Тейтельбойм поднялся, видимо, волнуясь.— В стихах уже был эмбрион поэта. Он уже тогда становился социальным поэтом. Отец у Неруды был зубной врач, далекий от политики. Больше того, отец смотрел скептически на поэтические опыты сына. Но в тетрадях уже были стихи в защиту рабочих, против власти денег, стихи защищали интересы повстанцев, сражающихся за свою свободу. Там же находились стихи, посвященные матери Пабло, которую он не знал, так как она умерла от туберкулеза, когда ему было четыре месяца. Эти стихи не опубликованы. Таким образом — и это не искусственный вывод,— чувство социального протеста было у него в самом начале поэтического пути.

В 1921 году, семнадцатилетним, он уже был самый большой поэт Чили и получил за свои стихи студенческую премию. На Неруду оказали огромное влияние русская революция и русская революционная литература. Многие псевдонимы, которыми он тогда пользовался, имели русское происхождение. В ту пору он написал много статей, комментарии к которым черпал из русских книг. Он испытывал на себе влияние крупнейших русских писателей — Толстого, Достоевского, Чехова, Андреева. В ту пору он написал единственное свое прозаическое произведение — повесть «Житель и его надежды», в которой чувствовалось влияние Леонида Андреева и его «Океана». Неруда испытал на себе и влияние анархистов, но он шагал по большой траектории, все мелкое отпадало от него. Одна из главных тем Неруды — любовь. Одна из первых книг его стихов носила весьма примечательное название: «Двадцать поэм о любви и одна песнь отчаяния». В ней есть налет пессимизма, но это соответствовало положению Чили. Можно спросить: почему пессимизм? Отхлынула революционная волна.

В те годы Неруда уезжает в Индию и Джакарту, работает там консулом. Это были годы тоски и надежд. Неруда никогда не давал себя увлечь мистицизмом. Он своими глазами видел колониализм, нищету, голод. На короткий срок он возвращается в Чили и снова уезжает консулом в Испанию. Вы знаете, что Испания имеет большие корни в чилийской литературе? Находясь там, он защищает Мигеля Эрнандеса... Он всегда имел какой-то особый стимул помогать молодежи. Уже тогда он был коммунистом без партбилета. Вернувшись из Испании, он создает «Союз интеллектуалов Чили». Требует, чтобы поэты жили не на Луне, а на Земле.

Формально он вступил в коммунистическую партию в 1943 году. Неруда сыграл огромную роль в вопросе отношения компартии к людям интеллектуального труда. Я это чувствовал на себе. Когда я вступал в комсомол, занятие художественным творчеством считалось политическим преступлением. Конечно, это было отражением мелкобуржуазных влияний, сектантством. Люди бросали писать и занимались в лучшем случае журналистикой.

Вступив в коммунистическую партию, Неруда многих привел за собой. До сих пор он пользуется наибольшим авторитетом среди интеллигенции. Но не только это. Он добился того, что восторжествовала идея, по которой творчество коммуниста является его боевой деятельностью. Писатель, художник, композитор не только не избегает революционной работы, но считает особой честью выполнение этой работы. Неруда поэзию принес народу. Он сам выступал и как чтец. Я помню, как он читал свои стихи перед крестьянами. Основная тема творчества Неруды — социальная, революционная. Его творчество — это одиссея рабочего класса не только Чили, но и всей Латинской Америки. Конечно, Неруде следовало раньше присудить Нобелевскую премию, но Нобелевская премия ничего не прибавила ему.

Неруда всем своим творчеством показывал, что писательский талант не противоречит революционному духу. Теперь некоторые буржуазные критики пытаются разделить поэта и политика Неруду. Но это напрасный труд. Известно, что Неруда был избран сенатором. Свою избирательную кампанию он проводил при помощи своих стихов. На улице Неруда после президента наиболее известный человек. Неруда вечен. Это самая яркая личность в литературе Латинской Америки...

Тейтельбойм остановился, придвинул кресло и присел.

— Сейчас он является послом Чили во Франции. Он тяжело болел. Недавно ему сделали операцию. Неделю назад я говорил с ним по телефону. Я думал, что подойдет его жена, Матильда, но трубку взял сам Пабло и сказал, что занят заботами, как отметить свой день рождения... Сейчас правительством решено сделать из дома Неруды, что расположен на берегу Тихого океана, национальный и интернациональный музей. Этот дом Неруда подарил Коммунистической партии Чили. Дом этот — Мекка для художественной интеллигенции, туда приезжают из многих стран. Фантазия Неруды безбрежна. Он хотел построить дом и парк с им самим придуманным названием — Канталао. Чтобы там художники и писатели могли работать. Для вас это не новость, у вас такие дома творчества есть. Но правительство решило само приложить усилия... Однажды из Бразилии, когда там еще не было«горилл»,к Неруде приезжала вместе с культ-атташе представительница отдела культуры. Они изрядно выпили виски, где-то побывали и улетели, так и не посетив Неруды. Через три недели мы получили вырезки из бразильских газет, в которых сообщалось, как они добирались на корабле на остров к Неруде среди бушующих волн океана...

Тейтельбойм улыбался...

Мы вышли на вечернюю улицу Сантьяго, окунувшись в разноголосый шум этого города, который так любит Пабло Неруда.

СРАЖАЮЩИЙСЯ ДОФАР

Олег БОГУШЕВИЧ

«Если и существует армия, живущая в народе как рыба в воде, то это, несомненно, партизаны Дофара»,— к такому выводу пришла известная путешественница и врач Клоди Файен[1], побывавшая недавно в освобожденных районах Западного Омана. В труднодоступных горных пещерах, в хижинах горцев, среди племен, кочующих между прибрежными городами и селениями и горными пастбищами, она встретила мужественных и свободолюбивых людей. Ни днем ни ночью не расставаясь с оружием, они участвуют в смелых рейдах против опорных пунктов «султанской» наемной армии, отражают налеты английских «страйков» и одновременно восстанавливают разрушения после бомбардировок, работают в поле, строят школы и медицинские пункты, воспитывают и учат детей, сами учатся — читают Маркса и Ленина. В настоящее время почти вся территория Дофара (около 70 тысяч квадратных километров с населением около 250 тысяч человек), являющегося западной провинцией государства Оман, контролируется органами народной власти, созданной на освобожденных территориях Народным фронтом освобождения Омана и Персидского залива (НФООПЗ).

Около двух десятилетий оманский народ ведет неравную борьбу против английского колониального господства. Не всегда эта борьба была успешной. В прошлом силы патриотов были распылены, изолированы от общеарабского освободительного движения. Колонизаторам удавалось сравнительно легко подавлять разрозненные выступления оманцев. И только в 1965 году положение изменилось к лучшему. Во главе антиимпериалистической борьбы стал Фронт освобождения Дофара. 9 июня 1965 года в горной части Омана — Дофаре — фронт возглавил вооруженное восстание народа, положившее начало новому этапу оманской освободительной революции. Провозглашенные фронтом политические цели борьбы были поддержаны трудящимися. Впервые для оманцев антиколониальные лозунги слились воедино с призывами к борьбе против местной феодальной и племенной знати, против эмиров и султанов, разбазаривавших нефть и другие природные богатства страны, служивших верной опорой чужеземному господству и грабительским нефтяным монополиям.

За годы освободительной войны в Дофаре заметно выросло самосознание народа, его политическая активность. В сформированные подразделения народной армии и народной милиции вступили сотни бойцов — мужчин и женщин. Успешные боевые действия патриотов против английских колонизаторов и их пособников, особенно после победы освободительной революции в соседнем демократическом Йемене, способствовали росту влияния и авторитета фронта, сплочению вокруг него всех здоровых национальных сил. В конце 1971 года в результате объединения революционных организаций Омана был создан новый фронт — НФООПЗ. В политическом заявлении этой организации говорится: «Перед лицом единого фронта империализма и реакции все патриотические силы нашей страны должны выступить в едином строю, чтобы защитить родную землю, освободить ее от колониализма и неоколониализма... Объединенному фронту империализма и реакции революционные силы должны противопоставить сплоченный патриотический фронт».

Программа НФООПЗ предлагает народу нелегкий, но реальный путь ликвидации чужеземного господства, уничтожения всех форм феодализма, рабства и средневекового мракобесия. Она призывает к строительству независимой экономики, свободной от влияния монополий, к развитию национальной культуры и образования, к созданию современного демократического и народного государства на юге Аравии.

Местные комитеты НФООПЗ являются зародышами новой власти в освобожденных районах. Они проводят в жизнь решения фронта в области аграрных преобразований, организуют помощь крестьянам в обработке земли и сборе урожая, обеспечивают работу школьных и детских учреждений, активно содействуют распространению грамотности среди взрослых, помогают строить общественные здания, пункты медицинской помощи и т. д. Комитеты НФООПЗ заботятся о широком привлечении дофарских женщин к участию в революции, о строгом соблюдении нового закона о браке и разводе, раскрепостившего женщин.

Административные и судебные функции, которые выполняют комитеты НФООПЗ, подчинены, естественно, главной задаче — мобилизации всех сил и ресурсов народа на нужды армии, для обеспечения победы в национально-освободительной войне. Комитеты фронта собирают налоги с населения, создают необходимые запасы продовольствия, следят за снабжением подразделений народной армии, за пополнением ее рядов новыми бойцами.

Народная армия, в свою очередь, не остается в долгу у населения. Когда позволяют условия, ее бойцы активно участвуют в хозяйственной деятельности, в борьбе с неграмотностью, ведут воспитательную и разъяснительную работу. Бойцы помогают крестьянам в повседневных делах, помогают им организовываться в группы солидарности, объясняя преимущества коллективного труда.

Тесная связь армии и народа в Дофаре позволяет НФООПЗ восьмой год успешно руководить вооруженной борьбой против лучше вооруженной и оснащенной наемной армии, руководимой английскими офицерами. Бойцы народной армии наносят удары не только по карательным экспедициям, которые султан снаряжает против собственного народа, но и против опорных баз султанской армии, против административного центра Дофара — города Салалы. Как сообщает коммюнике военного командования фронта, в результате успешных боевых действий партизан осаждена крепость Мирбат в восточном районе Дофара; дофарские патриоты атаковали английский военный аэродром близ Салалы, разрушили и подожгли аэродромные постройки, уничтожили несколько самолетов; среди английских офицеров и наемников много убитых и раненых. Недавно артиллерия народной армии подвергла обстрелу позиции наемников и военную базу Сарфаит в западном районе Дофара. Были разрушены сооружения базы, уничтожен один самолет; среди султанских наемников имеются убитые и раненые.

Успехи национально-освободительной борьбы патриотов Дофара, присоединение к НФООПЗ новых отрядов борцов за независимость и свободу всего Омана вынудили английских колонизаторов прибегнуть к маневрам. Осуществленный под их контролем в 1970 году дворцовый переворот в Салале, приведший к замене престарелого и выжившего из ума султана Саида его сыном Кабусом, должен был подновить фасад оманского государства, представить миру средневековую деспотию чуть ли не «обновленной демократией».

Однако очень скоро стало ясно, что новый султан является таким же пленником и рабом английских оккупантов и нефтяных монополий, как и прежний. Единственным «новшеством» султана было дальнейшее расширение «грязной войны» в Дофаре. Султан Кабус заявил, что «коль скоро повстанцы действуют среди населения как рыба в воде, то нужно осушить почву, чтобы можно было легко поймать рыбу».

Многолетнюю освободительную борьбу в Дофаре он объявил «коммунистическим заговором» и на борьбу против дофарских патриотов созывает самые темные и реакционные силы в арабском мире. На доходы от нефти покупается американское и английское оружие; армию наемников обучают и тренируют теперь не только английские офицеры, но и саудовские, иорданские и другие.

Несмотря на усиливающееся давление империализма и происки местной арабской реакции, борцы за свободу Дофара укрепляют свои ряды, продолжают наносить ощутимые удары по английскому колониализму и его пособникам. Патриоты Дофара сегодня находятся на переднем рубеже арабского национально-освободительного движения. Их борьба за свободу неразрывно связана с борьбой арабских народов против империализма и сионизма, за ликвидацию последствий израильской агрессии 1967 года, за удовлетворение законных чаяний палестинских арабов. Их борьба неотделима от растущего сопротивления империализму и неоколониализму в арабских государствах на побережье Персидского залива.

На стороне сражающегося Дофара симпатии и поддержка не только прогрессивных сил арабских народов, но и народов социалистических стран. Советская общественность знает о героической борьбе дофарских патриотов. По приглашению Советского комитета солидарности стран Азии и Африки нашу страну посещали представители НФООПЗ. Сражающимся патриотам Дофара Советский Союз оказывает поддержку в их справедливой борьбе за свободу и национальную независимость.

[1] Советский читатель знаком с нею по ее книге, переведенной на русский язык. См. К. Файен «Французский врач в Йемене», М., 1959.

Командир отряда.

Арабской вязью выведено: «Школа имени Ленина, основана 1 апреля 1970 года».

Переход через пустыню кавалерии...

До привала далеко...

Между боями.

Фото Алексея ВАСИЛЬЕВА.

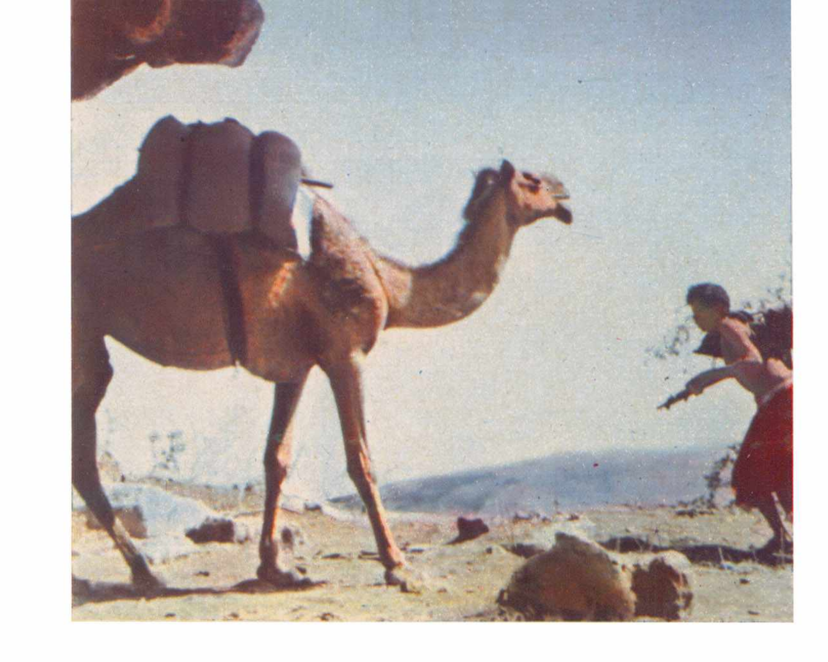
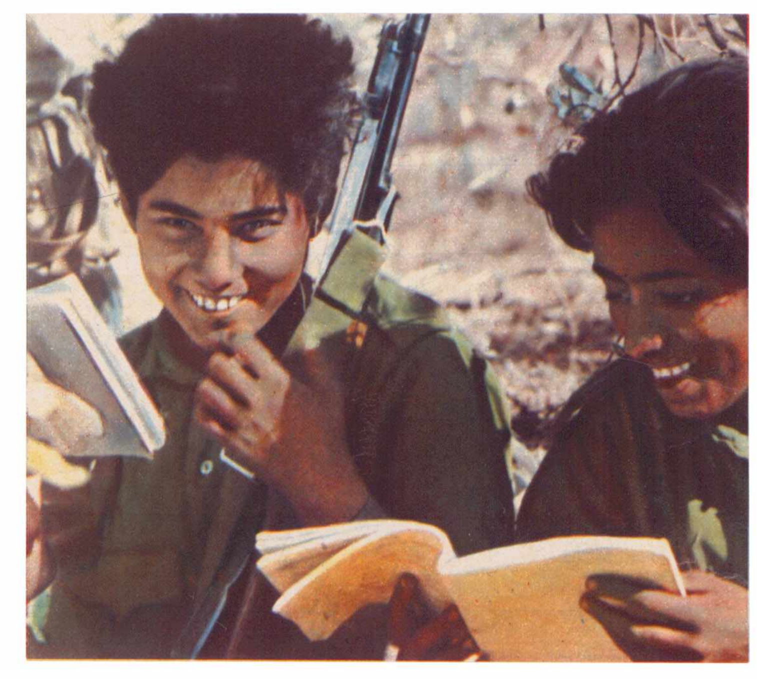

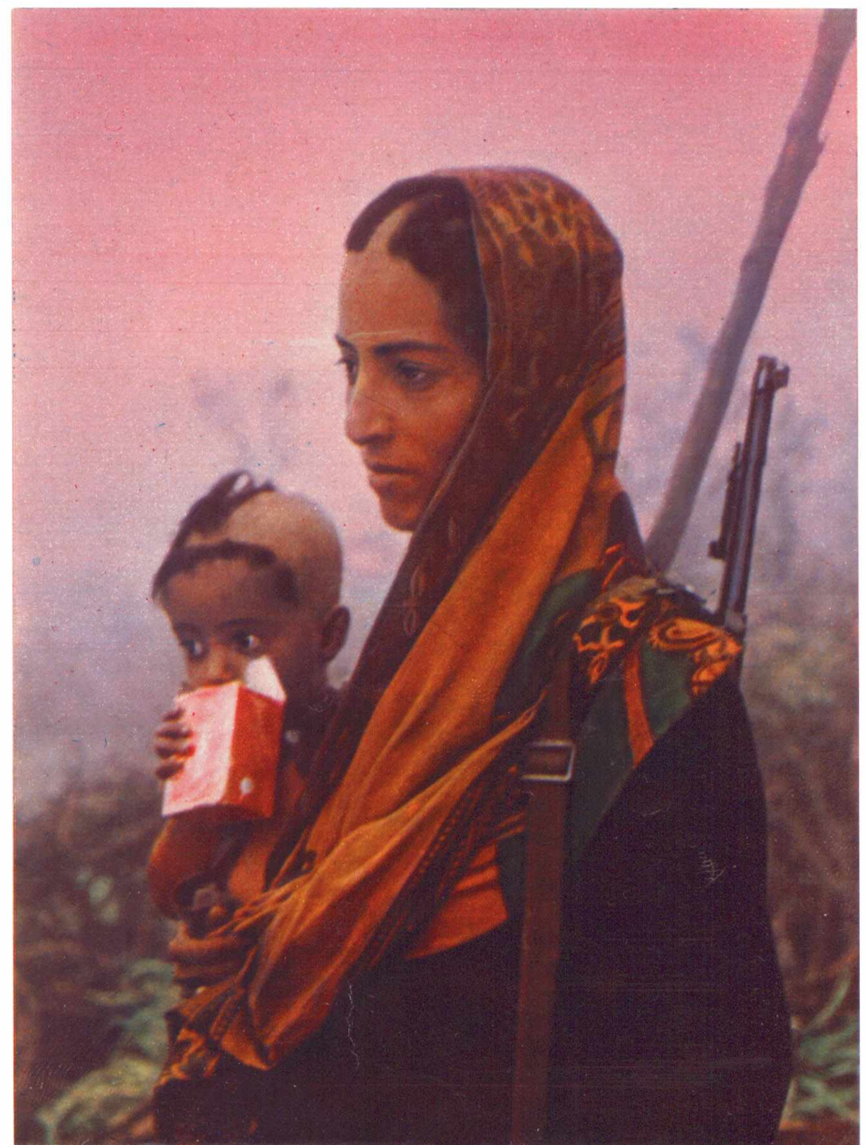
مدرسة لينين
تأسست في ١٩٧٠/٤/١
الجبهة الشعبية لتحرير الخليج العربي
المحتل

Ричард ДЖЭССЕП

ПОВЕСТЬ

Рисунки Е. ШУКАЕВА

ТЕМНОЕ ДЕЛО В ГЭЙТВЕЕ

Ричард Джэссеп — современный американский писатель, автор романов «Суббота в Шайенне», «Юные не плачут», «Месть команчей», «Техасский изгнанник» и многих рассказов.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В воздухе плыл сильный аромат цветущей жимолости. Долгие сумерки наконец-то перешли в густую темноту, и в городе Гэйтвее в штате Джорджия наступил воскресный августовский вечер. Из церкви доносились протяжные звуки органа, и, словно вторя ему, из тюрьмы на Мэретта-стрит долетало заунывное пение томящихся за решеткой негров.

В дежурной комнате инспектор уголовной полиции лейтенант Честер Вирлок и сержант Адамс играли в карты. Вирлок стоял, облокотившись на барьер, сержант сидел за столом. В помещении слышался только шелест карт да размеренное тиканье настенных часов. В огромные, от пола до потолка, окна веяло свежестью из соседнего парка.

Вирлок, невысокий, коренастый человек лет сорока пяти, с короткими волосами серо-стального цвета и добродушным лицом, перетасовывал карты.

— Терпеть не могу дежурств с воскресенья на понедельник,— пожаловался Адамс.— Завтра целый день придется возиться со всякими пьяницами, скандалистами, любителями поножовщины, направлять в суд, назначать конвоиров. Да и начальство, как всегда после уикэнда, явится в кислом настроении, будет ко всему придираться...

Часы на стене пробили девять, и оба полицейских механически сверили с ними свои наручные часы.

— Нашли вы наконец того типа, что стрелял на Аскот-стрит? — спросил Адамс.

— Черта с два.

— Но пистолет-то его у вас?

— Ну и что?

— Хочу заполучить, давно мечтаю о парабеллуме.

Вирлок пожал плечами.

— Он же приобщен к делу как вещественное доказательство.

— Знаю. Но когда-нибудь же дело будет прекращено, правда? Вы скажете мне заранее, а уж я постараюсь уговорить секретаря суда, чтобы пистолет не продавался с торгов,— я сам его куплю.

— Но я еще не прекратил дело и пока не собираюсь. Преступник наверняка снова появится у нас.

— Вы так думаете? У вас есть какие-нибудь основания?

— Никаких. Просто я уверен.

Зазвонил телефон, и сержант поднял трубку.

— Дежурный сержант Адамс у телефона.

Послушав несколько секунд, Адамс принялся что-то торопливо записывать, время от времени поглядывая на Вирлока, который невозмутимо рассматривал свои карты.

— Да, да, я все понял.— Адамс положил трубку на рычаг и пододвинул клочок бумаги инспектору.

— Убийство на Бэккер-авеню.

Вирлок бросил карты и схватил бумагу.

— Кто убит?

— Жена К. Т. Макдаффа. Выстрелом из пистолета.

Вирлок давно отвык удивляться чему бы то ни было, но на этот раз не мог скрыть изумления. К. Т. Макдафф был самым богатым человеком в Гэйтвее и полновластным политическим боссом города.

— Ну и ну! — воскликнул он и, не поворачиваясь, позвал: — Хиллори!

Где-то в глубине помещения хлопнула дверь, и послышались приближающиеся шаги.

— Преступник задержан,— продолжал Адамс. — На место происшествия уже прибыли Оззи и Авэ. Они ждут вас.

Дверь приоткрылась.

— Вы звали меня, мистер Вирлок?

— Да, да, Хиллори. Серьезное происшествие. Убита жена Макдаффа.

Хиллори Смит присвистнул.

— Убийца задержан на месте преступления,— добавил Адамс.

— Поехали, Хиллори,— распорядился Вирлок, засовывая бумажку с адресом в карман. Он направился к двери, но, сделав несколько шагов, остановился и повернулся к Адамсу.

— Пожалуй, вам следует доложить о происшествии шефу и начальнику отдела уголовного розыска Эллендеру,— проговорил он.— И вот еще что: накажите репортерам ничего не давать в газеты, если они уже что-нибудь пронюхали.

— Мистер Эллендер в церкви,— нерешительно заметил Адамс.— По-вашему, надо информировать его немедленно?

— Разумеется.

— Фила и Джимми вызывать? — спросил у инспектора Смит.

— Это вы сделаете сейчас же,— снова повернулся Вирлок к Адамсу.— Пусть Фил сфотографирует все, что нужно, а Джимми проверит весь дом на отпечатки пальцев.

— Зачем? — удивился Адамс, провожая Вирлока до двери.— Ведь преступник задержан.

— А если задержан не тот, кто нужен?

— Будем надеяться, что именно тот.— В голосе Адамса прозвучала озабоченность.— С Макдаффом шутки плохи. Смерть жены, надо полагать, потрясла его, и он ни перед чем не остановится, чтобы найти преступника. Представляете, какой тарарам он поднимет, если выяснится, что убийца вовсе не убийца.

Вирлок понимающе кивнул. Он, конечно, представлял, насколько опасен гнев главного горожанина Гэйтвея, какими неприятностями может обернуться для всех них. Спокойный и уравновешенный Вирлок не испытывал ни малейшего желания сталкиваться с Кайлем Теодором Макдаффом, обладающим огромным влиянием и властью не только в городе, но и во всем штате Джорджия. Инспектор невольно задавался вопросом, что будет, если допущена ошибка и задержан вовсе не убийца, но старался не думать об этом, понимая, что подобные размышления могут только помешать расследованию.

Бэккер-авеню состояла из пятнадцати кварталов роскошных домов, принадлежавших самым зажиточным горожанам Гэйтвея, и прекрасных вилл, владельцы которых, богатые жители других городов штата, приезжали сюда на лето, привлеченные близостью прекрасных пляжей и мягкими, ласкающими бризами Атлантического океана. Жизнь тут стоила бешеных денег, но это не смущало обитателей Бэккер-авеню: оживленная торговля через морской порт Гэйтвея, фабрики и заводы, выраставшие как грибы по обоим берегам мутной реки Уотчучи, огромные поместья, наконец, капиталы, полученные по наследству, приносили им солидные доходы, позволяли удовлетворять любую прихоть.

Кварталы с тремя особняками встречались редко, чаще всю площадь занимали две усадьбы — или с обширным садом, уступами сбегающим книзу, или с просторными зелеными лужайками в окружении великанов-дубов, чьи густые ветви сплетались над улицей, погружая ее в прохладную тень. Почти у каждого особняка свой архитектурный стиль и каждый стоил его владельцу не меньше пятидесяти тысяч долларов, как, впрочем, и виллы типа ранчо, тоже расположенные уступами, на пяти различных уровнях, и призванные демонстрировать новую моду дачной жизни. Перед каждым владением постоянно стояло по нескольку машин самых дорогих марок.

Большинство строений в остальных районах города выглядело если и не убого, то, во всяком случае, ничем не бросалось в глаза. Вот почему так поражались прохожие, внезапно оказавшись среди роскошных особняков и вилл Бэккер-авеню. По ее тенистым кварталам с интересом проезжали туристы, направляясь по шоссе № 99 к одному из великолепных морских пляжей.

Дом К. Т. Макдаффа был построен как загородная вилла. Широкие французские окна из зеркального стекла, внутренние дворики, площадки для приема солнечных ванн свидетельствовали о стремлении архитектора создать у обитателей дома иллюзию уединенной жизни на открытом воздухе, но вместе с тем они могли пользоваться всеми современными удобствами и комфортом.

В тот вечер обычный покой Бэккер-авеню был нарушен воем сирен полицейских машин.

Кайль Теодор Макдафф, худой человек лет шестидесяти, с редеющими седыми волосами, неподвижно сидел в глубоком кресле с большим бокалом виски в руке. В огромной гостиной собралось не менее дюжины полицейских. Опасливо поглядывая на Макдаффа, они переминались с ноги на ногу и тихонько переговаривались. У подъезда особняка другие полицейские тщетно пытались рассеять растущую толпу любопытных. Несколько соседей Макдаффа, близкие его знакомые, один за другим выходили из спальни, где лежала убитая, обращались к старику со словами утешения и убегали, торопясь поделиться впечатлениями со своими домочадцами. Макдафф никому не отвечал, он словно оцепенел, лишь однажды сделал большой глоток виски и снова уставился в пол.

Тот, кого подозревали в убийстве, совсем еще молодой человек, сидел в кухне, крепко привязанный к стулу, в наручниках на сведенных за спиной руках. Перед ним стоял полицейский Оззи, а позади Авэ — оба с направленными на юношу пистолетами.

— Не валяй дурака, признавайся сразу,— зло и, видимо, уже в который раз потребовал Оззи.

— Мне не в чем признаваться,— устало ответил юноша. Тонкий свитер с выпущенным из-под него аккуратным белым воротничком подчеркивал его молодость. Рядом с ним лежал пиджак спортивного покроя и туристская кепка с длинным козырьком.

Оззи поставил ногу на стул и наклонился к арестованному.

— Ты увидел ее в окно,— не допускающим возражения тоном заявил он,— пробрался в дом и пытался заигрывать с ней. Она, конечно, отвергла твои ухаживания и пригрозила револьвером, но ты сумел отобрать у нее оружие и застрелил ее.

— Нет, нет, нет! — в отчаянии крикнул юноша.— Клянусь, я не виноват!

Оззи помахал пистолетом у него под носом.

— Хватит юлить! Признавайся!

— Зря вы так наваливаетесь на него, Оззи,— поморщился Авэ.— Вы же знаете, Вирлок не любит, когда задержанных допрашивают раньше него.

— Если бы только мне удалось заставить этого сопляка признаться! — грубо ответил Оззи.

— Да, да, вы совершенно правы! — послышался голос К. Т. Макдаффа. Он стоял на пороге, не спуская с юноши тяжелого взгляда.— Заставьте его признаться, слышите? Заставь-

Тренировочный лагерь. Подъем флага Народного фронта.

Встреча в пути.

На привале время зря не теряется.

Пастухи спустились с гор к партизанам.

Минометчик.

Партизанская Мадонна.

те! Если вы сделаете это, я обещаю вам обоим повышение по службе.

Авэ вложил пистолет в кобуру.

— Оззи, это мне не по душе,— заявил он.— Извините, мистер Макдафф, но у нас есть инструкция и...

— Плевать мне на ваши инструкции!— в бешенстве заорал Макдафф.— Этот бандит убил мою жену, а вы лепечете о каких-то инструкциях!

— Мы всего лишь патрульные полицейские, мистер Макдафф,— запинаясь, ответил Авэ.— Наша обязанность задержать подозреваемого до приезда сотрудников уголовной полиции. Допрашивать его мы не имеем права. Вот если этот парень захочет сделать какое-нибудь заявление, тогда мы обязаны его выслушать, а потом выступить в качестве свидетелей. Я правильно говорю, Оззи?

Макдафф подскочил к задержанному и ударил его по лицу. Он уже занес руку для второго удара, но Авэ оттащил его и попросил выйти из кухни.

— Заставьте его сознаться!— успел крикнуть Макдафф.— Мне нужно его полное признание!

Удар оказался настолько сильным, что юноша едва не опрокинулся вместе со стулом,— Оззи удержал его и тут же принялся бить арестованного по лицу.

— И все-таки ты заговоришь! И все-таки ты заговоришь! — приговаривал он после каждого удара.— И все-таки ты сейчас же во всем признаешься!

— Я ничего не сделал!— тщетно пытаясь уклониться от рук полицейского, воскликнул юноша.— Клянусь богом, я ни в чем не виноват!

— Бог тебе не поможет. Тебе никто не поможет. Ты сейчас же все расскажешь. Советую сделать это до того, как за тебя возьмется Честер Вирлок.

В продолжение всей этой сцены Авэ стоял на пороге и нерешительно посматривал то на беснующегося Оззи, то на Макдаффа, возбужденно шагавшего из угла в угол в соседней комнате. «А ведь повышение по службе вовсе мне не помешает,— размышлял Авэ.— К черту сантименты! Если и переборщим — Макдафф не даст в обиду... Кто мог кокнуть его жену, как не этот парень? И если мы сумеем выколотить из него признание до приезда Вирлока, Макдафф обеспечит нам получение следующего чина...»

— Эй, Оззи!— окликнул он коллегу.— Я, кажется, придумал, как развязать ему язык.

Честер Вирлок сидел, ссутулившись, рядом со своим помощником Хиллори Смитом, безотчетно наблюдая, как легко и уверенно ведет тот машину.

— Расскажите мне все, что вам известно о Макдаффе,— попросил он.— Возможно, вы знаете нечто такое, чего не знаю я.

— Сомневаюсь. А впрочем, пожалуйста. Начну с того, что Макдафф считает себя непогрешимым, как жена Цезаря, и с успехом требует, чтобы так считали все остальные.

— Конкретнее. Мне нужны детали.

— Макдафф, пожалуй, наиболее влиятельная персона не только в нашем городе, но и во всем штате. Он богаче всех, кого я знаю. Частенько принимает участие во всякого рода темных делишках и...

— Факты?

— Надо учитывать нравы, царящие в нашей стране. Слишком часто такие вот политические интриганы и богачи, как Макдафф, на поверку оказываются соучастниками всяких темных афер.

— Вы продолжаете говорить в общем и целом,— мягко упрекнул Вирлок.

— Макдафф — азартный картежник и время от времени проигрывает крупные суммы. Много пьет, большой юбочник, сорит деньгами... Что еще? Принимал самое непосредственное участие в крупных мошенничествах, которые впоследствии кому-то удавалось замять... Но это вы и сами знаете.

— Хиллори, Хиллори!— рассмеялся Вирлок.— Но только в одном нашем Гэйтвее я могу назвать человек сто, о которых можно почти слово в слово сказать то же самое!

— Макдафф тщеславен,— добавил Смит.

— Откуда вы взяли?

— Он тщательно следит за своей внешностью, ежедневно не меньше часа проводит в парикмахерской, покупает костюмы только в самых дорогих магазинах Нью-Йорка. Женился на девушке вдвое моложе его. Она шикарно одевалась и выглядела, как кинозвезда, что вовсе не мешало ей частенько появляться в общественных местах совершенно пьяной. Макдафф предоставлял свою хорошенькую жену самой себе и гонялся за каждой юбкой. Видимо, жена была для него красивым манекеном, не больше.

— Все это довольно общо.

— Могу еще кое-что добавить.

— Ну?

— Несмотря на все это, он ее страшно ревнует... Я хочу сказать — ревновал.

— Вы не исключаете, что он сам мог ее застрелить?

— Мог. Как и любой из тех, кто, по-вашему, попадает под мою характеристику.

— Но ведь Адамс сообщил, что убийца задержан на месте преступления, не так ли?

— Тогда зачем же вам сведения о Макдаффе?

— Освежаю в памяти свои впечатления о самом респектабельном и влиятельном гражданине города.

— Вот мы и приехали,— заметил Смит, когда они, с трудом пробравшись по заполненной зеваками и машинами улице, остановились у ворот усадьбы Макдаффа. Дежуривший у ворот полицейский поздоровался и доложил:

— Убитая в спальне, а задержанный на кухне.

Вирлок кивнул и по мощеной дорожке, через усыпанный цветами сад направился к дому. У входа с важным видом прохаживался еще один полицейский. Увидев инспектора, он распахнул дверь.

Вирлок вошел в дом и осмотрелся. У двери в спальню, расположенную чуть выше вестибюля, на ступеньках стоял третий полицейский.

— Прошу сюда, мистер Вирлок,— сказал он, отдавая честь.

Вирлок вошел в спальню.

— Смит, попросите всех посторонних сейчас же освободить комнату,— распорядился он и повернулся к Мандаффу, который как раз показался из ванной, где, очевидно, умывался и причесывался. В руке он держал наполненный до краев бокал с виски; веки у него покраснели — не то от вина, не то от слез.

— Кто вы, собственно, такой? — сухо спросил Мандафф.

— Честер Вирлок из уголовной полиции. А это мой помощник Хилл Смит.

Мандафф даже не взглянул на Смита.

— Убийца в кухне, его допрашивают двое полицейских. Идите сюда.— Он жестом приказал Вирлоку и Смиту следовать за ним.— Не тяните канитель,— говорил он на ходу,— кончайте дело побыстрее. Клянусь всеми святыми, чем скорее этот бандит окажется на электрическом стуле, тем лучше для вас, слышите?

— Слышим, сэр.

Войдя в кухню, Вирлок и Смит сразу поняли, какую дикую расправу учинили над задержанным Оззи и Авэ. Лицо юноши покрывали багровые синяки, кровь из разбитого носа и губ заливала воротничок белой рубашки и свитер. Макдафф устремился к задержанному и принялся осыпать его грубыми ругательствами.

— Ну-ка, вы оба! — сквозь стиснутые зубы обратился Вирлок к Оззи и Авэ.— Немедленно убирайтесь отсюда!

Оззи нагло ухмыльнулся.

— Пожалуйста, инспектор... Мистер Макдафф, мы сделали все, что могли, но этот тип так и не сознался.

— Я хочу остаться с задержанным наедине, мистер Макдафф,— твердо сказал Вирлок.— Будет лучше, если вы тоже уйдете.

— Я ухожу, но помните: мне нужно полное признание,— зло ответил Макдафф.— Я требую отправить этого типа на электрический стул.

— Снимите с него наручники,— приказал инспектор Смиту.— Станьте у двери и никого не пускайте.

Вирлок закурил, положил сигареты и спички перед задержанным и уселся на стул.

— Ваша фамилия?

В тот же самый воскресный вечер, в половине одиннадцатого, миссис Джейн Морган — невысокая, полная женщина лет пятидесяти — поднялась, запыхавшись, в свою квартиру на третьем этаже одного из домов неподалеку от Хай-стрит, переоделась и, выпив чашку чая, закурила, что случалось с ней редко. Потом она вышла на балкон, уселась в качалку и закрыла глаза. В ее памяти вновь всплыло все то, что видела сегодня вечером. Всплыло так живо, что женщина вздрогнула.

Муж миссис Морган покинул сей мир лет восемь назад. С полгода она носила траур и грустила, но наконец взяла себя в руки и устроилась секретаршей в приемную зубного врача. Воскресенье она обычно проводила в кругу близких друзей, а перед вечерней воскресной службой в церкви позволяла себе пообедать в одном из центральных ресторанов города. Однажды она услышала, как одна из приятельниц утверждала, что теперь уже ничто, абсолютно ничто не может нарушить новый порядок ее жизни. Джейн Морган часто и с удовлетворением вспоминала эти слова, ибо этот «новый порядок» нравился ей, укреплял чувство уверенности в себе и создавал иллюзию некоторого благополучия, хотя, честно говоря, бывали дни, когда она остро переживала свое одиночество.

И вот теперь то, что ей довелось увидеть на Бэккер-авеню, несло в себе реальную угрозу ее тихому, мирному существованию. Как и обычно, уже много лет подряд, миссис Морган не спеша возвращалась из церкви по Бэккер-авеню и, тоже как обычно, внимательно разглядывала особняки и виллы, пытаясь представить, какая жизнь течет там, за этими стенами и окнами. И сегодня, оказавшись свидетельницей ужасной сцены, она не могла ни на минуту забыть о ней и с трудом сдерживалась, чтобы не впасть в истерику.

Никто не назвал бы Джейн Морган глупой женщиной. Она дорожила установившимся размеренным образом своей жизни, но понимала, как легко превратности судьбы могут его нарушить. Вот, например, лет пять назад за ней начал ухаживать некто Том Келли. Неплохой вроде бы человек, зубной техник по специальности, он даже нравился ей. И все же она решительно отклонила его ухаживания, поскольку он представлял некую неизвестную величину, в подлинном значении которой она не была уверена и не знала, согласится ли он на такую вот уединенную и спокойную, как вода в заводи, жизнь.

Сидя в качалке и вспоминая этот эпизод, миссис Морган подумала, что сегодняшнее происшествие на Бэккер-авеню таит куда более грозную опасность для ее покоя и благополучия, нежели какой-то зубной техник с его предложением руки и сердца. Замирая от волнения, миссис Морган представила себе, как полиция загонит ее в угол и разрушит все то, что она с таким трудом создала за последние годы.

Боже мой, но что же ей следует делать? Нет, что она *должна* делать? Если бы только она ничего не видела — не видела так отчетливо! Она снова вспомнила, как та женщина прошла по комнате, как остановилась и сказала что-то человеку, который оставался вне поля зрения миссис Морган. Пытаясь рассмотреть, с кем разговаривает женщина, миссис Морган подошла вплотную к живой изгороди и остановилась, и тут появился *он* — невысокий, худощавый человек с револьвером в руке. Он подошел к женщине и...

Миссис Морган не могла бы сказать, что произошло дальше. До смерти перепуганная, она повернулась и побежала.

...Вряд ли надо приглашать сегодня кого-нибудь из приятельниц. Придется рассказывать, объяснять, заново все переживать... Уж тогда наверняка не избежать бессонницы.

Миссис Морган выпила еще одну чашку чая, вымыла посуду и легла, но еще долго ворочалась в постели.

Биль Уэстин вытер лицо мокрым полотенцем, которое подал ему Вирлок, закурил и взглянул на инспектора.

— Уильям Уэстин,— повторил Вирлок, просматривая бумажник и лежавшие на столе вещи — позолоченный перочинный ножичек, чистый носовой платок, дешевую записную книжку, заполненную в основном кливлендскими адресами, а также мелкие монеты на общую сумму в один доллар двадцать семь центов. В бумажнике оказалось еще семьдесят девять долларов, удостоверение личности, полученное в органах социального страхования, воинский билет, выданный в Кливленде два года назад, и более позднее свидетельство о непригодности к военной службе — все документы на имя Уильяма Уэстина.

Сложив бумаги обратно в бумажник, Вирлок поудобнее уселся на стуле и постарался принять непринужденную, спокойную позу. Он по опыту знал, что лишь немногие из тех, кого подозревают в серьезном преступлении, способны хорошо владеть собой, особенно на первом допросе, в большинстве же случаев они пугаются и начинают вести себя вызывающе.

Вирлок перевел взгляд на Биля Уэстина и улыбнулся. В одном из отделений бумажника он обнаружил аккуратно сложенную вырезку из газеты города Чарлстон в штате Южная Каролина. Это было объявление какой-то гостиницы в Миртл-бич о вакантном месте дежурного администратора.

— Откуда она у вас? — спросил Вирлок.

— Из газеты, которую я купил...

— Зачем?

— Ищу работу и поэтому стараюсь заранее купить газету того города, куда собираюсь отправиться. Если попадется что-нибудь интересное, захожу по указанному адресу и навожу справки.

— Ну, а по поводу этого места вы были в Миртл-бич?

— Был, но в гостинице решили, что я слишком молод.

— И вы отправились в наш город?

— Да.

— Почему вы уехали из Кливленда?

— А что мне там делать? Родителей у меня нет. До четырнадцати лет я воспитывался в приюте, а потом сбежал и с тех пор сам зарабатываю себе на хлеб.

— Но все же ваш родной город Кливленд? Во всяком случае, именно там вы начинали свою жизнь, так?

— Так.

— Когда последний раз вы были в Кливленде?

— Немногим больше года назад. Я работал на заводе резиновых изделий около Акрона, да слишком уж нога донимала в холодную погоду.

— А что с ней?

— Прыгал на ходу в товарный поезд и сломал. Срослась, но неправильно. Поэтому-то меня и признали негодным к военной службе. Прошлой зимой нога особенно донимала: мне ведь все время приходилось стоять на холодном цементном полу. Доктор порекомендовал более теплый климат. Вот я и решил отправиться во Флориду пораньше, до осени, пока туда не нахлынули безработные.

— В каком же именно месте во Флориде вы собирались остановиться?

— Пожалуй, в Майами, хотя заранее не решал,— я же никогда не бывал во Флориде и совершенно не знаю тамошних мест.

— Но, если вы ехали во Флориду, почему же вы пытались поступить на работу в Миртл-бич?

— Хотел сначала поработать дежурным администратором гостиницы, поднакопить хоть немного.

— Допустим. Итак, из Миртл-бич вы направились на юг. Где вы останавливались в пути?

— Нигде. Меня согласился подвезти в своей машине владелец табачной фермы, он ехал отдыхать сюда, в Гэйтвей. По дороге мы нигде не останавливались.

— Вот и получается, что вы заблудились: дорога на юг проходит через противоположный конец города.

— Нет, не заблудился,— быстро ответил Уэстин.— Я слышал, что тут, поблизости от города, есть пляжи с хорошими гостиницами, и решил, если повезет, устроиться дежурным администратором. Шоссе Девяносто девять как раз и ведет к пляжам.

— Хорошо, но это шоссе находится в трех кварталах отсюда. Как же вы оказались в этой части Бэккер-авеню?

— Хотел посмотреть на особняки,— помрачнев, ответил Уэстин.

— То есть?

— Очень просто. Шел по дороге, собирался попросить кого-нибудь подвезти меня на пляж и увидел вот эту улицу. Она показалась мне такой красивой...— Уэстин помолчал.— Да, такой красивой... Что плохого, если мне захотелось посмотреть на красивые дома?

— Ничего. Но меня интересует, как вы сумели разглядеть дома в темноте.

— Когда я пришел сюда, было еще не очень темно.

— Который был час?

Уэстин машинально взглянул на руку, на которой уже не было часов, и снова перевел взгляд на Вирлока.

— Что-нибудь около четверти девятого.

— Где ваши часы?

— Отобрал полицейский. Кажется, Оззи — так его тут называли.

— За что он вас бил?

— Хотел вынудить к признанию в убийстве. Человек, которого полицейские называли Макдаффом, пообещал им продвижение по службе, если они заставят меня сознаться.

— Ну хорошо.— Вирлок чувствовал себя неловко и старался не смотреть на Уэстина.— Ну, хорошо. Вот вы в сумерках, около четверти девятого, идете по улице, любуетесь домами... Что же произошло дальше?

— Один дом, тот самый... показался мне каким-то не таким, как все остальные, и мне захотелось получше его осмотреть. Я остановился, глядел на сад, на цветы, и вдруг...

Дверь распахнулась, и в кухню вошел Эллендер, начальник отдела уголовного розыска местной полиции, а вслед за ним начальник городской полиции Фэйн и Макдафф.

— Это и есть тот самый тип? — спросил Эллендер.

— Он уже сознался? — поинтересовался Фэйн.

Вирлок покачал головой.

— Нет. Мы пока толкуем о предшествующих событиях.

Эллендер — полный человек в летнем коричневом костюме и такой же сорочке с подобранным в тон галстуком — разговаривал по обыкновению в грубом, повышенном тоне.

— Кто это его разукрасил? — кивнул он на юношу.

— Оззи и Авэ. Макдафф пообещал им продвижение по службе, если они выколотят из него признание.

Эллендер равнодушно отвернулся, взял со стола бумажник Уэстина и начал рыться в нем.

— Вы не должны были так поступать, мистер Макдафф,— укоризненно покачал головой Фэйн.— Полицейским категорически запрещено...

— Какое мне дело до ваших запрещений! — огрызнулся Макдафф.— Мне важен результат. Я столько лет плачу вам из своего кармана, а когда мне понадобилась такая пустяковая услуга, вы сразу в кусты? Не выйдет! И не смейте указывать мне, что я могу и чего нет!

— Хорошо, мистер Мак, хорошо, дорогой! — миролюбиво ответил Фэйн, тихонько подталкивая Макдаффа к двери.— Им сейчас же займется Эллендер...

Дверь за Макдаффом закрылась.

— Ну, парень,— мрачно взглянув на Уэстина, начал Эллендер,— рассказывай-ка лучше сам. Да не вздумай морочить мне голову, иначе я отвезу тебя в полицию, а там, будь уверен, тебе еще почище отделают. Начинай. Смит, записывайте его показания.

Смит вынул блокнот и авторучку.

— Давай, Уэстин, давай! — поторопил Эллендер.

Уэстин бросил взгляд на Вирлока и облизал пересохшие губы.

— Теперь я буду говорить только в присутствии адвоката,— проговорил он.

Эллендер наотмашь ударил его по лицу.

— Я тебе дам адвоката! — крикнул он.— Насмотрелся всяких фильмов и несешь вздор! Адвоката получишь только с моего разрешения, понял? Сначала все расскажешь, а потом мы подумаем, нужен ли тебе адвокат.

Эллендер снова ударил Уэстина, и тот вместе со стулом упал на пол.

Мистер и миссис Эш жили напротив Макдаффа, на другой стороне Бэккер-авеню, в четырехэтажном сером особняке, с огромными окнами-«фонарями» и высокими потолками. Семью (у Эшей было четыре мальчика в возрасте от семи до пятнадцати лет) обслуживала многочисленная прислуга из негров и негритянок.

По ночам покой обитателей особняка частенько нарушал шум пьяных кутежей в доме Макдаффов. Одно время чета Эшей и сама посещала эти вечеринки, точнее, оргии, но всегда покидала их раньше всех, а потом и вовсе перестала ходить — не оттого, что осуждала подобное времяпрепровождение, а оттого, что предпочитала больше заниматься своими детьми.

Комната старшего мальчика находилась на четвертом этаже, откуда можно было хорошо видеть и сад Макдаффов и даже то, что происходило у них в гостиной. Супруги сделали это открытие случайно, после того, как однажды сын появился за завтраком полусонным и объяснил, что до трех часов ночи наблюдал за очередной «вечеринкой» у соседей.

Вечером в следующую субботу хозяйка дома Нонна Эш отправилась в комнату сына и сама убедилась, до какого безобразия доходили упившиеся и совершенно потерявшие стыд гости Макдаффов. Она немедленно перевела сына в спальню к брату, а в его комнату приказала перебраться горничной Берте Пул.

Позже Нонна Эш не раз слышала, как Берта, хихикая, передавала кухарке красочные подробности подсмотренных сцен и как та спокойно отвечала, что все это ей давно известно от приятельницы — прислуги Макдаффов.

Миссис Эш была по-своему привязана к Берте, которая работала у нее уже лет двадцать и была одного с ней возраста. Хозяйка частенько заходила к горничной узнать последние сплетни и подолгу простаивала перед зеркалом, пока доморощенная портниха Берта примеряла на ней какое-нибудь очередное будничное платье.

Вот почему миссис Эш вовсе не удивилась, когда вечером в то воскресенье Берта спросила, может ли она поговорить с ней попозже по секрету.

В половине двенадцатого, уложив детей, миссис Эш поспешила подняться в комнату Берты. Ужас, вызванный у нее убийством Элен Макдафф, теперь перешел в тупую, приглушенную боль. Толпа зевак, топтавших лужайки в саду, шумливые репортеры со своими назойливыми расспросами, неприятное ощущение, охватившее ее, когда в дом явились полицейские, чтобы задать несколько обычных в таких случаях вопросов, истошный вой полицейских сирен, устрашающие подробности, которые сообщил ей Джордж, ее муж, побывавший на месте преступления,— все это повергло ее в какое-то оцепенение. Лишь к вечеру, когда самые острые переживания остались позади, она почувствовала некоторое облегчение. Конечно, газеты еще долго будут пережевывать происшествие, еще не скоро затихнут всякие кривотолки, но хорошо уже хоть то, что пока никакие неприятности не угрожают ей самой и ее домашним. Миссис Эш и мысли не допускала, что полицию может заинтересовать флирт, который в прошлом году так безрассудно затеял ее супруг с Элен Макдафф. У нее комок к горлу подступал, когда она вспоминала, как иногда по вечерам Джордж отправлялся к Макдаффу «перекинуться парой слов» и, как позже она обнаруживала, что именно в эти вечера Макдаффа не было дома. Она не позволяла себе спрашивать, а Джордж не находил нужным говорить, что происходило между ним и Элен Макдафф в такие вечера. И вот теперь Элен Макдафф нет в живых...

Войдя в комнату Берты, миссис Эш услышала приглушенные всхлипывания.

— Ты плачешь, Берта?

— Да, мэм.

Миссис Эш присела на край кровати горничной.

— Почему же ты плачешь?

— Я... я... видела...

— Что ты видела?

— Я видела, миссис Эш, что произошло там, внизу... Я видела его... Я видела все отсюда, из окна...

Миссис Эш потребовалось некоторое время, чтобы взять себя в руки.

— Что значит — видела *его*? Кого ты видела, Берта?

— Я открыла окно. Миссис Макдафф сидела в саду — она ведь любила выходить в сад. Но на этот раз я удивилась: уже почти стемнело, а она все сидит. Потом я увидела мужчину... Я, правда, не могла в сумерках рассмотреть его как следует, но заметила, что он невысокий, сухощавый... Он подошел к миссис Макдафф, и она вдруг вбежала в дом. Потом я увидела их в большой гостиной... Нет, не обоих, а только миссис Макдафф... Она вроде бы пятилась. Потом я увидела плечо мужчины. Он вытянул руку, послышался выстрел, и миссис Макдафф упала...

Нонну Эш вновь охватил страх. Пытаясь подавить волнение, она встала и прошлась по комнате.

— Что еще ты видела, Берта? — наконец собралась она с силами.

— Не знаю, мэм... Просто не знаю...— растерянно ответила Берта.— Но что-то в фигуре мужчины заставило меня подумать...

— О чем?

— Почему-то его фигура показалась мне знакомой,— ответила Берта, избегая взгляда миссис Эш.— Нет, нет, ничего определенного я сказать не могу!

«Если Берта узнала в том человеке кого-нибудь из соседей,— лихорадочно размышляла миссис Эш,— в историю с убийством окажемся вовлеченными все мы — и я, и муж, и дети...»

— Берта!— резко сказала она.— Берта!

— Да, мэм?

— Сейчас я дам тебе таблетку снотворного. Ты уснешь, а утром мы все снова обсудим с хозяином. Ты слышишь?

— Да, мэм.

Миссис Эш спустилась к себе и взяла две таблетки снотворного. Вернувшись в комнату Берты, она дала ей одну, потом вторую таблетку и сидела около нее, пока горничная не заснула.

Обдумывая случившееся, миссис Эш решила, что завтра же поручит Джорджу отвезти Берту к ее сестре в Мейкон — пусть поживет там недели две, даже месяц. Месяц — достаточный срок, чтобы вся эта история стороной обошла семейство Эшей. Разве Джордж не говорил, что убийца уже задержан? Раз так, ничего предосудительного она не совершит, а Берта, когда вернется, объяснит, что видела слишком мало и не может утверждать ничего определенного. Джордж постарается закрыть газетчикам рот.

Миссис Эш вышла из комнаты Берты, закрыла дверь на замок и положила ключ в карман. Вернувшись к себе в спальню и укладываясь спать, она вновь ощутила сильнейший страх и тщетно пыталась успокоить себя мыслью, что завтра все станет яснее.

Честер Вирлок стоял около убитой. Она по-прежнему лежала на полу. Вокруг входного пулевого отверстия на теле миссис Макдафф были обнаружены следы пороха — следовательно, выстрел был сделан с близкого расстояния. Огромное окно открывалось на высокую террасу, предназначенную для приема солнечных ванн и закрытую от нескромных взглядов живой стеной из аккуратно подстриженного тиса. Миссис Макдафф часто здесь загорала, и это обстоятельство тоже обсуждалось теперь полицейскими.

Фил Бартон устанавливал свою фотокамеру, а Джимми Дэвиль пытался обнаружить и снять отпечатки пальцев. Трое санитаров в белых халатах были готовы унести убитую сразу же, как только закончится фотосъемка. Фэйну удалось уговорить Макдаффа уйти из дома — старика увел его сосед и близкий друг Элрой Саймонсон. Полицейским наконец удалось разогнать зевак, и в соседних домах погасили огни. Эллендер, прервав допрос, вместе с Фейном привел Уэстина в комнату, где лежала убитая. Лицо юноши было в синяках, губы распухли и кровоточили, под правым глазом виднелась глубокая царапина. На него снова надели наручники.

— Посмотри, что ты сделал!— с яростью крикнул Эллендер, выталкивая Уэстина вперед.— И за это ты сам умрешь!

— Клянусь, я ее не убивал,— покачал головой Уэстин.

Лицо Эллендера блестело от пота, на галстуке виднелись брызги крови.

— Выходит, он так ничего и не сказал? — тихо спросил Вирлок.

— В полиции скажет,— буркнул Эллендер. Он грубо схватил юношу за шиворот и потащил в гостиную, но тот потерял равновесие и упал. Эллендер рывком заставил его встать.

Вирлок вышел в сад и долго курил. Когда он вернулся в гостиную, все, кто был там,— Эллендер, Фэйн, Смит, закончившие свою работу Бартон и Дэвиль, Авэ, Оззи и еще двое полицейских, фамилий которых Вирлок не знал,— стояли вокруг Уэстина и уже в который раз слушали его объяснение. Потом с него сняли наручники и заставили показать, как он вошел, где стоял, что делал. Во время этой сцены Оззи с ухмылкой взглянул на Вирлока. Этот наглый взгляд кое-что напомнил инспектору. Он не торопясь подошел к полицейскому и сказал:

— Верните-ка часы, Оззи. У вас еще будет куча неприятностей. Я, правда, тоже наживу неприятности, но так тому и быть.

— Какие часы? Не понимаю!— с вызовом ответил Оззи.— И вообще, что это вам вздумалось прикидываться этаким безгрешным ангелочком?

— Сейчас же верните часы!— гневно повторил Вирлок и протянул руку.

Поколебавшись, Оззи нехотя достал из кармана дешевые наручные часы и сунул инспектору.

— Мерзавец!— презрительно бросил Вирлок и, отвернувшись, вновь стал наблюдать за тем, что происходит в гостиной.

— Ради бога, К. Т., перестаньте рыдать!— воскликнул Элрой Саймонсон.— Не переношу, когда мужчина плачет.

Макдафф вскочил с кресла и, всхлипывая, забегал по гостиной Саймонсонов.

— Она мертва!— твердил он.— Она умерла!..

Саймонсон и его жена Этта испытывали чувство неловкости. Элрой привел Макдаффа к себе, и теперь они не знали, что делать. Едва переступив порог, Макдафф бросился в кресло и, трагически заламывая руки, завел бесконечную песню о том, как страстно любил он свою жену. Вначале Саймонсоны слушали внимательно, пытаясь уловить в его словах какой-то смысл, но вскоре махнули рукой: Макдафф то твердил о своих нежных чувствах к покойной супруге, то начинал вспоминать пикантные эпизоды недавних вечеринок, не имевшие никакого отношения к сегодняшнему событию. Так продолжалось около часа. Время от времени Макдафф вдруг надолго замолкал, и в такие минуты Этта Саймонсон бросала на мужа многозначительные взгляды, словно спрашивала, как поступать дальше. В конце концов она нашла выход из положения, предложив мужчинам кофе. Муж одобрительно кивнул, и миссис Саймонсон поспешно вышла из гостиной, не желая ни слышать, ни видеть Макдаффа, тем более что многое в его поведении показалось ей неестественным, даже фальшивым.

Элрой Саймонсон с горечью подумал, что Макдафф, как видно, не даст им покоя и ночью, и уже сожалел, что привел его к себе. Его размышления прервал телефонный звонок. Саймонсон снял трубку. Звонил Роланд Гуд, сосед из дома напротив. Таинственным шепотом он осведомился, не сообщил ли Макдафф чего-нибудь такого, что проливало бы свет на печальное событие. Саймонсон раздраженно посоветовал Гуду не совать нос в чужие дела, с сердцем бросил трубку на рычаг и повернулся к Макдаффу. Тот снова вскочил с кресла и быстро заходил по комнате.

— Рой!— воскликнул он.— Вы понимаете, я так любил ее, так любил!..

— Посидите хоть немного!— умоляющим тоном попросил Саймонсон.— Может, дать вам таблетку снотворного? — с надеждой спросил он.

— Спать?!— всплеснул руками Макдафф.— Да разве я смогу заснуть!

Дверь приоткрылась, и Этта Саймонсон поманила к себе мужа. Тяжело вздохнув, Элрой подошел к ней.

— Послушай, родная,— начал он,— К. Т., должно быть...

— Помолчи,— остановила его миссис Саймонсон.— Есть более важный разговор. Ты знаешь, кто был сегодня у них,— она кивнула на Макдаффа,— в его отсутствие? Не знаешь? Так я скажу тебе.

Саймонсон решил, что его жена по обыкновению хочет посплетничать, и устало отмахнулся от нее.

— Давай лучше подумаем, как успокоить его,— проворчал он.— Иначе нам всю ночь придется мучиться... У тебя осталось снотворное, которое ты принимала прошлым летом?

— Кажется, осталось.

— Положи ему таблетки две в кофе... Можно даже три, а то он не даст мне уснуть.

Продолжение следует.

Перевел с английского Ан. ГОРСКИЙ.

ВТО

Юрий ЧЕРНЯВСКИЙ

Банальнейшая ситуация: хапуга-бухгалтер, услужливый соучастник, без которого не обходится ни одного погружения нечистоплотных рук в государственный карман, и ротозей-директор, подписывающий все, что ему подсунут. Именно все так и выглядело из акта ревизии, объяснений, справок и других бумаг, сколотых крупной канцелярской скрепкой и препровожденных вместе с постановлением о возбуждении уголовного дела и проведении расследования с размашистой подписью Алексея Тимофеевича в конце. Старший бухгалтер небольшой фабрики по переработке вторичного сырья Пантелеев выписал в разное время, примерно на протяжении года, 6 расходных кассовых ордеров по 150—200 рублей каждый на имя заведующего заготовительным пунктом Бурова, который и получил в общей сложности 975 рублей. Директор фабрики Кожемякин подтвердил законность расхода своей подписью. А дальше дело шло так: вместо того, чтобы отнести выданные деньги в подотчет Бурову и потребовать документы в обоснование расходов, Пантелеев делает множество заведомо неправильных записей, или, как их называют, бухгалтерских проводок, которыми маскирует операцию по выдаче денег, отнеся эти расходы на расчеты с различными организациями. Таким путем Буров освобождался от необходимости отчитываться за полученные деньги и мог их тратить, разумеется, вместе с Пантелеевым, по своему усмотрению. Конечно, такой «грабеж среди белого дня» не мог долго оставаться незамеченным. Пришли с очередной проверкой ревизоры, восстановили проводки, как им положено быть, и все открылось. Теперь подошло время отвечать, наступил черед вмешательства правосудия.

С чего обычно в таких случаях начинает следователь? Раз уж сам факт воровства больших сомнений не вызывает, надо позаботиться о возврате государству возможно большей суммы, полнее возместить ущерб. Один из обычных путей — опись и арест имущества. С этого я и начал. Захватив понятых, отправился на квартиру Пантелеева. В личном деле сказано, что бухгалтеру уже под 60 и живет он вдвоем с женой, недавно ушедшей на пенсию. Однако эти сведения несколько устарели. Видимо, решив, что встречаться с представителем правосудия ему незачем, бухгалтер снялся с насиженного места и пустился в бега. Что же, и такое, к сожалению, случается. Значит, надо несколько расширить программу визита и поближе познакомиться с его родственниками и знакомыми, к кому скорее всего он на старости лет подался.

Есть множество способов такого знакомства. Наиболее достоверным представляется изучение так называемых семейных архивов: разных справок, писем, бумаг, фотографий, которые скапливаются вместе с прожитыми годами и обычно лежат в коробках, папках, а то и просто в туго перевязанных шпагатом стопках. В семье Пантелеевых архивы хранились в довольно вместительной коробке, сплетенной из соломки. В самом низу тронутая временем фотография, конец 20-х годов,— молодой Пантелеев — выпускник рабфака, дальше более поздняя фотография — студент, судя по подписи, экономист. Среди снимков жены, детей, знакомых — маленькая фотография военных лет: Пантелеев в форме офицера с петличками сапера. Потом идет небольшая стопка документов: справка от 12 мая 1948 года: «Предъявитель сего Иван Аркадьевич Пантелеев состоит в должности главного бухгалтера текстильной фабрики». Вот еще документ — веха на жизненном пути: почетная грамота, выданная И. А. Пантелееву — заместителю директора комбината по финансам. Дальше документы пошли несколько иного

РИЧНОЕ СЫРЬЕ

Рисунок И. БЛИОХА

свойства: копия приказа о переводе на должность главного бухгалтера, потом справка о зарплате Пантелеева — старшего бухгалтера института. И, наконец, последний переход — на фабрику по переработке вторичного сырья, так сказать, «бросили на тряпье».

Под коробкой из соломки лежала какая-то внушительных размеров и весьма потертого вида книжица. Взглянул и невольно задумался над необычным заглавием: «Слово о пьянстве» — трактат Феодосия Печерского. Интересно, что же все-таки привлекло внимание бухгалтера к трудам одного из столпов древней русской церкви? Взял книгу в руки, раскрыл на аккуратно заложенной странице. В правом столбце подчеркнута остро отточенным карандашом строчка: «Пить можно, но в закон, во время и в славу божию». Я поднял голову и взглянул на жену Пантелеева. И по тому, как она горестно вздохнула, понял, что угадал. Вот уж действительно банальнейшая история: не только жулик, но и пьяница. Вернее, потому и жулик, что пьяница. И причина закатившейся карьеры тоже стала ясна — именно та, что отчеркнута красным карандашом в старой книге.

Однако надо заканчивать затянувшееся посещение. Используя фотографии из семейного альбома, некоторые старые письма, тут же на месте с помощью жены Пантелеева составляю подробный список его родных и знакомых, их адреса. Они скоро пригодятся. Наконец, последнее действие — опись имущества. Прямо надо сказать, не так-то его и много в этом доме, хозяин которого деньги тратил в основном на водку. Теперь, пожалуй, и все, можно уходить. Старая женщина, все время державшая себя в руках, вдруг не выдержала и заплакала. «Что же теперь будет?» — сквозь слезы повторяла она. Это всегда трудная минута для следователя. Что ей ответить и чем можно помочь? Всю жизнь она прожила в семье, растила детей, заботилась о муже и вот под старость осталась одна. Дети разъехались, муж сбежал. Как посмотреть в глаза людям, что отвечать на их вопросы? Мы много говорим и пишем о том зле, которое причиняют обществу преступления, но порой както забываем, что среди жертв их, иногда невольных, часто оказываются родные и близкие, дети, жены, родители. И снова возвращаюсь к тем строчкам в старинной книге: нет, трижды неправ Феодосий Печерский, никогда водка ничего, кроме вреда и беды, никому не приносила.

Между тем события развивались своим чередом. В законе написано, что следователь должен объективно и беспристрастно относиться ко всем, с кем он имеет дело. Однако люди есть люди, и в глубине души одни обвиняемые вызывают неприязнь, другие — жалость. Буров не понравился сразу. Я только что закончил писать поручения своим коллегам, или, как у нас говорят, подготовил отдельные требования в те города и районы, где можно было ожидать появления Пантелеева, и все еще находился под впечатлением тяжелой сцены в его доме. Буров не вызывал жалости. Глядя на его тупые, неразворотливые движения, руки, которые в отличие от остальных частей тела все время куда-то исчезали, я мысленно ловил себя на том, что именно вот таких жуликов и нарушителей иногда рисуют на плакатах. Правда, цена подобных скоропалительных оценок с одного взгляда невысока. Это известно.

Как бы там ни было, но на столе лежало категорическое заключение графической экспертизы, откуда следовало, что «подписи в получении денег на кассовых ордерах исполнены Буровым Степаном Ильичом». Имея такое явное свидетельство хищения, я, можно сказать, в штыки встретил все попытки заведующего заготовительным пунктом убедить меня в обратном. Видимо, разговор стал излишне резок, Буров как-то укоризненно посмотрел на меня, а потом, постепенно уловив, что я привел свои чувства в порядок, стал взывать к моему рассудку. Существо его суждений сводилось к тому, что он человек честный и не станет мараться с такой мелочью. И, желая окончательно убедить меня, он бросил последний довод: «Ну зачем мне все это надо, я же человек обеспеченный, посмотрите хотя бы на мою зарплату». Я посмотрел... 300—350, а два раза даже по 420 рублей в месяц — столько получал заведующий пунктом по заготовке хлопчатобумажного и шерстяного тряпья.

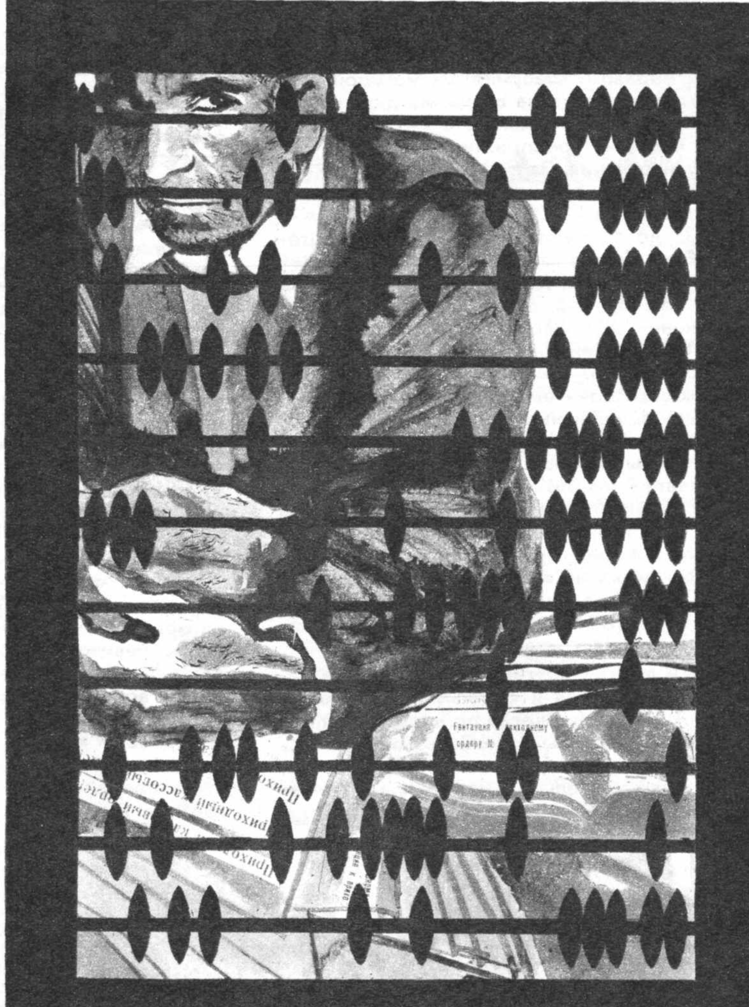
Так на этот раз мы ни до чего и не договорились. Буров ушел весьма озабоченным, однако, как мне показалось, не столько тяжестью возведенных на него подозрений, сколько мыслью о том, как разубедить следователя, впавшего в ошибку. Однако расстались мы ненадолго. Еще и рабочий день не кончился, как в дверь просунулась та же неуклюжая фигура несимпатичного заготовителя. В руках у него была довольно внушительных размеров справка, где перечислялись за последний год все дни, когда он был в командировках. Их было много: по два, а то и три раза в месяц он отправлялся за пределы области организовывать заготовку сырья. Не теряя времени, Буров ткнул в одну из строчек: был в отъезде с 14 по 20 марта. И в ответ на вопросительный взгляд деловито пояснил: «Деньги по ордеру № 127 получены 17 марта». Примерно такая же история произошла и с другим кассовым ордером, по которому, если верить записи, Буров получил 180 рублей.

«Как же так вышло?» — невольно вырвалось у меня. И, еще не успев закончить, понял бессмысленность вопроса. Это Бурова не касалось, ему наплевать, что произошло. Он деньги не получал, и все тут. Он в те дни был далеко от бухгалтерии, остальное — забота следователя. «Ну ладно,— с досадой подумал я,— он мне не помощник. Но что же все-таки произошло?» Беру справку, кладу рядом ордер № 127. Итак, деньги получены 17 марта одна тысяча девятьсот шестьдесят... Стоп, стоп. Вот так фокус, а года-то и нет. Нет года, и все тут. Еще ордер — опять год не указан, еще один — та же история. Ситуация начинает проясняться: ни на одном из 6 кассовых ордеров не значится год его выписки: число есть, месяц есть, а года нет. С такими случаями мне уже приходилось сталкиваться, и, как надо действовать, я знал. На другой день вместе со специалистом-бухгалтером мы осмотрели документы по отчетам заготовителей за прошлые годы и быстро нашли, откуда появились злополучные ордера. Пантелеев и на этот раз действовал весьма примитивно: как только его одолевала жажда выпивки, изымал из прошлогоднего отчета расходный кассовый ордер с подписью Бурова и еще раз оформлял по нему оплату. Помощи Бурова ему тут не требовалось, единственное, в ком он нуждался, это кассир. Впрочем, при определенных обстоятельствах можно было обманывать и его. Теперь, чтобы закончить дело, нужен был Пантелеев.

Когда вошедший ко мне пожилой человек попросил разрешения присесть и вежливо представился, я невольно поискал глазами милиционера. Однако стража порядка близко не было. Иван Аркадьевич Пантелеев прибыл, так сказать, по личному почину, без вмешательства надлежащих властей. Впрочем, не совсем так, что объективности ради он и подчеркнул в своем рассказе.

«Обложили вы меня, товарищ следователь

«аки зверя рыкающего». Поехал после некоторого раздумья к брату в Петрозаводск, а с тем, как я уже позже догадался, ваши коллеги провели соответствующую беседу. Дал он мне денег на дорогу и совет: «Поезжай, Иван, домой и покайся». Нет, думаю, так не пойдет, и подался от него к сестре в Днепропетровск. Женщина все-таки, скорее пожалеет. Куда там, ее напугали еще больше. Прогнала без денег, даже ночевать не оставила, только накормила. Хотел было к фронтовому другу в Ташкент поехать, но вовремя спохватился, догадался, какую вы штуку со мной проделали. Но ценю, при всем том доброе отношение к себе ценю. Хорошо, что меня, старика, так вот культурно, без этапа, за собственные средства к себе доставили». Начало получилось неплохое. Дальше Пантелеев коротко, без утайки, не щадя самолюбия, рассказал, как он опустился до воровства, причем, не желая привлекать других, научился обходить и кассира. Закончив официальный допрос, мы с ним еще немного поговорили. Когда я поделился своими соображениями о непомерно большой зарплате Бурова, Пантелеев сказал: «Так это только официальная зарплата, а сколько попадает помимо. Недооценивают ревизоры нашу систему, явно недооценивают. Ведь, чтобы покупать сырье у населения, нужны наличные, и немало. Вот тут-то все и завязывается». В подробности он вдаваться не стал, не захотел или не знал. Трудно сказать. Уже в самом конце разговора, усмехнувшись, бросил такую фразу: «В наш век все важные события происходят на стыке: открытия ученых на стыке наук, новая технология на стыке, казалось бы, устоявшихся процессов. Воруют теперь тоже не в системе, а на стыке разных систем». С тем мы и расстались.

Люди, занятые своими повседневными делами, конечно, мало что знают о такого рода деятельности, как заготовка и переработка вторичного сырья. Это ведь не космос, которому щедро отводят свои полосы газеты и журналы. Отправляясь на службу или по пути домой, гражданин может случайно увидеть плакат, призывающий сдавать вторичное сырье, и это, пожалуй, все. Иногда, правда, случайно доведется заметить и самого сборщика утиля, который передвигается от дома к дому: в больших городах на машине, в маленьких на подводе, а то и пешком. Он привлекает к себе внимание в основном детворы криками «Старье берем!», меняя тряпье на воздушные шарики или глиняные петушки. Да и эта классическая картина постепенно исчезает. Чаще всего обмен идет на деньги в небольших палатках, незаметно пристроившихся во дворах или тихих переулках.

Предмет обмена слишком своеобразен, чтобы вызвать какие-нибудь ассоциации с крупными суммами денег, которые могут попасть в эту сферу, а между тем дело обстоит именно таким образом. Фабрика, на которой служил Пантелеев, получала сырье из двух источников: централизованным путем — отходы со швейных и других предприятий — и за счет заготовок у населения. За тонну хлопчатобумажного тряпья гражданам выплачивалось 60 рублей, шерстяного — 160 и синтетического — 600. От 25 до 30 рублей получал сам заготовитель. Если Буров зарабатывал 300 рублей в месяц, значит, ему надо было заготовить около 10 тонн тряпья, для чего иметь в своем распоряжении для расчета с гражданами не менее 1 000 рублей ежемесячно. Всего в области работало 250—300 заготовителей. У многих из них заработки были, конечно, скромнее, тем не менее наличных денег через их руки проходило порядочно. Надо сказать, что немалая часть сырья поступала централизованно, и тут оплата шла по безналичному расчету. Кстати, фабрики получали в три-четыре раза меньше, чем граждане: 14 рублей за тонну хлопчатобумажного лоскута, 35— за шерстяной. Когда сырья не хватало, заготовители отправлялись в соседние области и выжимали его с предприятий за счет внутренних резервов, сверх планов поставок.

Все эти и многие другие, может быть, на непросвещенный взгляд и скучные подробности, я узнавал постепенно, когда по настоянию прокурора города, который очень серьезно отнесся к сведениям, полученным от Пантелеева, занялся более тщательным изучением положения дел с заготовкой вторичного сырья. Вот уж скоро неделя, как, отложив все дела, роюсь в кипах отчетов заготовителей, накладных, актах на переработку сырья, расчетах с поставщиками. За это время успел дважды обойти все немудреное хозяйство фабрики: приемку, цех обеспыливания, моечное отделение, цеха, где установлены щипальные и концервальные машины, склад готовой продукции. Познакомился со многими работниками фабрики, с директором, еще сравнительно молодым, энергичным Львом Борисовичем Кожемякиным, который, правда, несколько удивлен, что я все еще продолжаю возиться со столь ясным делом бухгалтера Пантелеева, но относится ко мне вполне дружелюбно. Иногда мы ведем с ним профессиональные разговоры: о трудностях снабжения, о том, сколько компонентов шерстяной группы надо вкладывать в обтирочные концы, а сколько — в строительный войлок, о проценте отходов при мойке масляного и сухого тряпья, о преимуществах швейного лоскута и о многих других производственных секретах. Да, я постепенно становлюсь специалистом, следователем-тряпичником, как в шутку бросил кто-то из моих коллег на утренней планерке у прокурора города, за что тут же получил от Алексея Тимофеевича корректный, но весьма чувствительный разнос. Но достиг я немногого, все мои многодневные изыскания коротко можно было бы подытожить так: система работала исправно. Деньги на заготовку сырья расходовались правильно, количество сырья и выход готовой продукции балансировались без отклонений.

Как-то в конце рабочего дня мы с Львом Борисовичем вели неторопливую беседу. Он предупредительно уступил мне свое место в скромном директорском кабинете, а сам расхаживал из угла в угол, заложив руки за спину. Разговор зашел о Бурове. «Неприятный тип, конечно,— рассуждал директор,— но деловой. Умеет организовать дело, всегда выручит в трудную минуту. Правда, и самому приходится мотаться...» Я вполуха слушал Льва Борисовича, поддакивал, чтобы не дать разговору иссякнуть, и лениво скользил взглядом по директорскому столу. Обычный стол хозяйственника: календарь, небольшой письменный прибор, телефон, кнопка для вызова секретаря. Под большим листом плексигласа разные бумаги: список самых нужных телефонов, график отпусков руководящего персонала, справка о недокомплекте по специальностям, сводка о выполнении квартальных планов швейными фабриками, красным показано перевыполнение. Вот та самая шестая фабрика, куда в марте прошлого года ездил Буров, значит, в апреле на склад должно поступить дополнительное сырье. Ведь Буров — человек деловой, он своего добьется. Я мысленно представил себе движение документов по этой операции: на швейной фабрике расходная накладная, у нас — приходная. А ведь это и есть стык систем, мелькнула мысль, тот самый, о котором говорил старый бухгалтер. Одна система выпускает платья и блузки, и их количество соответствует затратам материалов, полученных фабрикой. Другая — обтирочные концы и строительный войлок, и тут все в порядке. А вот между ними есть связь, и неплохо бы ее сопоставить.

Если до этого работа шла в темпе обычной, а временами даже замедленной съемки, то теперь все переменилось. Появилась плодотворная версия, наметился успех, и все закрутилось. Съемка стала ускоренной. Теперь уже не надо ни о чем просить дважды, меня понимают с полуслова. Как по мановению волшебной палочки, появились деловитые ревизоры, два молодых парня из ОБХСС, которые горят желанием помочь, полетели запросы, быстро организуются поездки, по первому требованию переворачиваются груды документов, оперативно идут допросы. На второй день я уже знал, что фабрика № 6 отгрузила через Бурова в марте прошлого года 6 тонн лоскута, который в приходе на нашей фабрике не значится. Ревизоры засели за выверку всех подобных операций за последние полтора года. Я же, воспользовавшись паузой, занялся шестой фабрикой. Там уже, видимо, прознали, в чем дело, и к моему приезду подготовили документы по всем сверхплановым отгрузкам. Были предъявлены и соответствующие телеграммы начальника главка Роднина и его заместителя, которыми эта сверхплановая отгрузка санкционировалась.

Телеграммы не могли меня не заинтересовать. Все они в разное время были отправлены, но не из Москвы, а из соседних областных центров. Мне пояснили, что начальство бывает в командировках и оперативно осуществляет руководство. Так как все горели желанием мне помочь, а лишний народ при расследовании не всегда благо, для очистки совести я послал одного из работников ОБХСС в Москву побеседовать с руководством главка. Вернулся он потрясенный: ни одну из этих телеграмм ни Роднин, ни его заместитель не подписывали да и в командировках в этих местах давно не бывали. Дело начинало принимать весьма острый оборот. Наша группа срочно выехала в С-ск, откуда были посланы некоторые из телеграмм, в том числе и та, мартовская. Изъяли подлинники телеграмм, оперативно с помощью местных специалистов организовали сравнение почерка. Получилось весьма неожиданно: текст написан Львом Борисовичем Кожемякиным.

Вечером в купе малолюдного вагона местного поезда мои молодые друзья строили самые фантастические предположения относительно предстоящей работы. У меня же были совершенно реальные планы действий по возвращении. Впрочем, в одном мы сходились безусловно: нужно взяться за Льва Борисовича Кожемякина и начать, пожалуй, с обыска. А вот что искать, тут мнения весьма разнились. Пожалуй, я знал это лучше. Не так давно мне пришлось разбираться в одной истории на телеграфе, и, как специалист, я имел преимущество перед своими молодыми помощниками. Дело в том, что, по действовавшей в то время статье 79 Телеграфных правил, для подачи должностным лицом, находящимся в командировке, служебной телеграммы в адрес учреждения или предприятия, как это ни странно, не требуется предъявления удостоверения личности. Достаточно только сделать под чертой телеграфного бланка отметку, кем, когда выдана командировка, и поставить ее номер. Поэтому, если у Льва Борисовича окажется хотя бы один бланк командировочного удостоверения главка (а добыть их вообще-то несложно, это не документы строгой отчетности), тогда в наших руках будет еще одна веская улика.

Обыск проходил одновременно: в кабинете Кожемякина и у него на квартире. Сам Лев Борисович, притихший, сидел на диване и демонстративно сосал валидол. Справедливо полагая, что нужные мне бланки командировочных скорее всего должны быть здесь, а не дома, я распоряжался с директорского кресла, одновременно наблюдая за ходом поисков и отвечая на телефонные звонки. Однако, пожалуй, наиболее интересные сведения начали поступать от группы в квартире.

Звонок. Слышу возбужденный голос одного из сотрудников ОБХСС, который возглавил группу по обыску квартиры. В электроплитке, под керамикой, между асбестовыми прокладками, найдены облигации трехпроцентного займа на 10 тысяч рублей. «Где, где?» — невольно переспрашиваю я. И пока мне объясняют, медленно поднимаю взгляд на Льва Борисовича. Затем, положив трубку, обращаюсь к нему официально: «Откуда у вас это?» «Еще бабушка, бабушка,— сбивчиво говорит Кожемякин, заглотнув лепешку валидола,— оставила эти кольца». Заметив мой удивленный взгляд и по-своему его истолковав, продолжает: «А в варенье — это жена запихнула, все чего-то опасалась, как Пантелеев сбежал». Ага, значит, есть еще и кольца, которые обыск почему-то держат в варенье. Пока идет обыск сейфа, пишу записку своему помощнику, он выходит, чтобы позвонить на квартиру. Минут через 20 тот же возбужденный голос докладывает: «Из четырех банок варенья извлечено восемнадцать золотых колец и два кулона». Правда, сейчас Кожемякину уже не до бабушкиных колец. Молоденький лейтенант, отложив в сторону сберегательную книжку на предъявителя с солидной суммой вклада, почему-то уткнулся в какие-то небольшие листки, заложенные в толстую книгу. Да, конечно, это директора не может не взволновать: листки не просто листки, а бланки командировочных удостоверений главка, и тот факт, что именно они привлекли наше вни-

мание в первую очередь, очень много означает для Льва Борисовича.

Со дня памятного обыска прошло пять дней, а я еще не встречался с Кожемякиным. Сразу из служебного кабинета его препроводили в тюрьму, и вот теперь он имеет возможность подумать о делах своих, а я не торопясь подготовиться к допросу. Опять наше положение далеко не равное: он знает все о своих махинациях и причастных к ним лицах, я, видимо, только какую-то часть. Но зато он может только догадываться о степени моей осведомленности. Откуда ему знать, например, результаты сверки документов или может ли он предполагать, что успели рассказать многие его верные подручные, после того как их арестовали и допросили?

Вот хотя бы тот же Буров. Эпизод марта прошлого года. Получив на швейной фабрике после подложной телеграммы 6 тонн лоскута, он составил закупочные квитанции от разных вымышленных лиц якобы на приобретение тряпья у населения и сдал на фабрику. Я не зря изучал скучные инструкции и правила, тут они пригодились. Очень пригодились. Ведь за тонну шерстяного тряпья населению платят 160 рублей, швейным фабрикам — только 35. Значит, разницу — 125 рублей с тонны — в карман. Таким путем только на этой операции Буров «заработал» 750 рублей, и это не считая 30 рублей официальной зарплаты за тонну. В марте Буров провел две такие операции, а за год — двадцать. Так и набегает круглая сумма, исчисляемая не одной тысячью рублей. Опять же Буров не одиночка, таких верных пособников мне уже известно еще девять человек. Значит, многие десятки тысяч рублей проходили через руки этих жуликов. Отсюда и облигации под плиткой и золото в варенье.

Так вот и сколотилась в тихих и незаметных заготовительных организациях группа матерых хищников, крупно и беззастенчиво грабивших государство, пока не вывели их на чистую воду. Видя слабость бухгалтера Пантелеева, его спаивали, давали подписывать разные сомнительные бумаги, а когда он попался на эту приманку, заставили действовать по указке главаря — директора Кожемякина. Вот ведь как получается. Лев Борисович не пил, не курил даже, был примерным семьянином. А всетаки именно пьянство сделало возможным всю эту историю. Где-то жизненные пути корыстолюбца и пьяницы перехлестнулись, и вот вам результат.

Еще раз просматриваю записи, расчеты ревизоров, показания соучастников. Готовлюсь к решительной схватке с главарем шайки. Я уверен, что победа будет за мной, у меня нет в этом ни малейшего сомнения. Но надо быть во всеоружии. Вот он мысленно передо мной: маленький Левик, любимый и единственный сын довольно обеспеченных родителей, который с детства не ведал ни в чем отказа, которому все дозволялось. Так воспитывался семейный деспот, так развивалось в нем сознательное и упорное себялюбие. Вот он выпускник школы, один из лучших учеников, не столько благодаря способностям, сколько стараниям папы и мамы, особенно мамы, она дни там проводила, всячески вытягивая любимое чадо в отличники. В техническом вузе дела пошли хуже: мама была далеко. С трудом его окончив, молодой Кожемякин получил распределение — мастер на машиностроительном заводе. Слишком ординарная должность для глубоко эгоистичного и пробивного человека. И вот, казалось бы, неожиданный зигзаг: Кожемякин в системе заготовок. Дипломированные специалисты тут нарасхват, и довольно скоро его ставят во главе фабрики. Но что зарплата директора небольшого предприятия по сравнению с теми возможностями, которые открываются перед предприимчивым дельцом! И случай сводит его с Буровым, и тут подвернулся еще и пьяница-бухгалтер...

Теперь я представил его в тюремной камере. Рухнули все надежды, кончилась легкая жизнь. Все кончилось. Все. Впереди суд и тяжелая кара! А может быть, нет, может быть, все еще вернется. Может быть, следователь не раскопал всей хитроумно сплетенной системы воровства? Нет, похоже, раскопал. Снимаю трубку и прошу доставить арестованного Кожемякина.

РАССУДИЛИ...

...Начальник пассажирской службы агентства Аэрофлота в Киеве, войдя в конце рабочего дня в кассовый зал, обнаружил, что одним кассиром стало меньше. Зашел за барьер и увидел, что «недостающий» кассир — Бондаренко — лежит на каких-то бумагах под стойкой. Обеспокоенный, он нагнулся к ней, но по запаху винных паров сразу понял, в чем дело. Разбудил. Попросил зайти к нему в кабинет. Она вошла, держась за стенку...

Это случилось 9 марта. В последующие дни события развивались следующим образом. Бондаренко написала объяснительную записку, где утверждала, что в обеденный перерыв позволила себе выпить лишь (!) стакан вина. Объяснения написали старший кассир и другие свидетели инцидента. Затем начальник агентства попросил разрешения месткома на увольнение кассира. 14 марта собрался местком и решил: уволить! И Бондаренко уволили. Но вскоре нарсуд Радянского района города Киева восстановил ее на работе.

Оказывается, в тот же злополучный день 9 марта в отделе кадров Центрального агентства Украинского управления воздушных сообщений на чистом листе бумаги было выведено: «Приказ от 9. III. 1972 г.». Этот лист бумаги почти две недели лежал на столе, и в него по мере надобности вписывался очередной параграф. К тому времени, когда местком обсуждал случай с Бондаренко, параграфов набралось уже 15. И лишь 20 марта приказ был подписан. Согласно ему, Бондаренко была уволена с 20 марта. По это число включительно ей выдали зарплату.

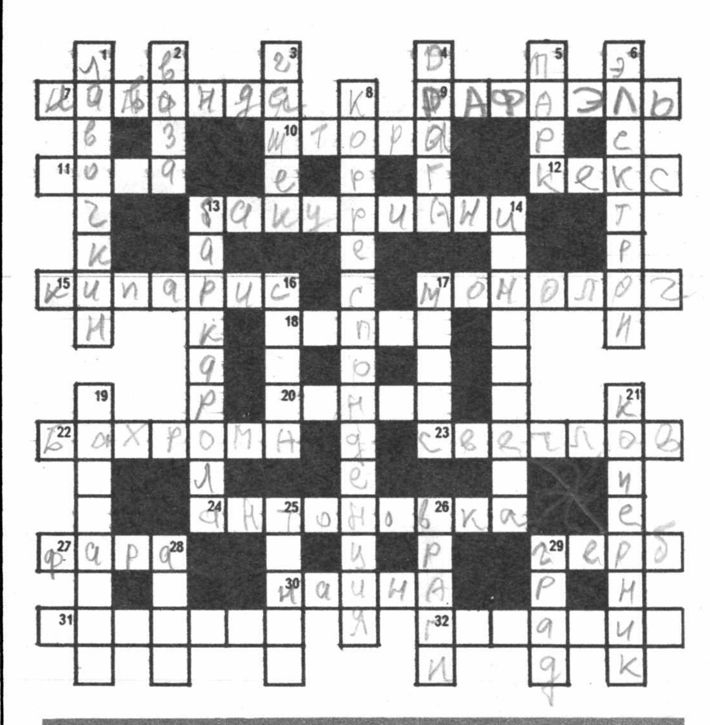
Возможно, работники отдела кадров допустили ошибку, не подавая приказы на подпись начальнику каждый день. Но именно это обстоятельство и сыграло роль юридической зацепки. «Поскольку приказ (от 9. III.) был издан до заседания месткома (14. III.), считать увольнение незаконным» — таково было решение суда. Написать такое можно было, лишь пренебрегая показаниями свидетелей, не вникнув в суть дела, опираясь лишь на чисто формальные данные. Фактически приказ был подписан не 9-го, а 20 марта.

Об этой частной истории, может, и не следовало бы рассказывать, если бы не одно весьма тревожное обстоятельство. Дело Бондаренко по ходатайству агентства рассматривалось в Киевском областном суде. И там было решено, что 86 рублей 26 копеек за вынужденный прогул ей должны быть выплачены не за счет начальника, подписавшего приказ, а за счет предприятия... Вот ведь как! А то, что решениями судебных органов фактически берутся под защиту пьяницы, осталось незамеченным. И. о. прокурора города тов. Долинский опротестовал это решение. Он считает, что означенные рубли и копейки должны быть выплачены из кармана начальника.

Да полноте! Неужели никому и в голову не пришло заглянуть в суть дела? А ведь еще 21 января 1968 года, выступая в газете «Труд», заместитель председателя Верховного суда СССР В. В. Куликов писал: «Важным также является разъяснение Верховного суда, что неправильная формулировка основания увольнения или неточность при ссылке на закон не являются основанием для восстановления на работе».

Кому-кому, а работникам суда необходимо знать это разъяснение.

С. КАЛИНИЧЕВ

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Эфирномасличное растение. 9. Итальянский живописец эпохи Возрождения. 10. Оконная занавеска. 11. Музыкальный интервал. 12. Кондитерское изделие. 13. Высокогорный курорт в Грузии. 15. Вечнозеленое хвойное дерево. 17. Речь, обращенная к самому себе или к зрителям. 18. Остров в Тирренском море. 20. Областной центр в РСФСР. 22. Тесьма для украшения одежды, портьер. 23. Автор стихотворения «Гренада». 24. Сорт яблок. 27. Автомобильный фонарь. 29. Отличительный знак государства, города. 30. Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила». 31. Спортивная игра. 32. Продукт перегонки нефти.

По вертикали: 1. Советский авиаконструктор. 2. Сосуд для фруктов, цветов. 3. Чешский писатель-сатирик. 4. Плавучее землечерпательное сооружение. 5. Большой декоративный сад. 6. Элементарная частица. 8. Почтовая переписка. 13. Песня венецианских лодочников. 14. Верхняя часть газообразной оболочки Земли. 16. Хищная птица. 17. Спутник планеты Сатурн. 19. Русский композитор XIX века. 21. Польский астроном. 25. Действующее лицо оперы Р. Леонкавалло «Паяцы». 26. Пьеса М. Горького. 28. Порт на Дону. 29. Атмосферное явление.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 41

По горизонтали: 3. Ежевика. 6. Анчоус. 7. Ингода. 8. Веранда. 10. Секунда. 15. «Казаки». 17. Тунис. 18. Партер. 20. Камертон. 21. Несессер. 22. Павиан. 24. Тарту. 25. Доярка. 27. Фанфара. 29. Кирхгоф. 30. Кряква. 31. Невада. 32. Трибуна.

По вертикали: 1. Верста. 2. Сириус. 4. Карета. 5. Гайдар. 9. Детонатор. 11. Ессентуки. 12. Караван. 13. Снегирь. 14. Мережка. 16. Кирза. 19. «Алеко». 23. Игарка. 26. Яровая. 28. Арахис. 29. Контур.

На первой странице обложки: Электроламповый завод в Саранске. Надежда Свешникова — лаборантка. В музее Всесоюзного научно-исследовательского института источников света (ВНИИИС). Кварцевая лампа для оптических приборов. Это уже история — прожекторная лампа, хранящаяся в институтском музее (ВНИИИС). Лампы ВНИИИС.

Фото А. Награльяна.

На последней странице обложки: Школьники на экскурсии. Канал Иртыш — Караганда.

Фото Л. Шерстенникова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 25/IX-72 г. А 00742. Подп. к печ. 11/X-72 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2260. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 3552.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

С «Песнярами» я встретилась в самолете Москва — Минск. За день до этого Белорусская филармония сообщила, что ансамбль вот-вот должен вернуться с гастролей и пробудет дома лишь несколько дней; тут же я вылетела в столицу Белоруссии к «Песнярам», а они появились в самолете одновременно со мной! Но сразу же познакомиться нам не удалось: артисты спали до самого Минска. Уже после выяснилось, что их предыдущая ночь была занята трудным и срочным переездом из Владимира в Москву на концерт.

Только на другое утро я встретилась с руководителем ансамбля Владимиром Мулявиным. Шла репетиция во Дворце спорта.

— Большинство из нас пришло в филармонию после армии, — рассказывает Владимир.— Все мы в свое время закончили музыкальное училище: я — по классу гитары, Яшкин — по классу баяна, Владик Мисевич — флейтист, Леня Тышко — домрист... Все работали в разных ансамблях, разных коллективах, и это нас, конечно, не устраивало, так как еще в армии мы сдружились: участвовали в ансамбле Белорусского военного округа. Хотелось придумать что-то свое и быть вместе...

— Давно ли возник ансамбль «Песняры»!

— Если называть дату официального возникновения, то недавно. Белорусский вокально - инструментальный ансамбль «Песняры» начал уже всеми признанное свое существование в 1969 году, после четвертого Всесоюзного конкурса артистов эстрады, где завоевал лауреатское звание.

Завоевано было и звание и популярность у любителей эстрады, да и не только у них. Но, чтобы стать «Песнярами», ансамбль прошел долгий и нелегкий путь поисков, неудач, успехов и разочарований. Начало же этого пути отстоит намного дальше от счастливого для ребят шестьдесят девятого года... Филармония не сразу пошла навстречу желаниям музыкантов. В то время в Минске, как, впрочем, и везде, появлялись похожие одна на другую молодежные музыкальные группы. И, очевидно, у директора возникло справедливое опасение, что ансамбль, первоначально он назывался «Лявоны», далеко от этих групп не уйдет.

— Чего греха таить,— признаются «Песняры»,— мы сначала тоже пробовали петь под «Битлз». Получалось не хуже, наверное, чем у «Веселых ребят» или «Голубых гитар». Но скоро почувствовали: не то! Не наше!..

Начались поиски «своего». Причем ведь нужно было, чтобы это свое, близкое стало таким же близким и для людей, сидящих в зале, чтобы оно могло собрать, объединить, увлечь слушателей любого возраста, любых музыкальных вкусов. И, вполне естественно, взоры артистов обратились в конце концов к фольклору, к народным песням... Что иначе может вот так тесно слить чувства людей воедино! Что может быть ярче, богаче, оригинальней! И что может быть музыкальнее, ближе.

Счастье «Песняров», что они сумели довольно быстро прийти к этому выводу и с поистине фанатической одержимостью двинулись по избранному раз и навсегда творческому пути, занявшись популяризацией старинных белорусских народных песен.

Конечно, никакое начинание не обходится без трудностей! Специального вокального образования ни у кого не было. Значит, пришлось день и ночь заниматься вокалом. Нужно было подобрать инструменты хорошего качества — кстати, самое их сочетание может показаться неожиданным: электрогитары, электроорган и тут же рояль, скрипка, флейта. Труба, саксофон — и тут же бубен, дудочка, лира...

Нужны были слегка стилизованные национальные костюмы. А поскольку к ансамблю в филармонии относились пока еще недоверчиво, приходилось самим ходить на фабрику или на завод и просить все, что было нужно.

Важно то, что все это нисколько не охлаждало артистического пыла. Наоборот, сдружились «Песняры» еще больше. «...Мы любим работать!» — говорят они. И это не пустые слова, это так и есть. После конкурса эстрады началась самостоятельная уже работа в филармонии. Начались большие,

Владимир Мулявин.

Н. АЛЕКСЕЕВА

Фото А. НАГРАЛЬЯНА.

ПЕСНЯРЫ

Концерт.

двухчасовые концерты, гастроли по стране...

...Занавес раздвигается. На сцену выходят три песняра: Валентин Бадьяров со скрипкой, Владислав Мисевич с дудочкой и Валерий Яшкин с лирой. Они наигрывают очень простую народную мелодию, а на сцене в это время появляются один за другим остальные участники ансамбля и подключаются к основной мелодии... Современные инструменты — электрогитары, ударные — существуют здесь не в качестве обыкновенных «ритмодержателей»; они не назойливы, не «бьют» слушателей по голове и не «давят» на уши... Соло-гитара Владимира Мулявина живет вместе с песней, бережно подчеркивает ее. Не врываясь в мелодию, гитара плачет или радуется вместе с певцами, оттеняя гамму чувств, вложенных в песню, будь то «Косил Ясь конюшину», «Купалинка» или «Ой, рана на Ивана»...

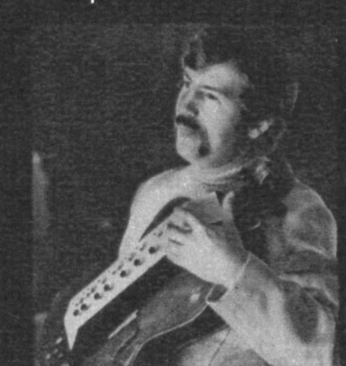
У каждого человека есть любимая песня; в ней подчас заключена его душа. И потому песня эта до поры до времени остается тайной. Не всякому ее откроешь, не всякому решишься пропеть. Ведь если не можешь спеть так, чтобы до другого дошел душевный смысл песни, тем только ранишь свои же чувства: вдруг не дойдет до другого красота мелодии, глубокий смысл слов... Открывая другому свою песню, всегда открываешь душу, а она не терпит фальши.

Наши «Песняры» поют народную душу Белоруссии. И как же тонко, с каким вкусом они это делают!

Сильные, чистые, свежие голоса Владимира Мулявина, Леонида Борткевича, Владислава Мисевича трогают, волнуют, рождают улыбку или грусть... Никаких лишних акцентов, никакой развязности нет в их исполнении: все строго подчинено мелодии песенного сказа, его поэтическому смыслу. Песня льется, дышит, живет свободно — вы уже не забудете ее...

Леонид Борткевич.

Валерий Яшкин.

Валентин Бадьяров.

Александр Демешко и Валерий Мулявин.

Леонид Тышко.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663